

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС ЕКАТЕРИНБУРГ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Депозитная политика коммерческого банка:
факторы формирования

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Ресурсность вузовских
научных коллективов и научных школ:
проблемы стратегии развития и управления

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Механизмы реализации
стратегических приоритетов увеличения
ожидаемой продолжительности жизни

№ 3 (82)
2023

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

2023 | **Т. 17, № 3 (82)**

MANAGEMENT ISSUES

2023, vol. 17, no. 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Чевтаева Наталия Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Балынская Наталья Ринатовна – Южно-Уральский институт искусств имени П.И. Чайковского (Челябинск, Россия)

Керимов Александр Алиевич – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ростовская Тамара Керимовна – Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия);

Руденкин Василий Николаевич – Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Скоробацкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Атанесян Артур – Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Кумар Правин – Индийский институт высшего образования и исследований (Ченнаи, Индия)

Сюлейманлы Эбульфез – Университет Ускюдар (Стамбул, Турция)

Тце Серене – Университет Нинбо – Объединенный институт Университета Анже (Нинбо, Китай)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4. Финансы (экономические науки)

5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛА РАЗМЕЩАЮТСЯ:

на официальном сайте; в научной электронной библиотеке eLibrary.ru; в открытой библиотеке CyberLeninka.ru; в ЭБС Лань; в библиотеке ЛитРес.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС: 66020

https://www.akc.ru/itm/voprosy_i-upravleniy_a/

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Natalia G. Chevtaeva – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Natalia R. Balynskaya – South Ural Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk, Russia)

Aleksandr A. Kerimov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Vasily N. Rudenkin – Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia)

Artur Atanesyan – Erevan State University (Erevan, Armenia)

Praveen Kumar – Bharath Institute of Higher Education and Research (Chennai, India)

Ebulfez Süleymanlı – Uskudar University (Istanbul, Turkey)

Serene Tze – Ningbo University – University of Angers Joint Institute (Ningbo, China)

TECHNICAL SECRETARY

Dmitriy I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEPa

The journal is included in the list of leading peer-reviewed academic journals, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science:

5.2.1. Economic theory (Economic Sciences)

5.2.3. Regional and sectoral economy (Economic Sciences)

5.2.4. Finance (Economic Sciences)

5.2.6. Management (Economic Sciences)

5.4.4. Social structure, social institutions and processes (Sociological Sciences)

5.4.7. Sociology of management (Sociological Sciences)

5.5.2. Political institutions, processes and technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-49260 dated April 2, 2012.

Журнал входит в перечень журналов, утвержденный ученым советом РАНХиГС, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук по экономическим, социологическим и политическим наукам.

© Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

**Пастухова Е. Я., Бельчик Т. А.,
Кочнева О. П.**

Доходы, бедность и потребительские расходы населения регионов: долгосрочные тренды и факторы влияния

**Pastukhova, E. Ya., Belchik, T. A.,
& Kochneva, O. P.** 5 Monetary incomes, poverty and consumer expenditures in the regions: long-term trends and impact factors

**Мартенс А. А., Деркач Н. О.,
Шаромова Е. А.**

Депозитная политика коммерческого банка: факторы формирования

**Martens, A. A., Derkach, N. O.,
& Sharomova, E. A.** 19 Deposit policy of a commercial bank: formation factors

Михайленко В. И., Мамин Н. В.

Региональная экономическая интеграция в постпандемический период (на примере Юго-Восточной Азии)

Mikhaylenko, V. I., & Mamin, N. V. 32 Regional economic integration in the post-pandemic period (using the example of Southeast Asia)

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

CORPORATE MANAGEMENT

Зборовский Г. Е., Кеммет Е. В.

Ресурсность вузовских научных коллективов и научных школ: проблемы стратегии развития и управления

Zborovsky, G. E., & Kemmet, E. V. 46 Resource capacity of university research teams and scientific schools: problems of development strategy and management

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT and PUBLIC ADMINISTRATION

Генчикова И. В.

Механизмы реализации стратегических приоритетов увеличения ожидаемой продолжительности жизни

Genchikova, I. V. 60 Mechanisms for implementing strategic priorities for increasing life expectancy

Турцева К. П.

Качество региональной политики в сфере охраны окружающей среды: экологическое управление в регионах России

Turtseva, K. P. 72 Quality of regional policy in the field of environmental protection: environmental management in the Russian regions

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS and MANAGEMENT

ДОХОДЫ, БЕДНОСТЬ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ РАСХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ: ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

Пастухова Е. Я.^а, Бельчик Т. А.^а, Кочнева О. П.^б

^а Кемеровский государственный университет

^б Кузбасский региональный институт развития профессионального образования

АННОТАЦИЯ:

Актуальность. В соответствии с Единым планом по достижению национальных целей развития РФ ежегодный темп роста реальных доходов населения должен составлять 102,5 %, уровень бедности нужно сократить в два раза к уровню 2017 г. Существенные региональные различия по доходам, бедности являются препятствиями в достижении поставленных целей. Сибирские регионы на протяжении длительного времени имеют более низкие показатели доходов, более высокий уровень бедности по сравнению со средними значениями в России. Это обуславливает научную и практическую значимость исследования.

Цель исследования: анализ долгосрочных доходов, абсолютной бедности, потребительских расходов населения с целью определения социально-экономических факторов, работающих на рост и сокращение доходов, масштабов бедности, изменения потребительского поведения населения.

Методы исследования. Для оценки уровня бедности использовалась концепция абсолютной бедности, а также сравнительный, динамический анализ, корреляционный и регрессионный множественный анализ.

Результаты. В 2014–2020 гг. сформировался тренд на сокращение и стагнацию доходов населения. В 2020–2021 гг. началось постепенное снижение абсолютной бедности благодаря росту таргетированной помощи семьям с детьми, безработным, домохозяйствам с доходами ниже прожиточного минимума. Изменения в потребительском поведении: до 2014 г. сокращение расходов на питание, затем обратный сдвиг; увеличение расходов на услуги, в т.ч. на жилищно-коммунальные и транспортные. В условиях пандемии - рост потребления медицинских услуг. В зависимости от уровня бедности сибирские территории классифицированы на регионы-аутсайдеры с максимально высокой долей малоимущих (Тыва, Горный Алтай, Бурятия), проблемные и менее проблемные территории со средними и относительно низкими масштабами бедности. Выявлены факторы, которые оказывают статистически значимое влияние на бедность. Это уровень доходов, внутрирегиональное неравенство доходов, доля сельского населения, иждивенческая нагрузка детьми. В группе проблемных и менее проблемных территорий значимым фактором является уровень занятости. Увеличение занятости работает на снижение доли малоимущих. Общероссийская стратегия сокращения масштабов бедности за счет роста доходов, уровня занятости, помощи семьям с детьми станет более результативной, если будет учитывать демографические, экономические, поселенческие особенности различных территорий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доходы населения, абсолютная бедность, расходы на питание, расходы на услуги, факторы бедности, сибирские регионы.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Международного научного фонда экономических исследований академика Н.П. Федоренко.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пастухова Е. Я., Бельчик Т. А., Кочнева О. П. Доходы, бедность и потребительские расходы населения регионов: долгосрочные тренды и факторы влияния // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 3. С. 5-18. EDN ZEFYNP. DOI 10.22394/2304-3369-2023-3-5-18.

■ ВВЕДЕНИЕ

В социально-экономических науках состояние, динамика доходов и потребительских расходов населения рассматриваются как ключевые индикаторы уровня жизни, важное условие развития экономики региона, страны в целом. Обеспечение устойчивого роста реальных доходов населения, сокращение уровня бедности заявлено в «Едином плане по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 года»¹. В соответствии с Единым планом ежегодный рост реальных доходов населения должен быть не ниже 102,5 %. Уровень бедности нужно сократить в два раза по сравнению с 2017 г., то есть с 12,9 % до 6,5 %. Препятствиями достижения поставленных целей являются более низкий уровень доходов, более высокие масштабы абсолютной бедности в регионах Сибирского федерального округа (СФО) по сравнению со средними значениями в РФ. В СФО в 2014–2017, 2020 гг. реальные доходы снижались более интенсивно, чем в целом в России. За этот же период в сибирских территориях масштабы бедности изменялись в пределах 12,4–38,3 %. В среднем в РФ аналогичные показатели равны 11,0–13,4 %. Все это свидетельствует о значимой межрегиональной дифференциации доходов и уровня абсолютной бедности.

Динамика доходов населения и потребительских расходов домохозяйств существенно менялась на протяжении 2013–2021 гг. под влиянием макроэкономических факторов, инфляции, экономических кризисов, уровня занятости, общей и регистрируемой безработицы, реализуемой социальной политики по оказанию помощи нуждающимся гражданам, семьям. В данной работе временной период 2014–2021 гг. будет сравниваться с 2013 г., т. к. за последние двадцать лет этот год был лучшим по уровню доходов и масштабам бедности.

Данные государственной статистики за 2022 г., характеризующие доходы, расходы населения,

уровень бедности в региональном разрезе, будут доступны только осенью 2023 г. Но по сибирским территориям можно ожидать более низкие значения анализируемых показателей по сравнению с аналогичными данными в среднем по России. Это обуславливает научную и практическую значимость анализа долгосрочных трендов доходов, масштабов бедности, потребительских расходов на региональном уровне с целью определения экономических, демографических, поселенческих факторов, работающих на рост и сокращение доходов, удельного веса малоимущих граждан, изменения потребительского поведения населения.

■ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Экономическая, социологическая, статистическая литература, посвященная изучению динамики номинальных и реальных доходов населения, масштабов и факторов абсолютной, субъективной бедности, потребительских расходов, достаточно многообразна. Доходы, бедность, потребительское поведение анализируются в контексте оценки материального благосостояния [1], социально-экономического неравенства [2], депривации [3], уровня жизни [4] и качества жизни населения [5]. Исследователи Л. Н. Овчарова, Д. О. Попова анализировали основные тенденции в изменении уровня жизни россиян за 1991–2011 гг. Ученые сделали вывод о том, что в течение изучаемого периода реальные доходы домохозяйств увеличились в полтора раза, что позволило людям инвестировать ресурсы в повышение качества человеческого капитала. Авторы оценили произошедшие изменения в потребительском поведении как переход от «модели выживания» к «модели развития» [6].

Ученый А. М. Григорьев с коллегами исследовал динамику доходов, потребительских расходов во время экономического кризиса (2014–2016 гг.) и периода восстановительного роста (2017–2018 гг.) После падения реальных доходов, сокращения потребительского спроса на товары начался период восстановления, улучшения ситуации в экономике. Авторы делают вывод, что процесс адаптации регионов к усло-

¹ Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402829258/> (дата обращения: 25.01.2023).

виям кризиса и выхода из него существенно различается для территорий с различной экономической специализацией [7].

Изменения потребительского поведения населения в различные периоды экономического развития и оценка влияния на этот процесс наиболее значимых факторов исследовалась в работах Н. В. Зубаревич [8], Н. Н. Михеевой [9], П. А. Минакир [10], Е. Е. Елизарова и А. Л. Сеницы [11]. Ученые, анализируя соответствующие тенденции, выделяли следующие значимые факторы влияния: уровень дохода, неравенство по доходу, отраслевая структура занятости, доля детей в численности населения региона, доля городского и сельского населения в регионе, географические и природно-климатические особенности территорий.

Особое внимание ученые уделяли проблемам неравенства в уровне доходов и потреблении, сравнивая структуру потребительских расходов высокодоходных и низкодоходных групп населения [12]. По данным Росстата, в 2021 г. В среднем по РФ 10 % самых бедных семей тратили на продукты питания более 50 % своих доходов. Аналогичный показатель у 10 % самых обеспеченных составил менее 20 %.

Исследователь В. Н. Бобков с коллегами, анализируя проблему неравенства, выделяет наиболее проблемные российские территории по макроэкономическим показателям развития и масштабам бедности. По мнению ученых, радикальному сокращению численности бедных может способствовать повышение минимальной заработной платы, пенсий, оказание социальной помощи детям из малообеспеченных семей [13].

Территориальные различия в уровне жизни населения, в масштабах и профиле абсолютной, относительной бедности рассматривались в работах Т. Zelinsky [14], Н. В. Зубаревич [15], Л. Н. Овчаровой и Е. А. Гориной [16], З. И. Калугиной [17], Е. Г. Решетниковой [18] и других исследователей. На фоне большего числа публикаций, посвященных динамике уровня доходов, бедности, структурным изменениям в потребительском поведении населения в целом по России, региональных исследований по этой теме немного. Обзор опубликованных работ по аналогичной тематике показывает необходимость более детального и длительного по временному периоду анализа с учетом региональной специфики отдельных субъектов РФ.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационной основой исследования стали данные региональной статистики Росстата за 2013–2021 гг. Доходы, потребительские расходы домохозяйств, доля лиц с доходами ниже величины прожиточного минимума (уровень абсолютной бедности) в региональном разрезе представлены на сайте Федеральной службы государственной статистики в разделах «Уровень жизни»², «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств»³, «Неравенство и бедность»⁴, «Регионы России. Социально-экономические показатели»⁵.

Анализ динамики доходов, уровня бедности, потребительских расходов был основан на следующих статистических показателях. Для оценки динамики доходов был использован показатель «соотношение денежных доходов населения с величиной регионального прожиточного минимума (ПМ)». Уровень бедности рассматривался как «доля населения с доходами ниже величины ПМ» (абсолютная бедность). Потребительское поведение населения исследовалось на основе данных о структуре расходов домохозяйств на конечное потребление.

Оценка взаимосвязи вышеназванных показателей и различных факторов влияния предполагала изучение экономических, демографических, поселенческих детерминант. Экономические – это уровень занятости; уровень общей безработицы, измеренной по методологии МОТ; внутрирегиональное неравенство доходов, измеряемое коэффициентом фондов; денежные душевые доходы населения, скорректированные на величину ПМ; соотношение среднедушевого объема инвестиций в регионе и аналогичного показателя в среднем по РФ. Демографические детерминанты – это доля населения младше и старше трудоспособного возраста в возрастной структуре региона. Поселенче-

² Население. Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.01.2023).

³ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 25.01.2023).

⁴ Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 25.01.2023).

⁵ Социально-экономические показатели. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.01.2023).

ские – удельный вес городских и сельских жителей в общей численности населения региона, численность жителей региональной столицы.

В работе применялись общенаучные (анализ, сравнение, обобщение) и эконометрические методы (корреляционный, множественный регрессионный анализ) исследования. Для расчета коэффициентов корреляции, множественной регрессии был использован пакет прикладных программ *IBM SPSS Statistics Base*.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Уровень доходов и масштабы бедности в сибирских регионах. В 2013 г. в современной России было достигнуто самое высокое за последние двадцать лет значение показателя «душевые денежные доходы населения, скорректированные на величину прожиточного минимума». Также в 2013 г. были зафиксированы минимальные масштабы бедности (10,8 % – доля людей с доходами ниже величины ПМ)⁶.

В 2013 г. соотношение душевых доходов к ПМ составило 351 % в целом по РФ. Позитивная динамика данного показателя наблюдалась во всех сибирских регионах. Однако соответствующее значение было более низким, чем в среднем по России. В экономически развитых территориях среднедушевой доход, скорректированный на величину ПМ, составил в Новосибирской области 300 %, в Омской – 323 %, в Томской – 295 %, в Кемеровской – 283 %, в Красноярском крае – 298 %. Значение данного показателя было значительно ниже в национальных республиках Сибири (Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия) и регионах, специализирующихся на аграрном производстве (Алтайский и Забайкальский края). Соответствующие данные представлены в динамике в таблице 1.

Под влиянием экономического кризиса 2014–2017 гг. уровень доходов домохозяйств сократился во всех регионах. Из числа сибирских регионов данный кризис повлиял наиболее негативно на доходы населения Забайкальского края (спад доходов на 21 % в 2016 г. к уровню 2013 г.). Серьезно пострадали от этого кризиса индустриально развитые регионы Сибири, часть

из которых специализируется на добыче, переработке углеводородов. Это Томская, Кемеровская, Иркутская области и Красноярский край (спад денежных доходов на 15–17 % в 2016 г. к уровню 2013 г.). В Новосибирской области, с высокой долей занятых в сервисной экономике, сокращение уровня доходов населения составило за соответствующий период 14 %.

В 2018–2019 гг. во многих сибирских территориях начался восстановительный рост доходов, который был прерван в 2020 г. по причине коронавирусного кризиса, введения карантинных мер. За 2020 г. сокращение денежных доходов населения, скорректированных на величину ПМ, составило 3–4 % в большинстве сибирских регионов. В 2021 г. в СФО динамика душевых доходов домохозяйств по отношению к ПМ была положительная. Однако отставание от аналогичного показателя в среднем по России продолжало оставаться значимым.

Оценка денежных доходов населения и социально-экономических факторов позволила выявить следующую взаимосвязь. Уровень занятости, внутрирегиональное неравенство доходов, уровень урбанизации, численность жителей региональной столицы, доля граждан старше трудоспособного возраста положительно коррелируют с уровнем доходов по отношению к ПМ. Позитивное влияние на доходы фактора «доля лиц старше трудоспособного возраста» обусловлено тем, с 2000-х годов пенсионеры получают доплаты, доводящие их пенсии до величины прожиточного минимума для данной категории [19, с. 86]. Расчеты парных корреляций о взаимосвязи уровня доходов и социально-экономических показателей представлены в таблице 2.

Общий уровень безработицы, повышенная доля детей в возрастной структуре региона отрицательно коррелируют со среднедушевыми доходами, скорректированными на величину ПМ. Действие этих факторов достаточно устойчиво. Но в 2021 коронавирусном году немного ослабло влияние безработицы и «иждивенческой детской нагрузки» на доходы домохозяйств по сравнению с 2013 г. В 2021 г. семьи с детьми, безработные, пенсионеры получили дополнительные денежные выплаты из федерального бюджета с целью поддержки семей в условиях пандемии.

Региональная динамика доходов во многом определяет изменения в уровне абсолютной

⁶ В 2022 г. по предварительным данным Росстата доля населения с доходами ниже границы бедности в целом по РФ составила 10,5 %. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/36_10-03-2023.html (дата обращения: 25.01.2023).

Таблица 1 – Соотношение денежных доходов населения и величины прожиточного минимума в сибирских регионах, %**Table 1** – The level of income of the population to the living wage in the Siberian regions, %

Регионы СФО	2013	2014	2015	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Алтай	214	214	189	192	204	200	200	212
Республика Бурятия	264	258	251	244	233	222	210	216
Республика Тыва	173	165	159	155	157	157	160	172
Республика Хакасия	235	223	211	218	220	208	202	218
Алтайский край	242	246	237	243	244	240	232	239
Забайкальский край	265	237	215	212	215	211	202	211
Красноярский край	298	271	251	254	258	254	249	266
Иркутская область	267	236	219	234	233	230	223	246
Кемеровская область	283	266	248	240	250	247	239	264
Новосибирская область	300	270	245	258	268	269	262	286
Омская область	323	327	296	278	279	272	264	282
Томская область	295	283	254	248	250	248	241	251
Российская Федерация	351	341	312	316	322	324	315	342

Таблица 2 – Корреляционная связь душевых денежных доходов и социально-экономических показателей**Table 2** – Correlation of money income per capita and socio-economic indicators

Регионы СФО	Коэффициент корреляции		
	2013	2020	2021
Уровень занятости	0,795	0,863	0,865
Численность жителей региональной столицы	0,723	0,589	0,643
Уровень урбанизации	0,712	0,572	0,634
Внутрирегиональное неравенство доходов (коэффициент фондов)	0,698	0,512	0,596
Доля населения старше трудоспособного возраста	0,492	0,538	0,568
Уровень общей безработицы	– 0,772	– 0,669	– 0,597
Доля населения моложе трудоспособного возраста	– 0,799	– 0,714	– 0,646

Прим.: Spearman (sig.) на уровне значимости $p < 0,05$; $N = 16$. Расчеты произведены авторами на основе данных региональной статистики Росстата.

бедности. Все сибирские регионы по доле граждан с доходами ниже ПМ можно классифицировать на три группы. Регионы-аутсайдеры с долей малоимущих от 19 % и выше в течение всего исследуемого периода (Республики Алтай, Тыва, Бурятия). Проблемные регионы с масштабами бедности 16–20 % (Республика Хакасия, Алтайский и Забайкальский края, Иркутская область). Менее проблемные регионы с масштабами бедности 12–15 % за 2014–2021 гг. (Красноярский край, Новосибирская, Кемеровская, Омская и Томская области).

Денежные доходы населения по отношению к прожиточному минимуму значительно снизились в 2014–2017 гг. На этом фоне вырос уровень абсолютной бедности. В 2013 г. только в двух сибирских субъектах (республики Алтай и Тыва) доля малоимущих была выше 19 %. В 2016 г. число таких территорий увеличилось до шести. Для Горного Алтая, Тывы, Бурятии наиболее значимый фактор бедности – это иждивенче-

ская нагрузка детьми. Доля несовершеннолетних в национальных республиках Сибири одна из самых высоких в РФ. В Тыве этот показатель равен 34 %, в республике Алтай – 27 % при среднероссийском значении 19 %. В Тыве и Горном Алтае уровень бедности один из самых высоких в России (28,2 % и 22,4 % в 2021 г.). Повышены масштабы бедности в субъектах с достаточно молодой возрастной структурой населения. Это Бурятия (масштабы бедности составляли 19,5 % в 2021 г.), Забайкальский край (19,3 %), Республика Хакасия (17,9 %).

Поселенческий фактор также дифференцирует регионы по уровню бедности. Доля людей с доходами ниже величины ПМ в полтора раза чаще встречается в сельской местности по сравнению с городской. Высокая доля сельских жителей в Республиках Алтай (71 %), Бурятия (41 %), Тыва (46 %), в Алтайском (43 %) и Забайкальском (32 %) краях является значимым фактором риска бедности.

Таблица 3 – Характеристики регрессионных уравнений по сибирским регионам в 2021 г.**Table 3** – Characteristics of regression equations for Siberian regions in 2021

Факторы влияния на уровень бедности	Уровень бедности в регионах 12–28 % (y_1)	Уровень бедности в регионах 12–17 % (y_2)
Константа	17,729	48,879
Соотношение СДД с региональным ПМ (x_1)	– 0,046	– 0,094
Коэффициент фондов (x_2)	1, 112	1,337
Уровень занятости (x_7)	слабое влияние	– 0,408
Доля сельского населения в структуре региона (x_4)	0,141	слабое влияние
Доля детей в возрастной структуре региона (x_5)	0,599	0,513
Соотношение среднедушевого объема инвестиций в регионе к среднедушевому объему в целом по РФ	слабое влияние	слабое влияние

Прим.: в регрессионную модель включены переменные на уровне значимости 0,000. Расчеты произведены авторами на основе данных региональной статистики Росстата.

Для выявления причинно-следственной связи между уровнем бедности и различными факторами влияния были рассчитаны уравнения множественной линейной регрессии по всем сибирским регионам (доля малоимущих 12–28 % в 2021 г.). Для группировки регионов с уровнем бедности 12–17 % были рассчитаны отдельные регрессионные модели. Из последней группировки исключены регионы-аутсайдеры. В регрессионную модель были добавлены ключевые независимые переменные. Это экономические (x_1 , x_2 , x_7), поселенческие (x_4), демографические показатели (x_5). Зависимые переменные – это уровень бедности по сибирским регионам в 2021 г. (y_1 и y_2).

Для оценки значимости множественных регрессионных моделей были определены коэффициенты детерминации. Из восьми регрессионных уравнений выбраны два, которые имели максимальные коэффициенты детерминации: 0,972 (y_1) и 0,955 (y_2). То есть в 95,5–97,2 % случаев уровень абсолютной бедности объясняется включенными в модель независимыми переменными. Описание регрессионных уравнений представлено в таблице 3.

В 2021 г. значимое влияние на масштабы бедности во всех сибирских регионах оказывали уровень доходов по отношению к ПМ, внутрирегиональное неравенство доходов, измеряемое коэффициентом фондов, доля сельского населения в структуре территории, иждивенческая нагрузка детьми. В группировке регионов с уровнем бедности 12–17 % доля селян не оказывает существенного влияния на зависимую переменную. В этой группировке территорий значимым фактором выступает уровень занятости. В 2021 г. следующие независимые переменные

не показали значимой связи с уровнем бедности. Это уровень общей безработицы, численность жителей региональной столицы, среднедушевые инвестиции в регионе, доля населения старше трудоспособного возраста.

Сложившиеся долгосрочные тренды в динамике доходов, масштабов абсолютной бедности повлияли на структуру потребительских расходов населения. Соответствующие изменения в потреблении рассмотрены на основе данных выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проводимого Росстатом.

Структура потребительских расходов населения. Потребительское поведение домохозяйств является важным индикатором благосостояния, которое тесно связано с доходами и уровнем бедности. Существует устойчивая взаимосвязь между доходами населения и долей расходов на питание. Удельный вес расходов на продукты питания в структуре потребительских расходов сильнее всего зависит от базового фактора – уровня доходов населения [20].

В современной России самая низкая доля расходов на питание (30 %) фиксировалась в 2013 г. [21]. Динамика данного показателя по сибирским регионам представлена в таблице 4.

Территориальные различия в доле расходов на питание во многом были обусловлены уровнем экономического развития регионов и уровнем урбанизации. В течение всего исследуемого периода только два экономически развитых сибирских региона (Красноярский край, Томская область) показывали более низкую долю расходов на питание по сравнению с аналогичным показателем в среднем по РФ.

Наиболее высокая доля расходов на питание фиксировалась в экономически слабо развитых

Таблица 4 – Динамика доли расходов на питание в потребительской структуре населения сибирских регионов, %
Table 4 – Dynamics the share of food expenditures in the consumer structure in the Siberian regions, %

Регионы СФО	2013	2014	2015	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Алтай	36	37	36	37	36	36	36	36
Республика Бурятия	38	38	48	38	40	35	40	38
Республика Тыва	37	41	42	43	39	37	34	29
Республика Хакасия	32	37	38	38	39	38	37	38
Алтайский край	36	37	37	40	38	40	39	37
Забайкальский край	34	37	43	40	38	39	39	38
Красноярский край	26	31	32	34	35	32	35	32
Иркутская область	35	38	36	38	38	34	39	38
Кемеровская область	34	37	37	38	35	35	34	35
Новосибирская область	31	33	38	41	40	44	37	40
Омская область	36	40	43	39	36	37	42	41
Томская область	23	29	34	33	36	33	33	36
Сибирский федеральный округ	31	35	37	38	37	37	37	36
Российская Федерация	30	34	37	36	35	35	37	36

республиках Сибири с повышенной долей сельских жителей (Республики Бурятия, Тыва, Хакасия, Забайкальский край). В этих территориях ниже уровень доходов населения, достаточно высокие показатели общей безработицы, повышенная доля людей с доходами ниже величины прожиточного минимума. Последствиями экономических кризисов 2014–2017 гг., 2020 г. стало снижение реальных доходов населения и рост доли расходов на продукты питания. Экономический спад в эти годы работал на небольшой сдвиг в худшую сторону в структуре потребления.

На этом фоне трудно объяснить позитивную тенденцию по сокращению доли расходов на питание в Республике Тыва в 2020–2021 гг. Доля соответствующих расходов в Тыве снизилась с 37 % в 2019 г. до 27 % в 2021 г. Сильные колебания данного показателя по отдельным регионам вызывают много вопросов. Эксперты в области регионального развития достоверность таких колебаний оценивают достаточно низко [22].

Региональная статистика позволяет оценить различия между территориями в использовании доходов на приобретение недвижимости. В РФ лидерами по использованию доходов на покупку недвижимости являются Москва, Московская область, Санкт-Петербург, с 2013 г. Тюменская область с двумя автономными округами, входящими в ее состав. В структуре потребительских расходов населения этих территорий доля средств на приобретение недвижимости составляла в разные годы от 4 до 10 %. В большинстве сибирских регионов аналогич-

ный показатель не превышал 2,0–2,5 % в течение всего исследуемого периода. Только в Красноярском крае, Томской, Кемеровской и Иркутской областях в отдельные годы доля расходов на недвижимость доходила до 4–6 %. Вышеназванные регионы в 2013–2014 гг. (Красноярский край, Томская и Кемеровская области), в 2019–2021 гг. (Иркутская область) наращивали объемы добычи углеводородов, что обеспечило позитивную динамику реальных доходов населения, проживающих на этих территориях. Рост доходов домохозяйств обеспечивает структурный сдвиг в сторону покупки жилья. В кризисные 2015–2017, 2020 гг. расходы на приобретение недвижимости сокращались во всех регионах СФО, в том числе относительно развитых.

Тенденция по увеличению доли расходов на потребление услуг достаточно явно проявилась в 2013–2021 гг. В среднем по России соответствующий показатель за этот время увеличился с 20 до 28 %. Существенную долю в общем объеме услуг занимают жилищно-коммунальные (далее – ЖКУ) и транспортные услуги, которые должны оплачивать почти все население. Динамика доли расходов домохозяйств на ЖКУ и транспортные услуги по сибирским регионам представлена в таблице 5.

В 2013 г. в среднем по РФ удельный вес расходов на оплату ЖКУ составил 10 %. В последующие годы этот показатель в структуре расходов менялся слабо, так как установлен опережающий рост тарифов на данные услуги. В 2013–2021 гг. относительно низкая доля расходов на

Таблица 5 – Динамика доли расходов на ЖКУ, транспортные услуги в структуре потребительских расходов населения сибирских регионов, %**Table 5** – Dynamics the share of housing and communal expenditures, transport expenditures in the consumer structure in the Siberian regions

Субъект РФ	2013		2015		2017		2020		2021	
	ЖКУ	Трансп.								
Республика Алтай	10	16	12	15	12	12	13	14	12	13
Республика Бурятия	11	11	13	10	14	16	14	15	13	17
Республика Тыва	9	12	9	15	12	8	11	13	10	21
Республика Хакасия	9	18	10	14	9	16	9	18	10	16
Алтайский край	13	16	12	13	13	11	13	16	13	19
Забайкальский край	11	14	11	8	10	10	12	10	12	12
Красноярский край	10	18	11	16	12	13	14	12	13	17
Иркутская область	10	17	8	23	9	13	9	16	9	16
Кемеровская область	9	14	10	16	11	13	11	19	12	15
Новосибирская область	11	20	11	16	9	17	11	19	11	13
Омская область	12	12	12	12	12	10	12	13	13	9
Томская область	8	32	10	17	10	18	11	20	12	13
Российская Федерация	10	17	10	14	11	15	12	15	11	14

оплату ЖКУ наблюдалась в регионах, специализирующихся на добыче углеводородов (Иркутская, Кемеровская и Томская области).

Начиная с 2004 г., в структуре потребительских расходов по регионам транспортные услуги включают совокупные расходы на непосредственно услуги и на приобретение транспортных средств. В среднем по РФ данный показатель достаточно высокий был в 2013 г. Сокращение доли расходов на транспортные услуги фиксировалось в периоды экономических кризисов 2015–2017, 2021–2022 гг. из-за снижения покупок автомобилей населением. Территориальные различия в доле расходов на покупку транспортных средств в разные годы составили от 8 до 23 % и были обусловлены реальными доходами населения, развитием транспортной инфраструктуры в регионе, структурными изменениями в потреблении. В разные годы более высокую долю расходов на транспорт имели Томская, Кемеровская, Иркутская, Новосибирская области и Красноярский край. Во всех вышеназванных регионах (за исключением Новосибирской области) значимая часть рабочей силы занята добычей полезных ископаемых (в т.ч. углеводородов) и имеют достаточно высокую заработную плату. Наименьшая доля расходов по транспорту в Республиках Алтай, Бурятия и Забайкальском крае.

Потребительские расходы населения включают услуги, работающие на развитие человеческого капитала. Это услуги в области образо-

вания, здравоохранения, на организацию отдыха, культурные и спортивные мероприятия. В среднем в РФ доля расходов населения на образовательные услуги мала и менялась за исследуемый период в пределах 0,9–1,6 %. Аналогичное значение по сибирским регионам составило 0,9–2,5 %. Исходя из данных Росстата, можно сделать вывод, что существенная часть населения в регионах предпочитает получать образовательные услуги на бюджетной основе.

Доля услуг здравоохранения во всех потребительских расходах тоже невелика и составила в среднем по РФ 2,2–4,2 % за 2013–2022 гг. В течение данного периода эта доля расходов медленно, но постоянно увеличивалась. Наиболее значимый рост доли расходов на здравоохранение в бюджетах домохозяйств фиксировался в 2020–2021 коронавирусных годах. В условиях пандемии covid-19 наиболее высокую долю медицинских расходов имели домохозяйства Новосибирской (5,4–5,9 %), Кемеровской (4,4–4,8 %), Омской (4,2–4,4 %), Томской областей (4,3–5,9 %), Алтайского края (4,4–4,9 %), Республики Алтай (4,4–4,8 %). Во всех вышеназванных регионах, за исключением Горного Алтая, достаточно высокая доля граждан старше трудоспособного возраста, которые чаще и тяжелее болели от COVID-19.

За исследуемый период доля расходов на организацию отдыха, культурные, спортивные мероприятия составила в среднем по РФ 5,6–6,6 %. По сибирским регионам различия в этом пока-

Таблица 6 – Корреляция доли расходов на услуги и социально-экономических показателей
Table 6 – Correlation of the share of service costs and socio-economic indicators

Социально-экономические показатели	Коэффициент корреляции (взаимосвязь расходов и социально-экономических показателей)		
	2013	2020	2021
Уровень занятости	0,822	0,574	0,598
Уровень общей безработицы	– 0,780	– 0,410	слабая связь
Соотношение денежных доходов и ПМ	0,608	0,553	0,541
Масштабы абсолютной бедности	– 0,513	– 0,524	– 0,502
Внутрирегиональное неравенство (коэффициент фондов)	0,574	0,413	0,512
Уровень урбанизации	0,501	0,489	0,494

Прим.: Spearman (sig.) на уровне значимости $p < 0,05$; $N = 16$. Расчеты произведены авторами на основе данных региональной статистики Росстата.

зателе более существенные. Повышенная доля расходов населения на организацию отдыха, культурные мероприятия в разные годы наблюдалась в Кемеровской (6,1–7,2 %) и Томской (4,9–8,6 %) областях, в Республике Алтай (5,9–4,2 % в 2021–2022 гг.). В Кемеровской области с начала 2000-х годов развивается горнолыжный курорт Шерегеш. За последние двадцать лет число туристов, посещающих этот курорт, увеличилось с 30 тыс. до 2 млн человек в зимнем сезоне 2020–2021 гг.⁷ В Томской области достаточно успешно развивается деловой, научный, культурно-познавательный, спортивно-оздоровительный туризм. В 2020–2021 гг. в Горном Алтае выросла доля потребительских расходов на организацию отдыха, благодаря увеличению потока туристов в курортный сезон из-за ограничений выезда за границу в условиях пандемии COVID-19 [23].

Региональные различия в доле расходов домохозяйств на услуги обусловлены влиянием уровня доходов и занятости, масштабов бедности, показателями общей безработицы, долей городского населения в территориальной структуре. Расчеты парных корреляций между соответствующими показателями за 2013 г., 2020–2021 гг. представлены в таблице 6.

Региональные различия в доле расходов домохозяйств на приобретение недвижимости, на различные виды услуг обусловлены влиянием социально-демографических и экономических детерминант. Результаты корреляционной взаимосвязи исследуемых параметров потребительского поведения и некоторых социально-

экономических показателей в 2021 г. представлены в таблице 7.

В приобретении недвижимости более значима положительная роль уровня урбанизации (корреляция 0,738) и доходов, скорректированных на величину ПМ (0,509). В услугах здравоохранения связь с уровнем доходов проявляется слабее (0,439), но роль возрастной структуры населения и численности жителей региональной столицы (0,520) становится более значимой. В 2021 пандемийном году в регионах с повышенной долей граждан старше трудоспособного возраста доля расходов на услуги здравоохранения была выше по сравнению с более молодыми по возрасту территориями.

Потребительские расходы на транспортные услуги положительно коррелируют с уровнем урбанизации (0,535) и повышенной долей людей старше трудоспособного возраста (0,620). Высокая иждивенческая нагрузка детьми в регионе работает на снижение потребительских расходов на приобретение транспортных средств (– 0,664). Доля расходов на организацию отдыха, культурные мероприятия в большей степени обусловлена достаточно высоким удельным весом городских жителей (0,491) в поселенческой структуре региона.

Значимыми отрицательными факторами в покупках недвижимости, в потреблении медицинских, транспортных, рекреационных услуг являются масштабы бедности и уровень общей безработицы. Данный тренд наиболее актуален для экономически слабо развитых сибирских регионов (Республики Алтай, Тыва, Бурятия, Забайкальский край).

Основными факторами долгосрочных трендов в потребительских расходах являются дохо-

⁷ Курорт «Шерегеш» впервые принял за горнолыжный сезон более 2 млн туристов // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/sibir-news/11197871> (дата обращения: 25.01.2023).

Таблица 7 – Парные корреляции потребительских расходов на некоторые услуги, на недвижимость и социально-экономических показателей в 2021 г.**Table 7** – Pair correlations of consumer spending on some services, on real estate and socio-economic indicators in 2021

Потребительские расходы	Уровень доходов	Масштаб бедности	Уровень безработицы	Уровень урбанизации	Доля детей до 16 лет	Доля людей старших возрастов
Доля расходов на приобретение недвижимости	0,509	- 0,600	- 0,538	0,738	слабая связь	слабая связь
Услуги здравоохранения	0,439	- 0,539	- 0,517	0,449	- 0,628	0,570
Транспортные услуги	0,458	- 0,496	- 0,521	0,535	- 0,664	0,620
Организация отдыха, досуга	0,482	- 0,473	слабая связь	0,491	слабая связь	слабая связь

Прим.: Spearman (sig.) на уровне значимости $p < 0,05$; $N = 16$. Расчеты произведены авторами на основе данных региональной статистики Росстата.

ды населения, уровень бедности, различия в демографической и поселенческой структуре регионов. Перспективы изучения данной темы будут связаны с оценкой влияния на потребительское поведение масштабов ипотечного и потребительского кредитования.

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования показали, что в течение 2013–2021 гг. в сибирских регионах в сфере доходов, уровня бедности, потребительских расходов наблюдались несколько долгосрочных трендов. По данным региональной статистики, в 2014–2020 гг. фиксировалось снижение душевых денежных доходов по сравнению с 2013 г. Наиболее значимо доходы снижались под влиянием экономического кризиса 2014–2017 гг., пандемийного кризиса 2020 г. Основные тенденции в уровне доходов были обусловлены влиянием экономических, демографических, поселенческих факторов: уровень занятости, показатели общей безработицы, внутрирегиональное неравенство доходов, высокая доля детей в возрастной структуре региона.

Сокращение доходов населения стало основной причиной роста численности малоимущих граждан в течение шести лет, начиная с 2014 г. В сложившихся социально-экономических условиях достижение национальных целей развития РФ в сфере реальных доходов, уровня абсолютной бедности было затруднено. В 2014–2020 гг. в сибирских регионах снижение доходов, повышение масштабов бедности было более существенным, чем в среднем по России.

В 2020–2021 гг. наметилось постепенное снижение уровня абсолютной бедности благодаря федеральным денежным выплатам семьям с детьми, безработным, пенсионерам, домохо-

зяйствам с доходами ниже прожиточного минимума. Но даже в относительно экономически благополучном 2021 г. в регионах СФО национальная цель по росту реальных доходов на 102,5 % не была полностью выполнена.

Сибирские территории по уровню бедности классифицированы на регионы-аутсайдеры (доля малоимущих – 19 % и выше), проблемные (17–20 %) и менее проблемные (12–16 %). Для всех сибирских субъектов значимыми факторами бедности являются низкий уровень доходов, внутрирегиональное неравенство доходов, иждивенческая нагрузка детьми, достаточно высокая доля сельских жителей в структуре региона. Повышенный уровень занятости снижает риски бедности для проблемных и менее проблемных регионов.

Долгосрочные тенденции в сфере денежных доходов, масштабов абсолютной бедности оказали значимое влияние на потребительское поведение домохозяйств. В 2013 г. доля потребительских расходов на удовлетворение основных потребностей в питании, одежде, обуви, оплате ЖКУ составляла чуть более 50 %. В последующие годы эта доля увеличилась до 56–58 %. Позитивные сдвиги в потребительском поведении домохозяйств замедлились. В нестабильных социально-экономических условиях 2014–2018 гг., 2020 г. соответствующие тенденции стали более негативными, особенно в распределении регионов по доли расходов на питание.

Сибирские регионы, специализирующиеся на добыче углеводородов, в годы экономического роста несколько опережали своих соседей по доле ресурсов, выделяемых на покупку недвижимости. В 2013–2014 гг. это было актуально для Красноярского края, Томской и Кемеровской областях. В 2021 г. расходы на покупку недвижимости выросли в Иркутской области.

Расходы на услуги жилищно-коммунальные, транспортные, здравоохранения, образования, рекреационные обусловлены действием различных факторов. Территориальные различия в доли расходов на оплату ЖКУ несущественны и во многом зависят от роста тарифов. Жители региональных столиц и пенсионеры более активно пользуются платными медицинскими услугами. У жителей больших городов выше организационные и финансовые возможности для

получения платных услуг здравоохранения. Услуги по организации отдыха, культурных мероприятий более востребованы у горожан и людей с относительно высоким уровнем дохода.

Основными факторами долгосрочных трендов в потребительских расходах являются доходы населения, внутрорегиональное неравенство доходов, масштабы абсолютной бедности, уровень урбанизации, различия в демографической структуре регионов. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобков В. Н., Одинцова Е. В. Материальное благосостояние россиян: межпоколенная дифференциация // *Мир новой экономики*. 2021. Т. 15, № 2. С. 16–28. EDN **RKNAKU**.
2. Зулова А. Г. Неравенство и бедность в России: динамика, причины, необходимость преодоления // *Народонаселение*. 2017. № 3 (77). С. 104–115. EDN **ZWTFKN**.
3. Шабанов В. А. Депривационный подход в исследованиях бедности // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 4 (146). С. 13–16. EDN **QFIMNG**.
4. Дугаржапова Д. Б., Пискунов Е. Ю. Изменение уровня жизни населения республики Бурятии сквозь призму структуры денежных расходов // *Регион: Экономика и Социология*. 2021. № 2 (110). С. 25–52. EDN **TKFYEF**.
5. Гришина Е. Н., Лаптева И. П., Трусова А. Н. Денежные доходы как основной индикатор уровня жизни населения России // *Статистика и Экономика*. 2019. Т. 16, № 3. С. 15–23. EDN **SOOHUW**.
6. Овчарова А. Н., Попова Д. О. Доходы и расходы российских домашних хозяйств: что изменилось в массовом стандарте потребления // *Мир России. Социология. Этнология*. 2013. Т. 22, № 3. С. 3–34. EDN **QCCUAJ**.
7. Григорьев А. М., Павлушина В. А., Бриллиантова В. В., Бондаренко К. А. Региональная динамика доходов и потребительского спроса населения в России // *Пространственная экономика*. 2018. № 3. С. 138–151. EDN **YAEZPF**.
8. Зубаревич Н. В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // *Вопросы теоретической экономики*. 2021. № 1 (10). С. 48–60. EDN **OJJEKS**.
9. Михеева Н. Н. Доходы и потребление домашних хозяйств в регионах в условиях пандемии // *Регион: Экономика и Социология*. 2022. № 3 (115). С. 81–104. EDN **AXTEUR**.
10. Минакир П. А. Экономика пандемии: дальневосточный аспект // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16, № 4. С. 7–22. EDN **WVMMJD**.
11. Елизаров В. В., Сеница А. А. Факторы бедности семей с детьми и перспективы её снижения // *Уровень жизни населения регионов России*. 2019. № 2 (212). С. 63–75. EDN **MZVLOC**.
12. Аганбегян А. Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // *ЭКО*. 2017. № 9 (519). С. 66–84. EDN **ZEOZXX**.
13. Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Зленко Е. Г., Одинцова Е. В. Сравнительные характеристики индикаторов качества и уровня жизни в российских регионах: субъекты, федеральные округа, Арктика // *Уровень жизни населения регионов России*. 2017. № 1 (203). С. 50–64. EDN **YNFEFD**.
14. ŽELINSKÝ, T. (2010). Analysis of poverty in Slovakia based on the concept of relative deprivation. *Politická Ekonomie*, 58(4), 542–565. <https://doi.org/10.18267/j.polek.746>.
15. ZUBAREVICH, N. V. (2019). Poverty in Russian regions in 2000-2017: factors and dynamics. *Population and Economics*, 3(1), 63–74. <https://doi.org/10.3897/popcon.3.e35376>.
16. Овчарова А. Н., Горина Е. А. Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности // *Вопросы экономики*. 2017. № 3. С. 5–21. EDN **YGKREN**.
17. Калугина З. И. Сибирь в ракурсе человеческого развития // *Регион: Экономика и Социология*. 2018. № 2 (98). С. 110–132. EDN **OTYCPZ**.
18. Решетникова Е. Г. Региональная дифференциация уровня жизни: вызовы времени // *Проблемы развития территории*. 2021. Т. 25, № 1. С. 108–122. EDN **ZWSQUP**.

19. ПАСТУХОВА Е. Я., МУХАЧЕВА А. В., КОЧНЕВА О. П. Уровень, динамика, факторы абсолютной и относительной бедности: региональный аспект // *Вопросы управления*. 2021. № 3 (70). С. 80–92. EDN VKYAJR.

20. ЗУБАРЕВИЧ Н. В., САФРОНОВ С. Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // *Региональные исследования*. 2020. № 2 (68). С. 4–17. EDN YSAAWI.

21. ПАСТУКHOVA, E. YA., & MOROZOVA, E. A. (2019). Poverty and problems of nutrition in the Russian regions. In V. A. Trifonov (Ed.) *European Proceed-*

ings of Social & Behavioural Sciences (CIEDR 2018) (pp. 827–835). Published by the Future Academy. <https://doi.org/10.15405/EPBSBS.2019.04.89>.

22. ЗУБАРЕВИЧ Н. В., САФРОНОВ С. Г. Люди и деньги: доходы, потребление и финансовое поведение населения российских регионов в 2000-2017 гг. // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2019. № 5. С. 3–17. EDN QNEKYM.

23. ПУЗАНОВ А. В., АНДРЕЕВА И. В. Алтайский туризм в условиях пандемии COVID-19: от вызовов к выгодам // *Известия Алтайского отделения Русского географического общества*. 2020. № 3 (58). С. 78–88. EDN RRGXYL.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Пастухова Елена Яковлевна – кандидат экономических наук, доцент; Кемеровский государственный университет (доцент кафедры менеджмента имени И. П. Поварича; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); peau.13@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: 405114, ORCID: 0000-0001-5518-1783.

Бельчик Татьяна Алексеевна – кандидат экономических наук, доцент; Кемеровский государственный университет (доцент кафедры менеджмента имени И. П. Поварича; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); talbel@rambler.ru. AuthorID РИНЦ: 273076, ORCID: 0000-0001-5729-8475.

Кочнева Оксана Петровна – Кузбасский региональный институт развития профессионального образования (методист социологического регионального центра; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); smiop@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: 517715, ORCID: 0000-0002-2796-9669.

Статья получена: 03.02.2023. Заключение рецензента: 19.02.2023. Принята к печати: 14.05.2023.

MONETARY INCOMES, POVERTY AND CONSUMER EXPENDITURES IN THE REGIONS: LONG-TERM TRENDS AND IMPACT FACTORS

Pastukhova E. Ya.^a, Belchik T. A.^a, Kochneva O. P.^b

^a Kemerovo State University

^b Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development

ABSTRACT:

Relevance. In accordance with the Unified Plan for Achieving the National Development Goals of the Russia, the annual growth rate of real incomes of the population is to amount to 102.5%, while the poverty rate is to be halved compared to the level of 2017. Significant variation between regions in income and the poverty rate hinder achieving the set goals. Siberian regions have long had lower income indicators and higher poverty rates compared to the national average indicators. This problem confirms the scientific and practical significance of the research.

Research purpose: to analyze long-term incomes, absolute poverty, consumer spending of the population in order to determine the socio-economic factors contributing to either growth or reduction of income, the extent of poverty, and changes in the consumption pattern of the population.

Research methods. To assess the poverty rate the concept of absolute poverty was used and also comparative and dynamic analysis, correlation and multiple regression analysis

Results. In 2014–2020, a trend towards reduction and stagnation of incomes of the population was formed. In 2020–2021, a gradual decrease in the level of absolute poverty started owing to the growth of targeted assistance to families with children, the unemployed, and households with incomes below the subsistence level. Changes in consumer behavior: up to 2014 the reduction in food spending was observed, after that the reverse trend occurred; household expenses for services increased, including housing and communal services, and transportation. During the pandemic, an increase in the consumption of medical services was observed. Depending on the poverty rate, the Siberian regions are classified into outsider regions with the highest proportion of the poor (Tyva, Gorny Altai, Buryatia), distressed and less distressed regions with medium and relatively low poverty rates. The research also identified factors having a statistically significant impact on poverty. These are the level and intra-regional inequality of income, the proportion of the rural population, the dependency burden. In the group of distressed and less distressed regions, the employment rate is a significant factor. The increase in employment results in reducing the proportion of the poor. The Russian national strategy to reduce poverty through income growth, employment rates, and assistance to families with children will become more effective if demographic, economic, settlement peculiarities of various regions are taken into consideration.

KEYWORDS: household income, absolute poverty, food expenditures, service expenditures, poverty factors, Siberian regions.

FUNDING: The article was prepared with the financial support of a grant from the Academician Nikolai Fedorenko International Scientific Foundation of Economic Research.

FOR CITATION: Pastukhova, E. Ya., Belchik, T. A., & Kochneva, O. P. (2023). Monetary incomes, poverty and consumer expenditures in the regions: long-term trends and impact factors. *Management Issues*, 17(3), 5–18. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-5-18>.

REFERENCES

1. BOBKOV, V. N., & ODINTSOVA, E. V. (2021). The material well-being of Russians: intergenerational differentiation. *The World of the New Economy*, 15(2), 16–28. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-2-16-28>.
2. ZUBOVA, L. G. (2017). Inequality and poverty in Russia: Dynamics, causes, need to overcome. *Population*, (3), 104–115. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-3-8>.
3. SHABANOV, V. L. (2020). Deprivation approach in studying poverty. *Theory and Practice of Social Development*, (4), 13–16. <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.4.1>.
4. DUGARZHAPOVA, D. B., & PISKUNOV, E. YU. (2021). Changes in the standard of living in the Republic of Buryatia through the prism of the monetary expenditure patterns. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, (2), 25–52. <https://doi.org/10.15372/REG20210202>.
5. GRISHINA, E. N., LAPTEVA, I. P., & TRUSOVA, L. N. (2019). Monetary revenues as a major indicator of the living standards of the population of Russia. *Statistics and Economics*, 16(3), 15–23. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-3-15-23>.
6. OVCHAROVA, L. N., & POPOVA, D. O. (2013). Cash income and expenditure of the Russian population: What are the changes in consumers' standard. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 22(3), 3–34. <https://elibrary.ru/qccuaj>.
7. GRIGOREV, L. M., PAVLYUSHINA, V. A., BRILLIANTOVA, V. V., & BONDARENKO, K. A. (2018). Regional dynamics of household income and consumer demand in Russia. *Spatial Economics*, (3), 138–151. <https://doi.org/10.14530/se.2018.3.138-151>.
8. ZUBAREVICH, N. V. (2021). Influence the pandemic at socio-economic development and regional budgets. *Issues of Economic Theory*, (1), 48–60. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2021-10104>.
9. MIKHEEVA, N. N. (2022). Household income and consumption in the regions in pandemic conditions. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, (3), 81–104. <https://doi.org/10.15372/REG20220304>.
10. MINAKIR, P. A. (2020). The economy of the pandemic: A Far Eastern Russian aspect. *Spatial Economics*, 16(4), 7–22. <https://doi.org/10.14530/se.2020.4.007-022>.
11. ELIZAROV, V. V., & SINITSYA, A. L. (2019). Factors

of poverty of families with children and prospects of its reduction. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, (2), 63–75. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065>.

12. AGANBEGYAN, A. G. (2017). Overcoming poverty and reducing the income and consumption inequalities in Russia. *ECO*, (9), 66–84. <https://elibrary.ru/zeozxx>.

13. BOBKOV, V. N., GULYUGINA, A. A., ZLENKO, E. G., & ODINTSOVA, E. V. (2017). Comparative characteristics of quality and standard of living indicators in Russian regions: subjects, federal districts, the Arctic. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, (1), 50–64. <https://elibrary.ru/ynfejd>.

14. ŽELINSKÝ, T. (2010). Analysis of poverty in Slovakia based on the concept of relative deprivation. *Politická Ekonomie*, 58(4), 542–565. <https://doi.org/10.18267/j.polek.746>.

15. ZUBAREVICH, N. V. (2019). Poverty in Russian regions in 2000-2017: factors and dynamics. *Population and Economics*, 3(1), 63–74. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e35376>.

16. OVCHAROVA, L. N., & GORINA, E. A. (2017). Promoting the income-tested social support in Russia: barriers and facilitators. *Voprosy Ekonomiki*, (3), 5–21. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-3-5-21>.

17. KALUGINA, Z. I. (2018). Siberia from the perspective of human development. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya*, (2), 110–132. <https://doi.org/10.15372/REG20180205>.

18. RESHETNIKOVA, E. G. (2021). Regional differentiation of living standards: Challenges of time.

Problems of Territory's Development, 25(1), 108–122. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.6>.

19. PASTUKHOVA, E. YA., MUKHACHEVA, A. V., & KOCHNEVA, O. P. (2021). Rates, dynamics, and factors of absolute and relative poverty: Regional aspect. *Management Issues*, (3), 80–92. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-3-80-92>.

20. ZUBAREVICH, N. V., & SAFRONOV, S. G. (2020). Regions of Russia in the acute phase of the covid crisis: Differences from previous economic crises of the 2000s. *Regional Studies*, (2), 4–17. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-1>.

21. PASTUKHOVA, E. YA., & MOROZOVA, E. A. (2019). Poverty and problems of nutrition in the Russian regions. In V. A. Trifonov (Ed.) *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (CIEDR 2018)* (pp. 827–835). Published by the Future Academy. <https://doi.org/10.15405/EPSSBS.2019.04.89>.

22. ZUBAREVICH, N. V., & SAFRONOV, S. G. (2019). People and money: Incomes, consumption and financial behavior of the population of the Russian regions in 2000-2017. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, (5), 3–17. <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201953-17>.

23. PUZANOV, A. V., & ANDREEVA, I. V. (2020). Altai tourism in the context of the COVID-19 pandemic: From challenges to benefits. *Proceedings of the Altai Branch of the Russian Geographical Society*, (3), 78–88. <https://doi.org/10.24411/2410-1192-2020-15807>.

AUTHORS' INFORMATION:

Elena Ya. Pastukhova – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Kemerovo State University (associate professor of the Department of Management named after I. P. Povarich; 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); peau.13@yandex.ru. RSCI AuthorID: 405114, ORCID: 0000-0001-5518-1783.

Tatiana A. Belchik – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Kemerovo State University (associate professor of the Department of Management named after I. P. Povarich; 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); talbel@rambler.ru. RSCI AuthorID: 273076, ORCID: 0000-0001-5729-8475.

Oksana P. Kochneva – Kuzbass Regional Institute of Professional Education Development (methodologist of the Sociological Regional Center; 6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); smiop@yandex.ru. RSCI AuthorID: 517715, ORCID: 0000-0002-2796-9669.

Article received 02/03/2023; reviewed 02/19/2023; accepted 05/14/2023.

ДЕПОЗИТНАЯ ПОЛИТИКА КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Мартенс А. А.^а, Деркач Н. О.^а, Шаромова Е. А.^а

^а Алтайский государственный университет

АННОТАЦИЯ:

Актуальность. Склонность отечественных кредитных организаций к традиционным формам фондирования определяет существенную роль депозитов в формировании их ресурсов, а значит, и депозитной политики. Несмотря на разработанность методических основ в области организации депозитных операций коммерческих банков современное состояние рынка капитала и вводимые инновации определяют необходимость особого учета факторов, воздействующих на депозитную политику. Особое значение имеет учет экзогенных факторов воздействия, на реализацию которых банки не могут повлиять, но способны нивелировать отрицательное воздействие и сконструировать подходы по реализации депозитной политики, позволяющие сохранить/завоевать позиции на депозитном рынке, сформировать оптимальную ликвидность.

Методы и методология. В статье рассмотрена депозитная политика с позиции системного подхода, обобщены и исследованы эндогенные и экзогенные факторы, влияющие на ее результаты.

Результаты. Авторами рассмотрено воздействие отдельных факторов на реализацию депозитной политики банков. В этой части в статье представлены и систематизированы факторы внешнего и внутреннего воздействия. Авторами выделено три периода, характеризующиеся особой формой финансовой нестабильности на банковском рынке (2014, 2020, 2022 гг.), на примере которых представлены рычаги экзогенного воздействия на субъекты банковской системы с позиции формирования депозитной политики. Также авторами проведено ретроспективное исследование в части выделенных показателей, отражающих внешнее воздействие (уровень инфляции и ключевая процентная ставка Банка России, валютный курс рубля, динамика доходов населения и объем привлеченных в банки средств, максимальная сумма возмещения по системе страхования вкладов, доля 30 топ-банков на депозитном рынке).

Выводы. На основании проведенного исследования выделяется особое значение внешних факторов воздействия на депозитную политику банка, среди которых особо выделяется политический фактор и административное воздействие как наиболее недооцененные. Авторы подчеркивают, что депозитная политика позволяет аккумулировать большую часть ресурсов банка и прямо влияет на рентабельность его деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: депозитная политика, депозитные ресурсы, ресурсная база банка.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мартенс А. А., Деркач Н. О., Шаромова Е. А. Депозитная политика коммерческого банка: факторы формирования // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 3. С. 19-31. EDN RUPWOO. DOI 10.22394/2304-3369-2023-3-19-31.

■ ВВЕДЕНИЕ

Функционируя на финансовом рынке, отечественные кредитные организации отличаются высокой склонностью к традиционным банковским

операциям и фондированием преимущественно за счет депозитных источников. Следовательно, депозитная политика, как элемент процентной политики, определяет основу ценообразо-

вания для каждого конкретного коммерческого банка и активно влияет на его финансовую эффективность.

Несмотря на то что вопросы методологии формирования депозитной политики в части ее структуры, понятийного аппарата, общих подходов к факторам воздействия достаточно разработаны. В то же время на протяжении 2014–2022 годов выделяются отдельные факторы, уровень воздействия которых существенно меняется в результате экзогенного воздействия и структурной перестройки финансового рынка.

В условиях финансовой нестабильности с высоким уровнем волатильности, скрытой инфляции, снижения временно свободных денежных средств, цифровизации, появления новых видов финансовых активов (крипто-валюты, токены) и платежных средств (цифровые валюты) особенно важно реализовывать актуальную для потребителя депозитную политику, способствующую аккумулировать ресурсы для банка по оптимальной для него цене.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследования является депозитная политика коммерческого банка, предметом исследования – финансовые отношения, связанные с формированием депозитной политики коммерческого банка с учетом экзогенных и эндогенных факторов воздействия. Теоретическая база работы включает в себя исследования отечественных авторов (О. И. Лаврушин, Н. Б. Глушкова, Г. Н. Белоглазова и пр.). Информационными базами послужили данные Банка России, Росстата, Агентства по страхованию вкладов, рейтинговых агентств Banki.Ru¹, RBC² за период 2014–2022 гг. Методологической основой послужили системный подход, анализ и синтез, метод сравнения и сопоставления, а также экономико-статистические методы. Новизна исследования состоит в систематизации факторов, воздействующих на структурное построение депозитной политики банка как на внешнем, так и внутреннем контуре.

¹ Самый большой финансовый маркетплейс в России // Банки.ру. URL: <https://www.banki.ru> (дата обращения: 20.04.2023).

² РосБизнесКонсалтинг. URL: <https://rbc.ru> (дата обращения: 20.04.2023).

■ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Теоретические вопросы в области изучения формирования и реализации депозитной политики коммерческого банка считаются достаточно разработанными. В большей части дефиниция «депозитная политика» характеризуется как стратегия и тактика по привлечению депозитных ресурсов. Этот вопрос не является дискуссионным, и ключевые ученые в этой области представляют схожие определения понятия «депозитная политика» (О. И. Лаврушин, Н. Б. Глушкова, Г. Н. Белоглазова и пр.) [1, с. 86].

На наш взгляд, для более точной характеристики сущности депозитной политики целесообразно рассмотреть ее с точки зрения системного подхода.

Согласно указанному подходу, необходимо исследовать депозитную политику коммерческого банка структурно в части ее субъектов и объектов, цели формирования и реализации, а также базовых задач.

Субъектный состав политики формирования депозитных ресурсов традиционно представлен следующими элементами:

- банк, привлекающий ресурсы;
- субъекты, размещающие денежные средства на счетах банка (корпоративный и розничный сегменты);
- институты, регулирующие деятельность кредитной организации (Центральный Банк как орган банковского регулирования и надзора, Росфинмониторинг и прочие).

Стратегия поведения каждой из представленной групп непосредственно влияет на подходы при формировании депозитной политики банка.

Объекты депозитной политики:

- средства банка в депозитной форме привлечения (средства на срочных, сберегательных депозитах/вкладах, накопительных счетах, счетах до востребования; банковские векселя, сберегательные сертификаты);
- дополнительные услуги банка, позволяющие оказывать комплексное обслуживание клиента, а значит, дополнительно получать банкам комиссионный доход и быть более конкурентоспособным на денежном рынке.

Главной целью депозитной политики любого банка является привлечение оптимального объема денежных ресурсов, необходимого и достаточного для работы на финансовых рынках,

при условии обеспечения оптимального уровня издержек, финансового риска и усиления кредитного потенциала [2, с. 30].

Фундаментальные задачи депозитной политики коммерческого банка представлены следующим перечнем [3, с. 63]:

1. Привлечение сбалансированного объема ресурсов, обеспечивающего реализацию активных операций банка в полном объеме;

2. Удержание заданного уровня ликвидности (не ниже нормативов, установленных Банком России);

3. Обеспечение стабильности депозитных ресурсов (привлечение и удержание ресурсов на срок не менее их размещения);

4. Максимизация процентной маржи (привлечение депозитных ресурсов по минимально возможным процентным ставкам с учетом имиджа банка и условий на финансовом рынке).

Формирование депозитной политики на уровне конкретного банка происходит индивидуально. Органы государственной власти, Банк России и иные внешние институты не вправе определять, регулировать элементы данной политики, а могут оказывать только косвенное воздействие. Таким образом, банк, разрабатывая депозитную политику, самостоятельно принимает риски и определяет свои затраты на привлечение ресурсов.

В связи с чем особо важным является рассмотрение факторов, прямо или косвенно воздействующих на эффективность формирования и реализации депозитной политики. Согласно возможности воздействия на эти факторы, выделяют экзогенные (внешние) и эндогенные (внутренние) [4, с. 28].

Внешние факторы не поддаются воздействию со стороны банка, они формируют экзогенные риски, которые банк может только принять и вырабатывать условия привлечения депозитных ресурсов, исходя из внешних условий деятельности [5, с. 105]. Регулирование факторов внешнего воздействия со стороны банка выражается в разработке и применения депозитного инструментария, позволяющего повысить/снизить затраты в области привлечения ресурсов. Базовый перечень представленных факторов отражен в таблице 1.

Банковская сфера отличается высоким уровнем фондирования, как следствие, одной из ключевых проблем в данной области является вы-

сокая зависимость рынка депозитов от экзогенных факторов (таблица 2), что особо ярко можно наблюдать в период финансовой нестабильности.

Пик финансовой волатильности в рамках рассматриваемого периода пришелся на три периода 2014–2016, 2020 и 2022 годы.

Каждый из этих временных рамок имеет свои особенности в реализации экзогенных факторов и их воздействии как на депозитный, так и на финансовый рынок в совокупности.

Так, период 2014–2016 гг., 2022 г. характеризуется большим влиянием со стороны политического и экономических факторов. Реализация политического фактора проявляется в 2014 году ограничением доступа ключевых игроков банковского рынка к международному рынку капиталов. В 2022 году добавляется блокировка финансовых активов, отказ международных платежных систем от обслуживания пластиковых карт, эмитированных в России, отключения ряда банков от системы SWIFT, эмбарго на ввоз в Россию долларов и евро. Экономический фактор, прежде всего, проявляется в высокой волатильности валютного курса рубля, ценообразования на нефтегазовые ресурсы, в оттоке капитала.

Что касается 2020 года, как периода пиковой нагрузки со стороны внешних факторов на депозитный рынок, то этот период также имеет свои особенности, и их воздействие напрямую связано с методами регулирования государством. Так, в 2020 году в связи с борьбой с коронавирусной инфекцией COVID-19 установлен режим «lockdown». Режим характеризовался прямыми административными запретами и, прежде всего, ограничением передвижения. Меры предупреждения вирусной инфекции COVID-19 привели к ограничению прямого доступа к клиентской базе и активизировали развитие дистанционных форм обслуживания и безналичных расчетов.

В таблице 2 представлена динамика показателей, являющихся метрикой оценки воздействия отдельных экзогенных факторов. Рассмотрим отдельные из них в динамике.

Уровень инфляции и ключевая процентная ставка Банка России. Взаимодействие данных показателей очевидно, т. к. связано с регулированием Центрального Банка (ЦБ РФ) денежной массы в обращении путем проведения жесткой или мягкой монетарной политики. Ключевая ставка ЦБ РФ – базовый инструмент в данном

Таблица 1 – Базовые экзогенные факторы, воздействующие на формирование депозитной политики коммерческого банка**Table 1** – Basic exogenous factors influencing the formation of the deposit policy of a commercial bank

Факторы воздействия		Характеристика
Нормативно-правовой	Банковское законодательство	Определяет нормативно-правовые условия деятельности на банковском рынке, порядок вхождения и выхода с рынка, его ценообразование и взаимодействие с контрагентами и пр.
	Смежное законодательство	Нормативно-правовое регулирование напрямую не определяющее банковскую деятельность, но влияющие на его организацию (валютное регулирование, налоговое, антимонопольное законодательство и пр.)
	Инфляция	Высокий уровень инфляции обесценивает доходность по сбережениям, низкий – позволяет получать стабильный доход
	Валютный курс	Нестабильный уровень валютного курса позволяет инвесторам получать доход на валютной разнице, при стабильном уровне валютные активы менее привлекательны. Влияет на валютную структуру привлеченных средств банка
Инструменты ЦБ РФ	Ключевая ставка	Является ценовым ориентиром для установления процентной ставки в рамках депозитной политики банка
	Нормативы	Являются обязательными, контролируются ЦБ РФ. Влияют на объемы привлеченных ресурсов по видам, срокам и валютам
Рыночный	Состояние и тенденции развития финансового рынка	Определяет уровень риска на денежном рынке, актуальные финансовые инструменты, формы расчетов/денег, форматы взаимодействия с клиентами
	Конкуренция на денежном рынке	Определяет ценовую политику банка, заставляет кредитные организации применять неценовые методы конкуренции для обеспечения привлекательности на денежном рынке (ярким примером является работа банка с пластиковыми картами)
	Форма расчетов за товары, работы, услуги	Наличная / безналичная. Преобладание безналичной формы (пластиковые карты, система быстрых платежей) определяет аккумулирование на счетах банка значительного объема финансовых ресурсов, в отличие от наличной формы. Политика государства и внешние факторы (типа <i>lockdown</i> , введение цифрового рубля, крипто-регулирование) существенно влияют на приоритетность развития каждой формы
	Государственные меры регулирования рынка	Прямые/косвенные меры регулирования определяют степень свободы каждого участника рынка в проведении депозитной политики, в том числе в выборе и развитии каналов продаж
Политический	Политическая обстановка в стране и мире, внешние ограничения.	Определяет допуск отдельных участников рынка до международного банковского рынка. Формирует стратегию финансовых действий инвесторов, вкладчиков: сбережения или потребления. Кроме того, определяет эмоциональный фон на финансовом рынке: стабильности или паники, уровень принятия инвестиционного риска
Потребительское поведение	Уровень доходов населения и склонность к сбережению	Формирует емкость рынка и сберегательную активность потребителя. При росте доходов и временно свободных денежных средств потребитель более склонен к рискованным вложениям, в обратной ситуации потребитель более склонен к консервативным формам сбережения с минимальным риском (банковским вкладам)
	Уровень финансовой грамотности	Определяет возможные способы и формы взаимодействия субъектов депозитного рынка
	Система страхования вкладов (ССВ)	Гарантирование законодательством возврата установленной суммы по определенной форме депозитного инструмента влияет на оценку инвестиционной привлекательности размещения в него, что особенно ярко проявляется при выборе консервативного – источника инвестирования/сбережения
	Предпочтения поколений	В зависимости от поколения (поколения победителей, миллениалов, X, Y, Z) выделяется различное отношение к финансовому риску, клиентские предпочтения в области цифровых сервисов и организации взаимодействия банка и клиента
	Административные ограничительные мероприятия	Прямой метод воздействия. В результате реализации <i>lockdown</i> в 2020 году устанавливался доступ клиентской базы к офлайн обслуживанию, в 2022 году – возможность реализации отдельных операций и услуг (международные операции, купля-продажа иностранной валюты).

регулировании [6, с. 759]. В связи с этим определяется прямая зависимость уровня процентных ставок по депозитам и ключевой ставкой Банка России. Для банков это означает удорожание или снижение стоимости привлечения ресурсов при жесткой/мягкой монетарной по-

литике [7, с. 100]. Для иллюстрации данного тезиса рассмотрим реализацию воздействия факторов в периоды финансовой нестабильности на депозитном рынке России.

2014 и 2022 годы характеризуются ростом инфляции, как следствие, действия Банка России

Таблица 2 – Динамика отдельных показателей, оказывающих внешнее воздействие на депозитный рынок, 2014-2022 гг.

Table 2 – Dynamics of individual indicators that have an external impact on the deposit market, 2014-2022

Наименование показателя		2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Уровень инфляции (на 31 декабря)	%	6,5	11,36	12,91	5,38	2,52	4,27	4,91	8,39	11,94
Валютный курс (на 10 января), <i>min</i> <i>max</i>	USD/P	32,65 67,78	56,23 72,88	72,92 83,59	59,89 60,73	57,04 69,97	67,07 67,19	61,90 80,57	73,87 77,51	70,09 120,37
Ключевая ставка ЦБ, <i>min</i> <i>max</i>	%	5,5 17,0	11,0 17,0	10,0 11,0	7,75 10,0	7,25 7,75	6,25 7,75	4,25 6,25	4,25 8,50	7,5 20,0
Максимальная сумма возмещения по ССВ	млн руб.	0,7	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4 10,0*	1,4 10,0*	1,4 10,0*
Динамика доходов населения (прирост), <i>номинальные</i> <i>реальные</i>	%	7,1 (0,7)	10,6 (3,2)	0,9 (5,8)	1,8 (1,6)	4,6 0,7	6,4 1,2	2,9 (3,6)	10,0 3,0	— —
Средневзвешенная ставка по депозитам физических лиц в рублях, <i>до 1 года, включая «до востребования»</i> <i>min</i> <i>max</i> <i>от 1 года до 3 лет</i> <i>min</i> <i>max</i> <i>свыше 3 лет</i> <i>min</i> <i>max</i> <i>свыше 1 года</i> <i>min</i> <i>max</i>	%	5,30 12,29	6,92 12,33	6,00 8,20	5,18 6,50	4,98 5,89	4,48 6,15	3,22 4,46	3,16 5,12	5,00 18,67
Динамика привлечения средств в банки: <i>общий объем</i> <i>темпы прироста</i> из общего объема: <i>в иностранной валюте</i> <i>доля</i> <i>в рублях</i> <i>доля</i>	тран руб. % тран руб. % тран руб. %	41,17 19,24 27,22 66,11 13,95 33,89	49,38 19,97 30,83 62,41 18,56 37,59	50,98 3,21 33,80 66,31 17,17 33,69	52,48 2,94 37,53 71,51 14,95 28,49	58,48 11,44 43,11 73,72 15,37 26,28	64,03 9,49 48,72 76,08 15,32 23,92	73,52 14,81 54,90 74,68 18,61 25,32	85,41 16,18 64,96 76,05 20,45 23,95	90,35 5,79 78,30 86,65 12,06 13,35

были направлены на ее регулирование посредством резкого повышения ключевой ставки, а значит, и повышение цены на привлечение депозитных ресурсов. Так, в 2014 году наивысшее значение косвенного инструмента регулирования достигло 17 %, тогда как в 2022 году – уже 20 %. Кроме того, в конце 2014 года ЦБ РФ переходит на инфляционное таргетирование [8, с. 37] как способ регулирования инфляции, предполагающий снижение объемов прямого участия государства на денежном рынке, что первоначально также оказывает давление на денежную массу и ведет к росту показателя инфляции.

2020 год напротив характеризуется смягчением монетарной политики ЦБ РФ и самым низким значением ключевой ставки за весь рассматриваемый период (4,25 %). Целью снижения ключевой ставки являлось повышение доступности к кредитным ресурсам в условиях

административных ограничений, а для банков – снижение затрат на привлечение ликвидности. Но если для банковских субъектов и заемщиков смягчение денежно-кредитной политики ведет к снижению расходов по привлечению финансовых ресурсов, то для вкладчиков ситуация обратная за счет снижения доходности по депозитам [9, с. 6].

Что касается официального уровня инфляции, то с 2014 года наблюдается его рост в 1,84 раза. При этом минимальная ставка по всей линейке вкладов вне зависимости от срока сопоставима в 2014 и 2022 годах с незначительным отрывом. Предлагаемый банками размер процентных ставок не позволяет клиентам нивелировать инфляционный риск. В связи с еще большим разрывом доходность сбережений и уровнем инфляции привлекательность рынка депозитов для клиентов к 2022 году существенно снижается,

что обостряет и так очевидную тенденцию на финансовом рынке России. Тенденции 2023 года свидетельствуют о снижении привлекательности депозитной формы для розничного клиентского сектора банка в связи с высокой инфляцией и низкими процентными ставками. Это приводит к оттоку розничных клиентов и переориентированию данных клиентов на фондовый рынок. По данным регулятора, средства физических лиц на брокерских счетах с начала 2023 года выросли на 14,5 %, причем, как отмечает регулятор, данный тренд носит регулярный характер. И если в первых двух рассматриваемых периодах банки отыгрывали действие регулятора и рынка путем симметричного повышения/снижения процентных ставок по депозитным продуктам, активизации предложения накопительных счетов с плавающей доходностью устанавливаемой банком в одностороннем порядке, формировали наиболее привлекательные ценовые предложения на краткосрочные позиции, то тренд 2023 года отражает системную необходимость развития инвестиционной формы банковских продуктов. В этой части особенно следует выделить банки АО «Тинькофф Банк», ПАО Сбербанк, которые продвигают идеологию «института массового инвестора». Процентный доход перестает быть катализатором роста доходов банка и определяет усиление роли комиссионных доходов [10, с. 184]. Как следствие, представленный тренд иллюстрирует изменение парадигмы для банков и необходимость развития сектора розничного инвестирования.

Валютный курс рубля традиционно отличается высокой волатильностью. Пики нестабильности существенно зависят от экзогенного воздействия (например, до 2022 года традиционным влиянием обладала цена на нефтегазовые ресурсы и валютная спекуляция). Максимальное значение официального курса рубля по отношению к доллару в 2014 г. – 67,78 рублей за доллар, биржевого – 80,1 рубль; в 2020 г. – 80,57 и 82,77 рубля; в 2022 г. – 120,37 и 121,52 рубля соответственно). В 2014 году ценовая нестабильность рубля привела к росту валютных спекуляций, как следствие, еще большему обесцениванию национальной валюты и росту инфляции. В 2022 году был законодательно введен ряд дополнительных валютных ограничений (запрет на снятие наличной валюты, ее вывоз свыше эквивалента 10 000 долларов). Евросоюз и США

ввели эмбарго на ввоз евро и доллара на территорию России. Отечественные банки ввели в 2022 году комиссии за обслуживание валютных счетов, но после заявления регулятора о недопустимости таких действий в одностороннем порядке банки поднимают комиссии за валютные переводы.

Как следствие, если в 2014–2015 годах наблюдается рост привлеченных ресурсов в иностранной валюте, то в 2022 году наблюдается существенное падение валютных ресурсов в структуре депозитной базы банков (рекордно низкая доля 13,25 %) и их общее падение в количественном исчислении в сумме привлеченных ресурсов по сравнению с 2021 годом (на 41 %). Общий тренд структуры привлеченных средств в банках демонстрирует неуклонный рост доли привлеченных средств в национальной валюте, которая по итогам 2022 года достигла уровня 86,65 %. Данный эффект достигается не за счет привлекательности сбережений в национальной валюте, а демонстрирует эффект от введения введенных в 2022 году административных ограничений в области валютных операций по недружественным валютам (на обналчивание валюты со счетов, вывоз выше 10 тыс. долларов и пр.) и не переориентацией клиентов на валюты других стран, имеющих ранее в России ограниченное хождение (прежде всего, юань).

Кроме того, изменение условий проведения валютных операций формирует для отдельных банков конкурентные преимущества по сравнению с банками-лидерами отрасли, на которые наложены внешние санкции. Как следствие, появляется стратегическая возможность отвоевать долю на секторе валютных операций путем формирования клиентских предложений по валютным банковским продуктам, в которых сейчас рынок особенно нуждается (прежде всего, международные переводы).

Динамика доходов населения и объем привлеченных средств в банки. Показатель доходов населения является одним из факторов, формирующих стратегию розничного сбережения, что существенно влияет на возможность привлечения вкладов. [11, с. 182]

В целом, объем привлеченных средств в банки в рублевом эквиваленте в период 2014–2022 годов возрос в 2,19 раза, но это с учетом валютной переоценки. За этот же период рубль девальвировал к доллару на таком же уровне.

Таблица 3 – Изменение предельной суммы страхового возмещения по системе страхования вкладов России, руб.
Table 3 – Change in the maximum amount of insurance compensation for the Russian deposit insurance system, rubles

Наименование показателя	Дата введения					
	23.12.2003	09.08.2006	26.03.2007	01.10.2008	29.12.2014	01.10.2020
Сумма возмещения по системе страхования вкладов (ССВ)	100 000	190 000	400 000	700 000	1 400 000	1 400 000 10 000 000

Источник: составлено авторами на основании обзора изменений Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации».

Оценка темпа роста депозитных ресурсов в паре с темпом роста доходов населения выделяет 2016, 2017 и 2022 года. В эти временные отрезки наблюдается наименьшее приращение объема привлеченных ресурсов в банки. При этом 2016 год характеризуется как период с максимальным падением реальных доходов населения (на 5,8 %) при минимальном уровне наращивании номинальных доходов. В 2017 году ситуация ухудшается снижением процентных ставок по депозитам, связанным со смягчением монетарной политикой Банка России. В 2018 и 2019 годах особо заметно влияние ценового фактора на объем привлекаемых ресурсов и иллюстрирует отток денежных средств со счетов несмотря на незначительный рост доходов населения (на 0,7 % и 1,2 % 2018 и 2019 гг соответственно в разрезе реальных доходов). Также важным является усиление финансирования социальных пособий особо уязвимых групп населения, беспрецедентный уровень которых вводится в 2020 году и имеет высокий уровень финансирования в 2021 году. Это отражается на росте номинальных доходов в 10 % по итогам 2021 года. При этом темп прироста привлечения средств на депозиты увеличился только на 1,37 пункта, а по итогам 2022 года показал существенное падение до 5,79 % или на 10,39 процентных пункта. Исследование, проведенное в части оценки эффективности антикризисных мер 2020 года [12, с. 58], отразило то, что позитивный эффект был отмечен только для населения с низким уровнем дохода. Для данной категории более характерна склонность к потреблению, чем сбережению, поэтому, на наш взгляд, динамика объема привлечения средств показывает тенденцию ухудшение сберегательной активности, за счет падения доходов у клиентов склонных к сбережению и их роста у клиентского сегмента склонного к потреблению.

Анализ объема привлеченных депозитных ресурсов в разрезе сроков выявил склонность

банков к привлечению ресурсов со сроком от 1 года до 3 лет, что характерно и для других периодов [13, с. 3]. Именно на эти вклады приходятся наиболее привлекательные для клиента ценовые предложения. Исключение составил 2022 год, когда произошел переверт кривой доходности [14, с. 28]. При повышении ключевой ставки ЦБ РФ до 20 % банки предпочитали привлекать короткую ликвидность (до 1 года). Ситуация отражает сложность прогнозирования на длительный период и действия банков по снижению процентного риска. Непопулярность в России депозитов на срок более 3 лет [15, с. 1449] связана с высокой волатильностью денежного рынка, как следствие, сложностью его прогнозирования в разрезе ставок и объемов, что стимулирует банки концентрироваться на привлечении среднесрочных депозитов.

Максимальная сумма возмещения по системе страхования вкладов и конкуренция банков.

Если рассматривать динамику доли 30 крупнейших банков на рынке депозитов физических лиц, то особое значение в сдвигах в этой области является перераспределение долей участников на рынке. Концептуальным внедрением, способствующим развитию конкурентной среды на банковском рынке, имело введение в России системы страхования вкладов (далее – ССВ) как инструмента повышения доверия к банковской системе, защиты прав и законных интересов вкладчиков, стимулирования привлечения сбережений населения [16, с. 24].

Согласно данным таблицы 3, динамика роста максимальной суммы возмещения сопоставима с периодами финансовой нестабильности. За анализируемый временной тренд сумма покрытия по общим основаниям возросла в 14 раз. Особое внимание стоит уделить 2019 г. и 2020 г.

Так, 1 января 2019 года в зону покрытия были включены депозиты индивидуальных предпринимателей и микропредприятий, а 1 октября 2020 года дополнительно были выделены особые условия покрытия, при которых сумма стра-

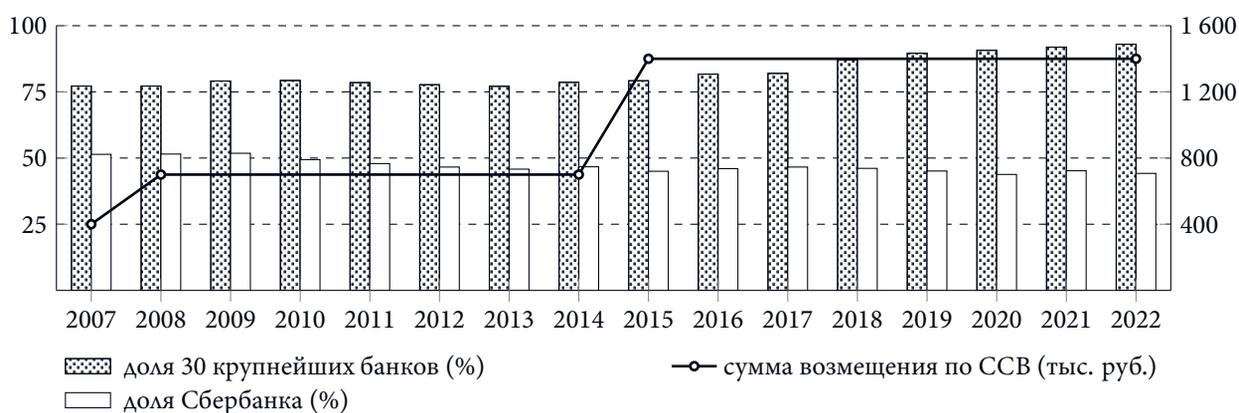
хового покрытия возросла до 10 млн рублей (включение в страховую базу средства на эскроу-счетах, полученные в части возмещения ущерба, в наследство или от продажи жилого помещения, гранты и пр.). Также под страхование стали попадать средства отдельных некоммерческих организаций (товарищества собственников жилья, благотворительные фонды, религиозные организации, казацкие общества, потребительские кооперативы за исключением кредитных финансовых организаций). Представленные действия по развитию ССВ, безусловно, способствуют повышению доверия к банковской системе.

Что касается конкуренции, то момента введения системы страхования вкладов в России 23 декабря 2004 года меняется распределение клиентской базы между банками-лидерами отрасли (рис. 1), происходит формирование конкурентной среды. Так, если на момент введения ССВ (23.12.2003 г.) доля ПАО «Сбербанк» на рынке вкладов составляла 59,6 %. За год эта доля снизилась на 5,5 пункта. Ответными мерами банка-лидера в части концепции депозитной политики было упрощение депозитной линейки (снижение количества вкладов с более 20 до 5), а также повышение процентов по вкладам при неизменной ставке рефинансирования, что не характерно для банка-амбасадора. Ответным решением других ключевых игроков рынка является симметричное повышение ставок по вкладам, что лишним раз подтверждает ценовую стратегию на депозитном рынке «лидер — последователь».

При анализе динамики доли рынка во временной промежуток 2007–2022 года (рис. 1), построенный на основании данных агентства по страхованию вкладов, наблюдается тренд снижения доли Сбербанка и рост доли 30 крупнейших игроков при этом объем привлечения средств в банковскую систему также растет. Тем не менее ПАО «Сбербанк» продолжает оставаться ведущим игроком на депозитном рынке России, на которого приходится большая часть депозитного портфеля [17, с. 120].

Помимо существенных экзогенных факторов, целесообразно рассмотреть эндогенные, уровень воздействия которых полностью зависит от кредитной организации (табл. 4).

Что касается ценового фактора, то, безусловно, банки, являющиеся лидерами на депозитном рынке, обладают существенными преимуществами. Это выражается как в устойчивом депозитном портфеле, так и, как правило, в невысоких процентных ставках по привлекаемым ресурсам. Согласно данным сайта Банки.Ру, на 1 января 2022 года в Топ-10 банков России по объёму привлечения вкладов физических лиц входили: Сбербанк, ВТБ, Россельхозбанк, Газпромбанк, Точка, Банк ФК «Открытие», Совкомбанк, Московский кредитный банк, Тинькофф, Альфа-банк. Интересным с позиции исследования рейтинга является то, что большая часть из представленных кредитных институтов – это банки с государственным участием. Также в рейтинг стремительно вошел ООО «Банк Точка», а АО «Альфа-банк» существенно снизил свои пози-

Источник: Информационно-аналитические материалы // Агентство по страхованию вкладов URL: <https://www.asv.org.ru/agency/analytics> (дата обращения 01.04.2023).

Рис. 1. Динамика доли банков-лидеров на депозитном рынке России, 2007-2022 гг. с учетом изменения суммы возмещения по ССВ (%)

Fig. 1. Dynamics of the share of leading banks in the Russian deposit market, 2007-2022 taking into account the change in the amount of compensation under the deposit insurance system

Таблица 4 – Базовые эндогенные факторы, воздействующие на формирование депозитной политики коммерческого банка**Table 4** – Basic endogenous factors influencing the formation of the deposit policy of a commercial bank

Факторы воздействия		Характеристика
Ценовой фактор	Уровень процентных ставок и коммиссионного вознаграждения	Наиболее привлекательные ставки определяют экономическую целесообразность размещения
	Операционные расходы	Совокупность расходов, связанных с реализацией депозитной деятельности банка. Влияют на себестоимость депозитных операций
Имидж банка		Определяет образ и привлекательность банка для конкретного клиента (клиентского сегмента)
Банковские технологии, в том числе каналы привлечения		Применяемые технологии в работе с клиентами определяют эффективность банка, его имидж, доступность банковских продуктов и услуг (например, технологии дистанционного обслуживания, цифровые сервисы (боты, биометрия, VR и пр.))
Специализация/универсализация банка		Определяет ассортиментную политику банка, его клиентскую базу
Кадровый потенциал		Наличие специалистов, обладающих необходимыми компетенциями

ции (падение на 4 места вниз или снижение розничного депозитного портфеля на 22,43 % с 1 января 2020 года). Кроме того, ни один из перечисленных банков не попал в рейтинг по выгодным процентным ставкам. Высокая концентрация банковского капитала в государственном секторе формирует конфликт интересов на законодательном и экономических уровнях [18, с. 76].

Операционные расходы, как ценовой фактор воздействия на депозитную политику банка, выражается прежде всего через административные расходы и расходы на содержание персонала. Для системных банков, имеющих широкую филиальную сеть, эти расходы особо значимы, т.к. отдельные подразделения находятся на территориях, не особо привлекательных для банка, но требующих их присутствия.

Особое значение при формировании розничного депозитного портфеля имеет имидж банка, который наиболее высокий у банков с государственным участием, в то время как для привлечения юридического лица особое значение имеют затраты на обслуживание, уровень ликвидной стабильности, а также система сопровождения. Что ярко продемонстрировали в последние три года банки АО «Тинькофф Банк» и ООО «Банк Точка».

На текущем этапе развития банковской системы особое значение приобрели цифровые банковские технологии [19, с. 915] в части качества привлечения ресурсной базы и ее сопровождения (дистанционные каналы обслуживания, чат-боты (и другие варианты использования искусственного интеллекта), формы идентификации (двойная аутентификация с помощью биометрии) и оплаты (оплата qr-кодом, бесконтактные платежи), открытость API).

Удаленные каналы обслуживания клиентов несмотря на существенные первоначальные затраты позволяют в дальнейшем банкам существенно экономить и развиваться без построения филиальной сети [20, с. 35], что невероятно актуально с учетом географической особенности России и наличия большого количества удаленных, малонаселенных территорий. Также позволяет людям с ограниченными возможностями максимально комфортно получать банковские услуги. Особое значение в этой связи приобретает возможность удаленной идентификации клиента по средствам биометрии, которая стала возможна с 30.06.2018 года, когда был введен ряд поправок в различные законодательные акты. Данный технологический тренд предопределён общим направлением развития отечественной экономики и соответствует реализации программ «Цифровая экономика Российской Федерации», «Основных направлений развития финансовых технологий на период 2018 – 2020 годов» и иных проектов/программ.

Прорывом в области цифровых технологий является 2020 год, когда был принят Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах», предполагающий помимо регулирования крипто-активов, формирование общего маркетплейса в банковской среде, а значит, информационная открытость условий по банковским продуктам для клиентов без привязки к имиджу банка. Что, в свою очередь, формирует расширенные возможности для банков без государственного участия и развитие конкурентной среды.

Примером высокого успеха в области цифрового обслуживания заслуживает банк «Тинькофф», который относится к моноофисным

банкам (необанкам), и свою деятельность по работе с клиентами основывает только на дистанционном обслуживании. Так, банк начал привлекать депозиты в 2010 году и на 01.01.2011 занимал 138 место в рейтинге банков РИА-Аналитики по привлечению депозитов физических лиц, то уже на 01.01.2021 года банк вошел в Топ-10 банков-лидеров, а на протяжении 2022–2023 года продолжает удерживать данные позиции несмотря на сложности в финансовом управлении.

В целом, на основании проведенного анализа можно сформулировать следующие положения. Ключевыми факторами, оказавшими наиболее существенное воздействие на рынок депозитных ресурсов, оказались внешние: политический, экономический, денежно-кредитная политика Банка России; ослабление национальной валюты; падение покупательного спроса и сберегательной активности; сокращение игроков на депозитном рынке; административные рычаги регулирования (ограничительные мероприятия); цифровизация экономики. При этом банками

лидерами на депозитном рынке остаются имиджевые банки с надежной репутацией (ПАО Сбербанк, ПАО «ВТБ» и пр.), тем не менее существенную конкуренцию им создают банки с высокими технологическими решениями (АО «Тинькофф Банк», ООО «Банк Точка»).

В заключение целесообразно отметить, что специфика фондирования коммерческого банка характеризуется существенным влиянием экзогенных факторов, экономика привлечения депозитных ресурсов будет определять его кредитный потенциал, а эффективность их использования – его финансовый результат. Поэтому стратегия реализации разработанной депозитной политики будет максимально эффективной при гибкости к внешним условиям. При этом в условиях финансовой нестабильности депозитное фондирование направлено на удержание клиентской базы, в то время как при стабильности финансового рынка кредитные организации будут склонны к инновациям, усилению конкуренции в области нового сегмента клиентской базы. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Алентьева Н. В.** Депозитная политика коммерческого банка в современных условиях // *Вестник аграрной науки*. 2019. № 1 (76). С. 85–90. EDN OISYRI.
2. **Аброкова А. С.** Формирование депозитной политики коммерческого банка // *Научный альманах*. 2015. № 11-1 (13). С. 29–32. EDN VHYNVS.
3. Шаихов А. Е. Депозитная политика коммерческих банков в системе управления банковскими рисками // *Вестник Алматинского технологического университета*. 2014. № 2. С. 61–66. EDN TIFWMD.
4. **Зернова А. Е.** Факторы, влияющие на депозитную политику коммерческого банка // *Вектор экономики*. 2021. № 1 (55). С. 28. EDN SOKGLZ.
5. **Федоткина О. П.** К вопросу о депозитной политике коммерческого банка // *Вестник Мордовского университета*. 2007. Т. 17, № 1. С. 103–107. EDN TEJEVR.
6. **Васильева Н. К.,** Гугова К. В. Влияние процентной политики Центрального банка на депозитную политику коммерческих банков // *Поли тематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2017. № 133. С. 745–759. EDN KYDCDR.
7. **Конягина М. Н.,** Меурмишвили И. Р., **Дочкина А. А.** Оценка влияния ключевой ставки Банка России на депозитную политику коммерческих банков // *Управленческое консультирование*. 2020. № 8 (140). С. 99–111. EDN YPLOIE.
8. **Моисеев С. Р.** Денежное агрегирование: концепция, критика и современные альтернативы // *Вопросы экономики*. 2023. № 1. С. 26–44. EDN HOSILN.
9. Рыжикова Т., Скуратова А. Денежно-кредитная политика Банка России и потребительские расходы домашних хозяйств // *Деньги и кредит*. 2023. Т. 82, № 1. С. 3–31. EDN UKBOQH.
10. **Алиев О. М.,** Ибрагимова Д. М. Обзор банковского сектора: текущая ситуация и прогноз развития // *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 8 (133). С. 182–186. EDN ISNSZW.
11. **Индыченко Ю. В.** Влияние сберегательного поведения населения России на структуру депозитной политики коммерческих банков // *Труд и социальные отношения*. 2019. Т. 30, № 2. С. 180–187. EDN QQFKLT.
12. **Фрейхе С.,** Матыцин М. С., **Попова Д. О.** Влияние экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19, и антикризисных мер на распределение доходов в России // *Вопросы экономики*. 2023. № 2. С. 43–60. EDN LROSHG.

13. **ВАЛЕНЦЕВА Н. И.** Современные приоритеты в управлении ресурсной базой коммерческих банков // *Банковские услуги*. 2016. № 11. С. 2–5. EDN **XDDDCZ**.

14. **ПЕНИКАС Г.** Эффект переноса ключевой ставки Банка России на ставки по вкладам в период 2020–2022 гг. // *Деньги и кредит*. 2022. Т. 81, № 2. С. 20–48. EDN **GLQGPH**.

15. **РАВАДАНОВА Д. А.,** Ибрагимова Д. Б., Пирова М. З. Депозитная политика банка и ее роль в повышении эффективности банковской деятельности // *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 2 (127). С. 1448–1452. EDN **JRQKLT**.

16. **Мельников А. Г.,** Венедиктов А. А. Влияние системы страхования вкладов на рынок депозитов и поведение населения // *Деньги и кредит*. 2008. № 2. С. 24–31. EDN **KNUBUF**.

17. **ГОЛАЙДО И. М.,** Сухорукова Н. В., Цвырко А. А. Депозитная политика коммерческого банка: проблемы и перспективы // *Вестник ОрелГИЭТ*. 2021. № 2 (56). С. 115–122. EDN **QEYOVZ**.

18. **ВАЛЕНЦЕВА Н. И.** Факторы и способы поддержания доверия клиента к банку // *Банковское дело*. 2020. № 6. С. 74–77. EDN **XTERFW**.

19. **ВАГАНОВА О. В.,** Мельникова Н. С., Дикарева Е. В., Ковалева А. П., Лаврина А. О. Цифровые технологии в банковском бизнесе и проблемы, связанные с ними // *Экономика и предпринимательство*. 2023. № 1 (150). С. 912–916. EDN **QDYRZK**.

20. **ШВЕЦОВ Ю.,** Наталья С., Корешков В. Эволюция коммерческих банков в условиях цифровой экономики // *Общество и экономика*. 2019. № 2. С. 30–42. EDN **VWMLRG**.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мартенс Анна Андреевна – кандидат экономических наук, доцент; Алтайский государственный университет (доцент кафедры финансов и кредита Международного института экономики, менеджмента и информационных систем; 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61); martens@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: **544397**, ORCID: **0000-0002-2167-3496**.

Деркач Наталья Олеговна – кандидат экономических наук, доцент; Алтайский государственный университет (доцент кафедры финансов и кредита; заместитель директора по учебно-методической работе Международного института экономики, менеджмента и информационных систем; 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61); derkach@mail.asu.ru. AuthorID РИНЦ: **564791**, ORCID: **0000-0002-5163-4666**.

Шаромова Евгения Александровна – кандидат экономических наук; Алтайский государственный университет (преподаватель СПО колледжа; 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, 61); estroganova@mail.ru. AuthorID РИНЦ: **444227**.

Статья получена: 24.04.2023. Заключение рецензента: 05.05.2023. Принята к печати: 10.05.2023.

DEPOSIT POLICY OF A COMMERCIAL BANK: FORMATION FACTORS

Martens A. A.^a, Derkach N. O.^a, Sharomova E. A.^a
^a Altai State University

ABSTRACT:

Relevance. The propensity of domestic credit institutions to traditional forms of investment provides for the significant role of deposits in the formation of their resources, and hence the deposit policy. Despite the development of methodological foundations in the field of organizing deposit operations of commercial banks, the current state of the capital market and the introduced innovations determine the need for special consideration of factors affecting the deposit policy. Of particular importance is considering the exogenous factors of influence, the implementation of which banks cannot influence, but are able to neutralize the negative impact and design approaches to the deposit policy implementation, allowing to maintain / win positions in the deposit market, to form optimal liquidity.

Methods and methodology. The article considers the deposit policy from the standpoint of a systematic approach, generalizes and studies the endogenous and exogenous factors influencing its results.

Results. The authors considered the influence of individual factors on the deposit policy implementation by banks. In this part, the article presents and systematizes the factors of external and internal influence. The authors identified three periods characterized by a special form of financial instability in the banking market (2014, 2020, 2022), through the example of which the levers of exogenous impact on the subjects of the banking system are presented from the standpoint of the deposit policy formation. Also, the authors conducted a retrospective study in terms of selected indicators, reflecting the external impact (inflation rate and the key interest rate of the Bank of Russia, the ruble exchange rate, the dynamics of household income and the amount of funds raised in banks, the maximum amount of compensation under the deposit insurance system, the share of 30 top banks in the deposit market).

Conclusions. Based on the research, the special importance of external factors affecting the bank deposit policy is highlighted, among which the political factor and administrative impact are revealed as the most underestimated. The authors emphasize that the deposit policy makes it possible to accumulate most of the bank resources and directly affects the profitability of its activities.

KEYWORDS: deposit policy, deposit resources, resource base of the bank.

FOR CITATION: Martens, A. A., Derkach, N. O., & Sharomova, E. A. (2023). Deposit policy of a commercial bank: formation factors. *Management Issues*, 17(3), 19–31. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-19-31>.

REFERENCES

1. ALENTEVA, N. V. (2019). The deposit policy of commercial bank under modern conditions. *Bulletin of Agrarian Science*, (1), 85–90. <https://doi.org/10.15217/issn2587-666X.2019.1.85>.
2. ABROKOVA, L. S. (2015). Formation of the deposit policy of a commercial bank. *Scientific Almanac*, (11-1), 29–32. <https://doi.org/10.17117/na.2015.11.01.029>.
3. SHAIKHOV, A. E. (2014). Deposit policy of commercial banks in the banking risk management system. *Bulletin of Almaty Technological University*, (2), 61–66. <https://elibrary.ru/tifwmd>.
4. ZERNOVA, L. E. (2021). Factors affecting the deposit policy of a commercial bank. *Economy Vector*, (1), 28. <https://elibrary.ru/sokglz>.
5. FEDOTKINA, O. P. (2007). On the issue of the deposit policy of a commercial bank. *Mordovia University Bulletin*, 17(1), 103–107. <https://elibrary.ru/tejebr>.
6. VASILEVA, N. K., & GUTOVA, K. V. (2017). Impact of interest central bank policy on deposit policy of commercial banks. *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, (133), 745–759. <https://doi.org/10.21515/1990-4665-133-057>.
7. KONYAGINA, M. N., MEURMISHVILI, I. R., & DOCHKINA, A. A. (2020). Evaluation of the impact of the bank of Russia key rate on the commercial banks' deposit policy. *Administrative Consulting*, (8), 99–111. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-8-99-111>.
8. MOISEEV, S. R. (2023). Monetary aggregation: Concept, critics and modern alternatives. *Voprosy Ekonomiki*, (1), 26–44. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-1-26-44>.
9. RYZHIKOVA, T., & SKURATOVA, A. (2023). Bank of Russia monetary policy and household consumption expenditure. *Den'gi i Kredit*, 82(1), 3–31. <https://elibrary.ru/ukboqh>.
10. ALIEV, O. M., & IBRAGIMOVA, D. M. (2021). Banking sector review: Current situation and development outlook. *Economy and Entrepreneurship*, (8), 182–186. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.133.8.031>.
11. INDYCHENKO, YU. V. (2019). Influence of the economic behavior of Russia's population on the structure of the deposit policy of commercial banks. *Labour and Social Relations Journal*, 30(2), 180–187. <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2019-30-2-180-187>.
12. FREYKHE, S., MATYTSIN, M. S., & POPOVA, D. O. (2023). The distributional impacts of the Covid-19 crisis and policy response in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, (2), 43–60. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-43-60>.
13. VALENTSEVA, N. I. (2016). The present priorities in the management of the resource base of commercial banks. *Banking Services*, (11), 2–5. <https://elibrary.ru/xddcz>.
14. PENIKAS, G. (2022). Pass-through of the bank of Russia key rate into deposit rates between 2020

and 2022. *Den'gi i Kredit*, 81(2), 20–48. <https://elibrary.ru/glqgph>.

15. RABADANOVA, D. A., IBRAGIMOVA, D. B., & PIROVA, M. Z. (2021). Bank's deposit policy and its role in improving the efficiency of banking. *Economy and Entrepreneurship*, (2), 1448–1452. <https://doi.org/10.34925/EIP.2021.127.2.295>.

16. MELNIKOV, A. G., & VENEDIKTOV, A. A. (2008). The impact of deposit insurance system on the deposit market and household behavior. *Den'gi i Kredit*, (2), 24–31. <https://elibrary.ru/knubuf>.

17. GOLAYDO, I. M., SUKHORUKOVA, N. V., & TSVYRKO, A. A. (2021). Deposit policy of a commercial bank: Problems and prospects. *Vestnik OrelGIET*, (2), 115–122. <https://doi.org/10.36683/2076-5347-2021-2-56-115-122>.

18. VALENTSEVA, N. I. (2020). Factors and ways to maintain customer confidence in the bank. *Banking*, (6), 74–77. <https://elibrary.ru/xterfw>.

19. VAGANOVA, O. V., MELNIKOVA, N. S., DIKAREVA, E. V., KOVALEVA, A. P., & LAVRINA, A. O. (2023). Digital technologies in the banking business and the problems associated with them. *Economy and Entrepreneurship*, (1), 912–916. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.150.1.181>.

20. SHVETSOV, YU., NATALYA, S., & KORESHKOV, V. (2019). The evolution of commercial banks in digital economy. *Society and Economy*, (2), 30–42. <https://doi.org/10.31857/S020736760004133-5>.

AUTHORS' INFORMATION:

Anna A. Martens – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Altai State University (associate professor of the Department of Finance and Credit of the International Institute of Economics, Management and Information Systems; 61, Lenin Av., Barnaul, 656049, Russia); martens@yandex.ru. RSCI AuthorID: 544397, ORCID: 0000-0002-2167-3496.

Natal'ya O. Derkach – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Altai State University (associate professor of the Department of Finance and Credit; deputy director for educational and methodological work of the International Institute of Economics, Management and Information Systems; 61, Lenin Av., Barnaul, 656049, Russia); derkach@mail.asu.ru. RSCI AuthorID: 564791, ORCID: 0000-0002-5163-4666.

Evgeniya A. Sharomova – Ph.D. of Economic Sciences; Altai State University (college teacher; 61, Lenin Av., Barnaul, 656049, Russia); astroganova@mail.ru. RSCI AuthorID: 444227.

Article received 04/24/2023; reviewed 05/05/2023; accepted 05/10/2023.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ)

Михайленко В. И.^а, Мамин Н. В.^а

^а Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Актуальность. В постпандемический период происходит не только восстановление связей, но и переформатирование глобальных цепочек под влиянием большей, чем прежде, политической конъюнктуры. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить и обосновать влияние соперничества между США и Китаем в Юго-Восточной Азии на переформатирование глобальных цепочек, определить возможности использования сторонами «френдшоринга», «круга друзей» и др. инструментов как завуалированной формы политического давления и его влияния на релокацию и переориентирование глобальных цепочек, установить связь между эффективностью и устойчивостью осуществленных мероприятий, их воздействие на региональную экономику.

Методы и методология. Применяется ряд междисциплинарных подходов: теории интеграции и регионализации, секьюритизации и др. Опираясь на эти подходы, авторы пытаются представить комплексный взгляд на экономические и политические процессы в регионе, их взаимосвязь и специфику в постпандемический период. Обращается внимание на «переливание» политических решений в сферу экономики, на то, как это сказывается на торговых и производственных цепочках и как региональные экономики пытаются ответить на новые вызовы.

Результаты. За несколько лет пандемии выявилась проблема ненадежности поставок чипов. В предшествующий период произошло смещение производства на предприятия Юго-Восточной Азии. 9 августа 2022 г. принимается Закон о чипах и науке США с целью довести долю производства полупроводников к 2030 г. до 30 % мирового производства. США декларируют ограничение торговли комплектующими странами, вызывающими доверие (френдшоринг). Китай выдвигает «Инициативу глобальной безопасности» (апрель 2022 г.), где подчеркивает приверженность «открытой мировой экономике», «обеспечение устойчивости глобальных производственно-поставочных цепочек». Китай планирует увеличить свои литейные мощности с 15 % в 2020 г. до 24 % к 2030 г. Страны Юго-Восточной Азии используют региональную интеграцию для того, чтобы отстаивать национальные интересы перед давлением со стороны соперничающих между собой США и Китаем.

Выводы и обсуждение. Пандемия, безусловно, повлияла на переформатирование глобальных цепочек производства и поставок. Тенденция в пользу устойчивости в ущерб эффективности будет развиваться. Этот процесс не является линейным и корректируется национальными интересами как глобальных акторов, так и государств Юго-Восточной Азии, которые через региональную интеграцию, *minilateralism* и др. формы управления цепочками производства и поставок будут отстаивать собственные интересы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Юго-Восточная Азия, постпандемическое восстановление, экономическая интеграция, регионализм, глобальные цепочки поставок, США, Китай.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Михайленко В. И., Мамин Н. В. Региональная экономическая интеграция в пост-пандемический период (на примере Юго-Восточной Азии) // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 3. С. 32-44. EDN IVJQAL. DOI 10.22394/2304-3369-2023-3-32-44.

■ ВВЕДЕНИЕ

Пандемия COVID-19 стала серьезным испытанием устойчивости экономик во всем мире. Прежде всего, она обнажила уязвимые места в «глобальных цепочках поставок» (англ. *global supply chains, GVCs*), которые привели к неравномерным сбоям в некоторых сферах производства и потребления. На этапе спада пандемии последствия разрыва GVCs привели к падению импорта и экспорта на 25 % во всем мире. Самыми уязвимыми в период пандемии оказались страны с низким уровнем дохода [1]. Отчасти это было связано с тем, что глобальные и крупные региональные акторы стали больше внимания уделять геополитическим рискам. Чтобы справиться с хрупкостью систем снабжения, возникшей в последние несколько лет, и с неопределенностями, связанными с политическими кризисами, которые сотрясают большую часть мира, многие компании и правительства предприняли альтернативные пути к децентрализации, чтобы гарантировать большую близость в снабжении, необходимым для удовлетворения потребностей¹.

Кризис также показал, что, несмотря на относительную открытость рынков Юго-Восточной Азии (ЮВА), их регионализация и интеграция в глобальные производственно-сбытовые цепочки, сбои в этих глобальных производственно-сбытовых цепочках могут повлиять на конкретные основные продукты и ресурсы, которые особенно важны для обществ и экономик стран региона. На это обратил внимание А. Рогожин, который исследовал влияние пандемии на состояние операций по слиянию и поглощению в сельском хозяйстве и производстве потребительских товаров в ЮВА [2].

Постпандемический экономический порядок в ЮВА отмечен обострением технологической конкуренции, особенно в цифровой сфере, между США и Китаем. В противостояние между этими глобальными акторами все более втягиваются, как в воронку, другие глобальные и региональные игроки.

Есть основания прогнозировать, что выход из кризиса великие и малые государства будут искать не в мобилизации глобальных интересов, как это было раньше. Вместо этого отдельные страны и многосторонние международные институты в значительной степени будут отвлечены на политизацию своей деятельности. В связи с этим представляется важным определить, куда склоняются и где находятся современные и возможные будущие стратегические интересы и зависимости стран региона и как могут отразиться на них меры, которые предпринимают глобальные и региональные акторы в постпандемический период. Кроме того, можно прогнозировать нарастание глобального противостояния между государствами, ориентирующимися на западные демократии, и авторитарными антизападными государствами, и стремление каждой из сторон расширять собственные зоны политического и экономического влияния в регионах².

В современной ЮВА процессы экономической интеграции сочетаются с политическими процессами и региональной безопасностью. Как обоснованно отмечает В. Регновский, наибольшую угрозу региональной безопасности представляет военно-политическая и экономическая борьба великих глобальных и региональных держав [3].

■ МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

В обосновании особенностей региональных процессов в ЮВА авторы опираются на теоретические подходы А. Ачария [4]. Он утверждает, что для Азии применим иной тип регионального порядка безопасности, который отличается как от европейского, так и от конфуцианского подхода и представляет собой «консоциативный порядок безопасности» (англ. *consociational security order*) [4]. Речь идет о состоянии стабильности, при котором система сохраняет свои основные характеристики, и ни одно государство не становится гегемоном, и большая часть самостоятельных сообществ сохраняется. С позиций отдельно взятого государства это озна-

¹ Liberatore F. Quale «shoring» per le imprese? // Istituto per gli Studi di Politica Internazionale. February 3, 2023. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/quale-shoring-per-le-imprese-111169> (accessed 03.02.2023).

² Regional economic integration in the post-pandemic era / Ed. by Xue Gong. RSIS monograph No 37. August 2022, p. 5.

чает возможность сохранения территориальной целостности и политической независимости без существенных рисков быть втянутым в «войну на выживание» [4]. Значительное число стран ЮВА относятся к *Middle Power*, для которых политика выживания осуществляется с использованием инструментов «бамбуковой» дипломатии, «мягкого балансирования» и хеджирования [5–7]. Среди побудительных мотивов интеграции, особенно в области безопасности, отмечается стратегия выживания, страх перед другими государствами или объединенной мощью [8].

Принимая во внимание особенности азиатского регионализма, обратимся в ограниченном объеме к использованию теорий европейской интеграции. Например, функционализм обращает нас к ограниченному пространству «низовой политики» созданию сетей технического и экономического сотрудничества, которые незначительно затрагивают государственный суверенитет³, что особенно актуально для азиатских регионов. Уместным выглядит и концепция диверсифицированной интеграции, берущая начало в межправительственном подходе. Дифференцированная интеграция представляет собой особый институциональный дизайн, помогающий выйти из тупика переговоров, вызванного растущей неоднородностью государств-членов, их политических предпочтений, возможностей и зависимостей [9]. В ЮВА одновременно действуют, пересекаясь друг с другом десятки региональных объединений различного профиля. Поэтому логичным является обращение к концепции *overlapping* (накладывания) интеграционных сущностей.

Опираясь на использованные в данной работе теоретико-методологические подходы, авторы пытаются осуществить комплексное исследование экономических и политических процессов в регионе, выявить их взаимосвязь и специфику в постпандемический период, прежде всего, обратить внимание на «переливание» политических решений в сферу экономики и на то, как это сказывается на торговых и производственных цепочках, а также выявить реакцию на новые вызовы региональных экономик.

³ Börzel T. A. Comparative Regionalism: A New Research Agenda. Free University of Berlin. August 2011. URL: https://www.sfb-governance.de/en/publikationen/other-Working-Paper/B2_Boerzel_Comparative-Regionalism-A-New-Research-Area/index.html (accessed 10. 05.2020).

Авторы принимают в расчет политическое значение дискуссии, которая продолжается в научном и геополитическом пространстве относительно противопоставления понятий «Юго-Восточная Азия», «Азиатско-Тихоокеанский регион» и «Индо-Тихоокеанский регион» [10; 11]. В данной статье ставятся задачи выявить последствия влияния пандемии на интеграционные процессы в регионе ЮВА и определить предпринимаемые в регионе меры и экономические инструменты с целью активизировать экономическую интеграцию в постпандемический период, восстановить или переформатировать региональные торговые и производственные цепочки.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Деглобализация или политически ангажированная интеграция. В постпандемический период ряд факторов оказывают влияние на состояние глобальной и региональной экономики. Это собственно влияние и последствия самой пандемии, эффективно организованную борьбу с которой авторитарные антизападные режимы стремятся представить как превосходство их политических режимов над либерально-демократическими. Это усилило политическую и идеологическую составляющие в соперничестве США и Китая в регионе. В результате объявленных антироссийских санкций происходит переориентация России на азиатские рынки. После перенаправления российской нефти в Азию закупки Китаем энергоресурсов у России выросли почти на 41 % с 41 млрд долларов в 2021 г. до 68 млрд долларов к декабрю 2022 г. Россия стала главным поставщиком сырой нефти в Индию (до 22 % импорта). Тем не менее для серьезного влияния на азиатские рынки Россия пока не имеет развитой логистики поставок энергоресурсов. В течение пяти лет продвижения администрацией Трампа свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона и конкретизация этой политики администрацией Байдена привели к созданию новых барьеров на пути азиатских амбиций России. Особенно чувствительным для России стало вовлечение стратегического партнера Индии в американские проекты противодействия Китаю¹.

Другие важные игроки также демонстрируют как приверженность выбранным стратегиям, так и адаптацию к новым условиям. Так, Япония сделала ставку на сетевые типы органи-

зации экономических связей со странами региона [12]. Европейский союз (ЕС) выделил ряд ключевых областей, которые рассматриваются в качестве стратегических, а именно: сырье, батареи, активные фармацевтические ингредиенты, водород, полупроводники, а также облачные и периферийные технологии. ЕС определил происхождение стратегических зависимостей и их влияние, а также соответствующие политические инструменты, которые необходимо использовать в этом случае⁴.

В новых условиях понятия *reshoring*, *nearshoring*, *friendshoring* и *onshoring*⁵ оказались в центре дискуссий политиков и деловых людей относительно путей и инструментов выхода из постпандемического кризиса¹. Сам по себе рещоринг не представляется уникальным явлением, как результат пандемии COVID-19. Так, в США, начиная с 2010 г., фиксируется устойчивая тенденция по наращиванию рабочих мест, созданных в рамках рещоринга и привлеченных прямых инвестиций (в 2017 г. порядка 180 тыс.) [13]. В 2014 г. Еврокомиссия дала старт амбициозному проекту рещоринга с целью «возрождения промышленности», в числе факторов, способствующих возвращению компаний в юрисдикцию ЕС, исследователи выделяют низкую процентную ставку европейского денежного рынка и низкую цену электроэнергии промышленного потребления [14]. Ожидается рещоринг и в стратегически важных секторах экономики, которые показали свою уязвимость в результате пандемии. Следует отметить, что чрезмерная локализация производств может негативно сказаться на устойчивости глобальных стоимостных цепочек, снизив их структурную гибкость и разнообразие источников поставок [15].

В апреле 2022 г. министр финансов США Джанет Йеллен выступила с важной речью в Атлантическом совете, в которой призвала к восстановлению мирового экономического порядка. Политики и деловые люди обратили внимание

на использование министром понятия *friendshoring*, под которым подразумевалось ограничение внешней торговли ключевыми комплексами исключительно теми странами, которые вызывают доверие. Объяснялось это снижением рисков для производственных цепочек, от которых зависят США и их партнёры⁶. 8 февраля 2023 г. президент Байден подтвердил промышленную политику США, нацеленную на то, чтобы «строить больше и строить здесь»⁷.

Как предостерегает бывший директор Резервного банка Индии, профессор Чикагского университета Рагурам С. Раджан, «опасную угрозу представляет собой возродившийся протекционизм, прикрываемый и усиливаемый новым геополитическим соперничеством... Если любые грядущие решения о френдшоринге будут применяться к таким широким категориям товаров и услуг, они окажут убийственное влияние на международную торговлю»⁸. К каким последствиям может привести подобный избирательный подход? Сложившиеся современные глобальные производственные цепочки стали возможными благодаря многолетней работе по снижению пошлин, транспортных и коммуникационных издержек и позволили компаниям производить товары там, где это дешевле всего. Это привело к удешевлению производимой в странах с наименьшими затратами более дешевой продукции. «По мере того как работники осваивают новые профессиональные навыки, производители в развивающихся странах повышают сложность производственных процессов, поднимаясь вверх в цепочке создания стоимости»⁸.

По существу, *friendshoring* является завуалированной формой протекционизма, политической лояльности, политического шантажа, применяется в противоборстве США и его союзников против Китая. Это ставит малые и средние страны ЮВА перед выбором и затрудняет им возможность использования политики хеджинга.

⁴ Commission Staff Working, Strategic dependencies and capacities SWD (2021) 352 final // European Commission, May 5, 2021. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2021-05/swd-strategic-dependencies-capacities_en.pdf (accessed 04.02.2023).

⁵ *Reshoring* – процесс возвращения в страну производства, ранее перенесенного за рубеж в страны с менее низкими издержками производства; *nearshoring* – перевод, хотя бы частичный, производства и поставок сырья в соседние страны; *friendshoring* – перевод, хотя бы частичный, производства и закупок компонентов и сырья в группу стран с общими ценностями; *onshoring* – возвращение производства в страну.

⁶ Remarks by Secretary of the Treasury Janet L. Yellen on Way Forward for the Global Economy // U.S. Department of the Treasury, April 13, 2022. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0714> (accessed 03.02.2023).

⁷ Full Transcript of Biden's State of the Union Address // The New York Times, February 8, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/02/08/us/politics/biden-state-of-the-union-transcript.html> (accessed 22.02.2023).

⁸ Rajan, Raghuram G. Just Say No to “Friend-Shoring” // Project Syndicate, June 3, 2022. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/friend-shoring-higher-costs-and-more-conflict-without-resilience-by-raghuram-rajan-2022-06/russian> (accessed 03.02.2023).

Однако не все так однозначно оценивается региональными аналитиками. В докладе, подготовленном школой международных исследований им. С. Раджаратнама Наньянского Технологического Университета (англ. *S. Rajaratnam School of International Studies Nanyang Technological University*), прогнозируется, что стратегическая конкуренция между США и Китаем может стать благом для компаний ЮВА, поскольку они стремятся укрепить свои экономические связи с регионом. В связи с этим, подчеркивается в докладе, «крайне важно, чтобы правительства приняли смягчающую политику или технологические и финансовые решения, которые помогут преобразовать отдельные экономики и экономики в целом в регионе». «Развязывать торговую войну или использовать субсидии для поощрения рещоринга является делом необязательным и вредным», – заключается в докладе².

Дискуссии относительно влияния торговой войны между США и Китаем усиливаются по мере роста внутриазиатской торговли. На самом деле повестка соперничества значительно шире. Мы являемся свидетелями конкуренции моделей развития, которые продвигаются в Азии: с одной стороны, Китаем, а с другой – США и их союзниками.

Соединенные Штаты Америки. С приходом администрации Байдена к власти, который сделал ставку на противодействие китайскому влиянию в Индо-Тихоокеанском регионе, соперничество между двумя великими державами в регионе стало возрастать [16]. Одним из полей сражения стали цепочки производства чипов. Полупроводники являются ключевым компонентом всех электронных устройств – от ноутбуков до мобильных телефонов, стиральных машин и автомобилей. Они являются важной частью разработки сетей 5G и искусственного интеллекта. Доля США в мировом производстве полупроводников упала с 37 % в 1990 г. до 12 % в 2020 г. Смещение производства произошло на предприятия ЮВА. Строительство и эксплуатация производственного предприятия полупроводников в течение 10 лет в США на 30 % дороже, чем в Тайване, Сингапуре или Южной Корее, и на 37–50 % дороже, чем в Китае⁹. Сбои в це-

почке поставок за несколько лет пандемии поставили вопрос о необходимости надежных поставок чипов. Существенно на глобальную цепочку поставок чипов повлияла геополитическая напряженность между Китаем и Тайванем. Необходимо учитывать, что Тайвань производит 90 % полупроводников, используемых высокотехнологичными компаниями США. Вашингтон учитывает политику Пекина «одного Китая» и стремление китайского правительства увеличить литейные мощности по производству чипов с 15 % в 2020 г. до 24 % к 2030 г.⁹

9 августа 2022 г. президент Байден подписал Закон о чипах и науке (*CHIPS and Science Act of 2022*) с объемом финансирования в 280 млрд долларов. Из них около 78 млрд планируется направить на исследования и производство в полупроводниковой промышленности США до 2027 г. США рассчитывают довести собственную долю производства полупроводников к 2030 г. до 30 % мирового производства⁹.

Но объявленная США политика *friendshoring* – это дорога с двусторонним движением. На фоне торговой напряженности между США и Китаем заказы тайваньским производителям из Китая и Гонконга упали на 45,9 %. Вместе с ними Япония и Южная Корея также ощущают, насколько дорого становится поддерживать США в качестве союзника в условиях экономического подъема Китая. На данный момент ведущими производителями полупроводников являются *Taiwan Semiconductor Manufacturing Company* (TSMC) и *Samsung*. Первая занимает 54 % мирового рынка, вторая – 17 %¹⁰. Президент Байден договорился с руководствами Японии и Нидерландов об ограничении экспорта в Китай некоторых передовых технологий производства микросхем. Согласно мнению аналитиков, это приведет к негативным последствиям для ряда технологических гигантов Японии. «Тайвань особенно подвержен капризам глобального сектора электроники, учитывая его ключевую роль в глобальных цепочках поставок технологий»¹⁰. На сегодняшний день полупроводники являются также крупнейшим источником дохода для экономики Южной Кореи, а Китай – важнейшим покупателем корейских полупроводников.

⁹ The CHIPS and Science Act of 2022 and the U.S. Semiconductor Industry // Regions Bank. August 2022. URL: <https://www.regions.com/-/media/pdfs/wealth-management/CHIPS-and-Science-Act.pdf> (accessed 15.02.2023).

¹⁰ Pesek W. US-China Fight Puts Taiwan's Economy in A Firing Line // MENAFN- Asia Times. February 22, 2023. URL: <https://menafn.com/1105614117/US-China-Fight-Puts-Taiwans-Economy-In-A-Firing-Line> (accessed 24.02.2023).

Сокращение корейского экспорта полупроводников в Китай при сужении американского рынка ставит союзников США в Сеуле, Тайбэе и Токио в затруднительное положение. Как отмечает У. Песек, азиатским государствам, несмотря на их лояльность США и озабоченность поддержанием безопасности, необходимо найти «способ сосуществования, в условиях, когда две крупнейшие мировые экономики находятся в ссоре»¹⁰. Остается уповать на то, что американское руководство выполнит обещания относительно приглашения своим азиатским союзникам инвестировать в расширение производства полупроводников на территории США¹⁰.

Китайская Народная Республика. С приходом к руководству Си Цзиньпина в марте 2013 г. Китай сосредоточился на расширении своего «круга друзей» (中国的“朋友圈” – Zhōngguó de “réngyǒu quān”). Китай готов был предложить свои инициативы в области торговли и связи с любой страной, включая союзников США. С начала президентства Си Цзиньпина активность Китая в ЮВА быстро росла. В отличие от концепции «альянсов», китайская дипломатия с 2016 г. особенно активно развивает сеть партнерских отношений, воспользовавшись выходом администрации Трампа из нескольких многосторонних организаций. Опираясь на «круг друзей», Китай стремится перестроить систему глобального управления по типу внутреннего управления в стране. Несколько факторов могут оказывать влияние на перестройку глобальных торговых, экономических и инвестиционных отношений и производственных цепочек, включая влияние пандемии, размах и глубину санкций, соперничество. Китай более активно стремится продвигать альтернативные стандарты и нормы в сферах финансов, логистики, информационных технологий [17, 18].

Ведущее положение Китая как в цифровой, так и в физической инфраструктуре создало естественное экономическое партнерство с ЮВА, представляющей собой обширный резерв молодых работников, которые заменят стареющую и сокращающуюся промышленную рабочую силу Китая. Китайская цифровая инфраструктура является ключевым фактором в растущих экономических отношениях. В 2020 г. Китай экспортировал в страны-члены Ассоциации государств ЮВА (АСЕАН) почти вдвое больше, чем в развивающую Азию (Японию, Тайвань и Южную Корею)¹¹.

Несмотря на лидирующие позиции Китая в торговле ЮВА, американские и европейские инвесторы доминируют в прямых иностранных инвестициях в регионе. В 2021 г. китайские прямые инвестиции в регион составили всего 13 миллиардов долларов по сравнению с 40 миллиардами долларов США и 27 миллиардами долларов ЕС¹¹. Похоже, что Китай меньше заинтересован в получении контроля над региональными активами, чем в торговле. Страны ЮВА трепетно относятся к национальному суверенитету и не желают уступать право собственности на критически важные активы своему северному экономическому гиганту. Тем не менее не следует недооценивать попытки Китая установить контроль над стратегически важными ресурсами. К примеру, по расчетам швейцарского UBS AG, к 2025 г. Китай сможет контролировать треть мировой добычи лития¹².

Пекин использует формы двусмысленности, учитывая, что его сеть партнерств может и должна включать союзников США, когда это возможно, даже при условии, что некоторые из них испытывают двусторонние трения с Китаем. В июле 2017 г. член Госсовета Ян Цзечи прямо упомянул о создании «глобальной сети партнерских отношений» и о том, что, по его словам, «круг друзей Китая уже охватил весь мир».

В конце 2020 г., незадолго до вступления в должность новой администрации Байдена, Китай вместе с другими странами региона настаивал на окончательном подписании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), соглашения о свободной торговле с участием 15 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, что само по себе представляет собой важный шаг в развитии Китая своей сети партнерских отношений. Тот факт, что некоторые члены ВРЭП (например, Австралия) имеют дипломатические и политические трения с Китаем, не является проблемой для Пекина. Как противник существующего международного порядка, Китай стремится предложить свои инициативы в области торговли и установления связей лю-

¹¹ Goldman D.A. Digital infrastructure propels new SE Asian Tigers. China's trade with Southeast Asia drives a world-beating economic boom // Asia Times. February 5, 2023. URL: <https://asiatimes.com/2023/02/digital-infrastructure-propels-new-se-asian-tigers/> (accessed 10.02.2023).

¹² China Could Control a Third of The World's Lithium by 2025 // Bloomberg. March 13, 2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-03-13/china-could-control-a-third-of-the-world-s-lithium-by-2025> (accessed 14.03.2023).

бой стране, включая союзников США. В то время как Вашингтон ожидает, что некоторые из его союзников прояснят свою позицию в отношении инициатив Китая (например, развитие сети 5G) и поведения (относительно нарушения прав человека в Гонконге и др.).

В первые годы мандата Си Цзиньпина Китай способствовал установлению «нового типа партнерства в области безопасности» в Азии. Эта концепция оставалась незамеченной и с тех пор была скорректирована, но она предшествовала концепции «Индо-Тихоокеанского региона». В июне 2021 г. Си Цзиньпин подчеркнул необходимость повышения привлекательности и эффективности международного общения страны и расширения круга друзей, понимающих Китай. В апреле 2022 г. на Боаоском азиатском форуме президент Китая упомянул о новой «Инициативе глобальной безопасности» (*Global Security Initiative*), которая будет открыта для всех стран. Председатель КНР подтвердил приверженность страны «к формированию открытой мировой экономики в соответствии с тенденциями экономической глобализации, активизации работ по координации макроэкономических политик, обеспечению устойчивости глобальных производственно-поставочных цепочек с помощью технологичных драйверов»¹³.

Китайское руководство открыто выступает против концепции «альянсов» и не планирует подписывать какие-либо договоры о союзе или строить отношения, подобные союзу, с кем-либо из своих партнеров. Одним из каналов, через который Пекин продвигает свою международную сеть партнерств, является инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) – масштабный глобальный инфраструктурный проект, представленный Китаем осенью 2013 г. С момента запуска ОПОП Китай лоббировал подписание меморандумов о взаимопонимании, которые охватывают различные области и не имеют обязательной юридической силы, а также организовал «Форумы одного пояса и одного пути» [17].

В развитие этой инициативы Китай запустил ряд небольших институциональных инициатив, направленных на постепенное формирование новой архитектуры безопасности. Он ин-

вестирует в существующие региональные институты и механизмы, такие как встречи с центральной ролью АСЕАН (*ASEAN-centered meetings*, ARF, ADMM+ и др.), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) или менее влиятельное Соповещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (*Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia*). Китай также пытался усилить ряд неформальных региональных форумов по безопасности, созданных им в течение предыдущего десятилетия, таких как Сяншаньский форум (*Xiangshan Forum*), который можно рассматривать как альтернативу диалогу Шангри-Ла (*Shangri-La Dialogue*), а также другие региональные форумы [17].

В данный момент представляются нереалистичными попытки Китая потеснить гегемонию США в регионе. Однако Китай продолжает проводить гибкую и многоуровневую собственную коалиционную политику в регионе, включая экономическое и технологическое партнерство. Некоторые страны, имеющие прочные отношения в сфере безопасности с США, продолжают поддерживать устойчивые экономические связи с Китаем, например, Южная Корея. Так и несколько стран АСЕАН, которые являются партнерами США, остаются относительно открытыми для технологических инвестиций Китая [19].

Для осуществления более эффективной политики в регионе Китай должен предпринять меры по смягчению собственной протекционистской политики. Протекционистские меры, предпринятые китайским руководством в период пандемии, привели к репутационным издержкам для Китая. Как отмечает Диана Чойлева, эксперт по китайской экономике и политике, предполагается, что весной 2023 г. экономика Китая восстановится после спада, вызванного COVID. Тем не менее степень восстановления и то, какой импульс это будет означать для торговых партнеров Китая, зависит от степени, в которой Пекин готов бороться со своим внутренним протекционизмом. Новый план Китая по созданию единого национального рынка направлен на устранение внутренних рыночных барьеров. Это стандартизирует доступ к рынку, улучшит связанность рыночной инфраструктуры и поможет создать справедливую и прозрачную бизнес-среду. План был конкретизирован в апреле 2022 г., но вскоре омрачен драматиче-

¹³ Полный текст речи председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии открытия ежегодного совещания Боаоского азиатского форума 2022 года // Xinhua News Agency. 2022. 21 апреля. URL: <https://russian.news.cn/20220421/b9636a7570754147aca06d32e1d3a991/c.html> (дата обращения: 13.03.2022).

ской и в конечном итоге тщетной попыткой Пекина удержать COVID-19 под контролем. Вместе с тем Д. Чойлева прогнозирует, что политика китайского руководства будет направлена на то, чтобы «государственный сектор вышел победителем в процессе открытия рынка»¹⁴.

Как это отразится на политике Китая и его отношениях с глобальными и региональными акторами в ЮВА? В мае 2015 г. КПК приняла национальный стратегический план промышленной политики «Сделано в Китае 2025», который был продлен до 2035 г. Целями плана являлось уменьшение зависимости Китая от импорта иностранных технологий, создание современной конкурентоспособной высокотехнологичной продукции и интеграция в глобальные производственные цепочки¹⁵. В марте 2016 г. на азиатском форуме китайский премьер Ли Кэцян заявил, что модель роста КНР, основанная на инновациях, должна применяться во всей Азии¹⁶.

В целом, китайский экспорт на Глобальный Юг, включая АСЕАН, Африку и Латинскую Америку, почти удвоился по сравнению с уровнями, существовавшими до пандемии, до годового уровня около 900 миллиардов долларов в 2022 г., что почти вдвое превышает экспорт Китая в США или ЕС¹¹. Несмотря на падение китайского экспорта в 2022 на 19 % в США и на 17 % в ЕС, произошел его рост в страны ЮВА на 20 % в том же году¹¹.

Индия, региональный конкурент Китая, остается относительно небольшим рынком для Китая по сравнению с ЮВА, с общим объемом экспорта около 120 миллиардов долларов в 2022 г. Лидирующее положение Китая в цифровой инфраструктуре является решающим преимуществом в торговле с АСЕАН. Стратегия Китая сосредоточена на создании будущих рынков для своей продукции за счет предоставления широкополосной связи, облачных вычислений и обучения для стран ЮВА¹¹.

¹⁴ Choyleva D. China's growth revival will depend on internal market reforms // NikkeiAsia. February 23, 2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/China-s-growth-revival-will-depend-on-internal-market-reforms> (accessed 24.02.2023).

¹⁵ Made in China 2025: Backgrounder // Institute for Security & Development Policy. June 2018. URL: <https://isdsp.eu/content/uploads/2018/06/Made-in-China-Backgrounder.pdf> (accessed 23.02.2023).

¹⁶ Premier: Innovation is the path for Asia // The State Council the People's Republic of China. March 24, 2016. URL: https://english.www.gov.cn/premier/video/2016/03/24/content_281475313903080.htm (accessed 23.02.2023).

Huawei Technologies, ведущий китайский поставщик широкополосной инфраструктуры, вложил значительные средства в обучение в регионе, в том числе через совместное предприятие Фонда АСЕАН и академию Huawei АСЕАН, созданную в 2021 г. Huawei и, в меньшей степени, ZTE. Они успешно зарекомендовали себя как надежные поставщики кибербезопасности для правительства Индонезии и индонезийского общества. Это было важное достижение китайцев, учитывая историческую враждебность Индонезии к Китаю. Huawei реализует в Таиланде проект вместе с Министерством цифровой экономики Таиланда, чтобы открыть «Таиландский инновационный центр экосистемы 5G». В октябре 2022 г. Huawei выпустила информационный документ под названием «Малайзия как цифровая столица АСЕАН». При ВВП на душу населения, составляющем всего 5760 долларов США, АСЕАН имеет огромные возможности для роста, поскольку физическая инфраструктура и цифровая связь позволяют создавать новые отрасли¹¹.

■ ВЫВОДЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Пандемия внесла новые акценты в экономическую и политическую динамику в ЮВА. Она обострила соперничество между глобальными акторами США и Китаем в регионе. Как результат постпандемического синдрома, соперничество временно вывело на первый план реорганизацию производственно-сбытовых цепочек. Но на кону находится регион с населением 700 млн. человек с растущим потреблением, быстрым технологическим обновлением и, по прогнозам, самыми высокими темпами экономического развития в ближайшие годы. Появление новых азиатских тигров может стать самым важным макроэкономическим событием следующих двух десятилетий¹¹.

Каждый из глобальных соперников стремится использовать свои сильные стороны и ослабить влияние оппонента в регионе, используя его уязвимые места. США рассматривают Китай как основного геополитического соперника/противника в регионе. Американская политика противодействия Китаю напоминает многослойный пирог, включающий военные, экономические, технологические, политические, идеологические меры.

Администрация Байдена представила свои отношения с Китаем как долгосрочное сопер-

ничество между демократиями и автократиями, в котором нельзя допустить, чтобы последние одержали верх¹⁷. Главный лейтмотив политики США сводится к переформатированию региона под лозунгом противостояния между государствами, ориентирующимися на западные демократии, и авторитарными антизападными государствами. Как следствие, администрация Байдена использует альянсы и партнерства США в Индо-Тихоокеанском регионе для формирования операционной среды против Китая, включая запуск новых механизмов, таких как AUKUS и Индо-Тихоокеанская экономическая структура (IPEF). США не только продолжили экономические и технологические ограничения Китая эпохи Трампа, но и повысили ставки, расширив список подпадающих под санкции китайских компаний/лиц и введя новые ограничения, направленные на то, чтобы лишить Китай доступа к инструментам, необходимым для производства передовых технологий¹⁸.

Китай считает утверждения о «конкуренции» навязанными ему администрацией США и несправедливыми. Глава Китая Си Цзиньпин пытается убедить США, что «так называемый нарратив «демократия против авторитаризма» не является определяющей чертой сегодняшнего мира»¹⁷.

Независимо от того, какая из стратегических линий (конфронтации или поисков компромисса) победит в китайском руководстве, аналитики полагают, что у «Китая нет другого выбора, кроме как удвоить усилия, чтобы стать более самостоятельным в ключевых экономических и технологических секторах»¹⁷. Взаимосвязь двух самых больших экономик мира оставляют шанс на поиски компромиссов. Новый глава Государственного совета Ли Цян в своей программной речи обратил внимание на то, что «экономика США и Китая сильно интегрированы, и мы оба извлекаем выгоду из развития друг друга». В 2022 г. двусторонняя торговля между Китаем и США достигла рекордного уровня. Экспорт США в Китай вырос на 1,6 % и достиг 153,8 млрд долларов США. Импорт США из Китая увеличился на 6,4 % и составил 536,8 млрд долларов

США, почти вернувшись к уровню до начала торговой войны в 538,5 млрд. долларов США в 2018 г. Дефицит торгового баланса США с Китаем вырос на 8,3 % до 382,9 млрд долларов США в 2022 г. по сравнению с предшествующим годом. В 2022 г. США инвестировали в Китай 30,1 млрд долларов США. Бюро промышленности и безопасности США одобрило продажу критических американских технологий Китаю, в том числе посредством лицензий на сумму 60 миллиардов долларов США телекоммуникационному гиганту Huawei Technologies и на 40 миллиардов долларов США производителю микросхем SMIC¹⁹.

При анализе расстановки сил в ЮВА необходимо учитывать национальные интересы средних и малых государств региона, которые стремятся избежать чрезмерной зависимости от глобальных игроков, объединяясь в региональные блоки. К примеру, АСЕАН заключает многосторонние соглашения, в том числе с великими державами от имени своих членов. Исследователь Е. В. Колдунова полагает, что многосторонние региональные институты пока поддерживают достаточную степень суверенности в реагировании на вызовы со стороны глобальных акторов в регионе [20]. Тот же автор выделяет особую роль Японии в регионе, которая пытается стать «наиболее предпочтительной третьей силой» в условиях обострения китайско-американских противоречий [12].

Япония, наряду с ЕС, уверенно заняла нишу «наиболее предпочтительной третьей силы». На формирование иного механизма взаимоотношений средних и малых государств ЮВА обращает внимание эксперт Сингапурского института (ISEAS-Yusof Ishak Institute) Хоанг Тхи Ха²⁰. Он выделяет широкое распространение в регионе министоронних отношений (*minilateralism*). Тем не менее в новых условиях политизации экономических отношений и связей в регионе государствам ЮВА еще предстоит найти баланс между развитием собственных экономик и угрозами полноценного втягивания в глобальное противостояние США и Китая. ●

¹⁷ Hoo Tiang Boon. China in an Age of Great Power Competition // IDSS Paper. RSIS. No. 021. March 7, 2023. URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2023/03/IP23021.pdf> (accessed 14.03.2023).

¹⁸ Indo-Pacific Strategy of the United States // White House. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 10.03.2023).

¹⁹ Pao J. Along with Xi's 'steel,' new premier offers US sugar // Asia Times. March 14, 2023. URL: <https://asiatimes.com/2023/03/along-with-xis-steel-new-premier-offers-us-sugar/> (accessed 14.03.2023).

²⁰ Hoang Thi Ha. Understanding the Institutional Challenge of Indo-Pacific Minilaterals to ASEAN // Contemporary Southeast Asia. Vol. 44, No. 1. April 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/27130806> (accessed 14.03.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. СИМОНЕНОК А. В. Юго-Восточная Азия в борьбе с пандемией COVID-19. Региональные тренды и национальные особенности // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2022. № 2. С. 177–191. EDN **VTJTLT**.
2. РОГОЖИН А. А. Слияния и поглощения в ЮВА в условиях COVID-19 // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2021. Т. 1, № 1 (50). С. 47–54. EDN **UTLLCL**.
3. РЕГНОВСКИЙ В. И. Влияние внешних крупных игроков на региональную безопасность в Юго-Восточной Азии // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2022. № 2. С. 23–31. EDN **IRFUKX**.
4. АСНАРЬА, А. (2013). Power shift or paradigm shift? China's rise and Asia's emerging security order. *International Studies Quarterly*, 58(1), 158–173. <https://doi.org/10.1111/isqu.12084>.
5. КЕИ, К. (2018). The concept of “hedging” revisited: The case of Japan's foreign policy strategy in East Asia's power shift. *International Studies Review*, 20(4), 633–660. <https://doi.org/10.1093/isr/vix059>.
6. НЬЕР, Л. Н. (2013). Vietnam's hedging strategy against China since normalization. *Contemporary Southeast Asia*, 35(3), 333–368. <https://doi.org/10.1355/cs35-3b>.
7. LARIONOVA, M. (2020). Conceptualizing soft balancing beyond Cold War. What's changed, what remains the same. *Central European Journal of International and Security Studies*, 14(3), 65–91. <https://doi.org/10.51870/cejiss.a140303>.
8. KASSAB, H. S. (2023). What is the Indo-Pacific? Genealogy, securitization, and the multipolar system. *Chinese Political Science Review*. <https://doi.org/10.1007/s41111-023-00233-z>.
9. DYSON, K., & SEPOS, A. (2010). Differentiation as design principle and as tool in the political management of European integration. In K. Dyson, & A. Sepos (Eds.) *Which Europe?* (pp. 3–23). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230289529_1.
10. KÖLLNER, P., PATMAN, R. G., & KIGLICS, B. (2022). From Asia-Pacific to Indo-Pacific: Diplomacy in an Emerging Strategic Space. In R. G. Patman, P. Köllner, & B. Kiglics (Eds.) *From Asia-Pacific to Indo-Pacific. Global Political Transitions* (pp. 1–27). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-16-7007-7_1.
11. АСТАФЬЕВА Е. М. Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский регион: актуальные проблемы развития – 2022 // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022. Т. 4, № 4 (57). С. 300–319. EDN **ISDOLQ**.
12. КОЛДУНОВА Е. В. Феномен трансформации отношений Японии и стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX – начале XXI вв.: опыт для России // *Японские исследования*. 2021. № 3. С. 102–116. EDN **UJKUOZ**.
13. ТОЛКАЧЕВ С. А., ТЕПЛЯКОВ А. Ю. Технологические и регуляторные циклы в мирохозяйственном развитии: историко-экономическая ретроспектива // *Terra Economicus*. 2022. Т. 20, № 3. С. 72–86. EDN **HQJONA**.
14. ВАСИЛЬЧЕНКО А. Д. Решоринг в странах Европейского Союза: причины, динамика, факторы // *Современная Европа*. 2020. № 4 (97). С. 191–200. EDN **JIMJPS**.
15. СМОРОДИНСКАЯ Н. В., КАТУКОВ Д. Д., МАЛЫГИН В. Е. Глобальные стоимостные цепочки в эпоху неопределенности: преимущества, уязвимости, способы укрепления резильентности // *Балтийский регион*. 2021. Т. 13, № 3. С. 78–107. EDN **LWKJXO**.
16. СТЕПАНОВ А. С. Политика США в Юго-Восточной Азии: от Б. Обамы до Дж. Байдена // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2022. № 8. С. 90–101. EDN **GUGOWB**.
17. ЕКМАН, А. (2022). *China and the battle of coalitions – The ‘circle of friends’ versus the Indo-Pacific strategy*. Publications Office of the European Union. <https://doi.org/10.2815/096067>.
18. КАНАЕВ Е. А. Китайское деловое присутствие в Юго-Восточной Азии как фактор развития инициативы «Пояс и Путь» // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2022. Т. 1, № 1 (54). С. 30–43. EDN **WKCHRZ**.
19. KOLESNIKOVA, T. V. (2022). The impact of the US-China economic confrontation and the COVID-19 pandemic on the PRC's protectionist policies. In E. Kanaev (Ed.) *The Global Reset: Insights from Regions* (pp. 68–78). Advanced Solutions. <https://elibrary.ru/kywkzw>.
20. КОЛДУНОВА Е. В. Многостороннее сотрудничество в Восточной Азии перед новыми вызовами // *Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее – 2021* : сборник статей / под ред. К. А. Корнеева, А. Ч. Мокрецкого. Москва : Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2022. С. 43–50. EDN **TNBDDP**.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Михайленко Валерий Иванович – доктор исторических наук, профессор; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (профессор кафедры теории и истории международных отношений; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); valery.mikhaylenko@urfu.ru. AuthorID РИНЦ: 105931, ORCID: 0000-0002-2576-212X, ScopusID: 57200083413, ResearcherID: AAA-5964-2019.

Мамин Никита Викторович – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (ассистент кафедры теории и истории международных отношений; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); n.v.mamin@urfu.ru. AuthorID РИНЦ: 1123160, ORCID: 0000-0002-7995-7029.

Статья получена: 22.03.2023. Заключение рецензента: 25.03.2023. Принята к печати: 30.03.2023.

REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION IN THE POST-PANDEMIC PERIOD (USING THE EXAMPLE OF SOUTHEAST ASIA)

Mikhaylenko V. I.^a, Mamin N. V.^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

Relevance. In the post-pandemic period, not only connections are restored, but global chains are also undergoing reformatting under the influence of a greater than before political conjuncture. The research purpose is to identify and substantiate the influence of rivalry between the US and China in Southeast Asia on the global chains reformatting, to determine the possibilities for the parties to use "friendshoring", "circle of friends" and other tools as a veiled form of political pressure and its influence on the relocation and reorientation of global chains and also to establish a link between the effectiveness and sustainability of the measures taken and their impact on regional economy.

Methods and methodology. A number of interdisciplinary approaches are used: the theories of integration and regionalization, securitization, etc. Based on these approaches, the authors try to present a comprehensive view of the economic and political processes in the region, their relationship, and specifics in the post-pandemic period. Attention is drawn to the "spillover" of political decisions into the economy, how this affects trade and production chains, and how regional economies are trying to respond to these challenges.

Results. During the time of the pandemic, the problem of unreliable chips supplies was revealed. In the previous period, there was a shift in production to enterprises in Southeast Asia. On August 9, 2022, the US Chip and Science Act was passed with the goal of bringing the share of semiconductor production to 30% of global production by 2030. The United States declares a restriction of trade in components limited to trusted countries (friendshoring). China launches the "Global Security Initiative" (April 2022), where it emphasizes the commitment to "an open world economy", "ensuring the sustainability of global supply chains." China plans to increase its foundry capacity from 15% in 2020 to 24% by 2030. Southeast Asian countries are using regional integration to defend national interests in the face of political pressure from the rivalry between the US and China.

Conclusions and discussion. The pandemic has certainly affected the reformatting of global production and supply chains. The trend in favor of sustainability over efficiency will continue. This process is not linear and is adjusted by the national interests of both global actors and the states of Southeast Asia, which will defend their own interests through regional integration, minilateralism, and other forms of managing production and supply chains.

KEYWORDS: Southeast Asia, post-pandemic recovery, economic integration, regionalism, global supply chains, USA, China.

FOR CITATION: Mikhaylenko, V. I., & Mamin, N. V. (2023). Regional economic integration in the post-pandemic period (using the example of Southeast Asia). *Management Issues*, 17(3), 32-44. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-32-44>.

REFERENCES

1. SIMONENOK, A. V. (2022). Southeast Asia in the fight against Covid-19 pandemic. Regional trends and national specifics. *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istorii i Sovremennost*, (2), 177–191. <https://doi.org/10.31857/S086919080016662-5>.
2. ROGOZHIN, A. A. (2021). Mergers and acquisitions in Southeast Asia under Covid-19. *South East Asia: Actual Problems of Development*, 1(1), 47–54. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-047-054>.
3. REGNOVSKIY, V. I. (2022). The influence of external major players on regional security in Southeast Asia. *East Asia: Facts and Analytics*, (2), 23–31. <https://doi.org/10.24412/2686-7702-2022-2-23-31>.
4. ACHARYA, A. (2013). Power shift or paradigm shift? China's rise and Asia's emerging security order. *International Studies Quarterly*, 58(1), 158–173. <https://doi.org/10.1111/isqu.12084>.
5. KEI, K. (2018). The concept of “hedging” revisited: The case of Japan's foreign policy strategy in East Asia's power shift. *International Studies Review*, 20(4), 633–660. <https://doi.org/10.1093/isr/vix059>.
6. НИЕП, Л. Н. (2013). Vietnam's hedging strategy against China since normalization. *Contemporary Southeast Asia*, 35(3), 333–368. <https://doi.org/10.1355/cs35-3b>.
7. LARIONOVA, M. (2020). Conceptualizing soft balancing beyond Cold War. What's changed, what remains the same. *Central European Journal of International and Security Studies*, 14(3), 65–91. <https://doi.org/10.51870/cejiss.a140303>.
8. KASSAB, H. S. (2023). What is the Indo-Pacific? Genealogy, securitization, and the multipolar system. *Chinese Political Science Review*. <https://doi.org/10.1007/s41111-023-00233-z>.
9. DYSON, K., & SEPOS, A. (2010). Differentiation as design principle and as tool in the political management of European integration. In K. Dyson, & A. Sepos (Eds.) *Which Europe?* (pp. 3–23). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230289529_1.
10. KÖLLNER, P., PATMAN, R. G., & KIGLICS, B. (2022). From Asia-Pacific to Indo-Pacific: Diplomacy in an Emerging Strategic Space. In R. G. Patman, P. Köllner, & B. Kiglics (Eds.) *From Asia-Pacific to Indo-Pacific. Global Political Transitions* (pp. 1–27). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-16-7007-7_1.
11. ASTAFEVA, E. M. (2022). Southeast Asia and the South Pacific: Current development issues – 2022. *South East Asia: Actual Problems of Development*, 4(4), 300–319. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-300-319>.
12. KOLDUNOVA, E. V. (2021). Transformation of Japan's relations with Southeast Asia in the second half of the 20th – early 21st century: Russia, take note. *Japanese Studies in Russia*, (3), 102–116. <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-3-102-116>.
13. TOLKACHEV, S. A., & TEPLYAKOV, A. YU. (2022). Technological and regulatory cycles in world economic development: Historical and economic retrospective. *Terra Economicus*, 20(3), 72–86. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-3-72-86>.
14. VASILCHENKO, A. D. (2020). Reshoring in the European Union: Causes, dynamics, factors. *Contemporary Europe*, (4), 191–200. <https://doi.org/10.15211/soveurope42020191200>.
15. SMORODINSKAYA, N. V., KATUKOV, D. D., & MALYGIN, V. E. (2021). Global value chains in the age of uncertainty: Advantages, vulnerabilities, and ways for enhancing resilience. *Baltiiskii Region*, 13(3), 78–107. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-3-5>.
16. СТЕПАНОВ, А. С. (2022). The U.S. policy towards Southeast Asia: From Barack Obama to Joe Biden. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, (8), 90–101. <https://doi.org/10.31857/S2686673022080077>.
17. ЕКМАН, А. (2022). *China and the battle of coalitions – The ‘circle of friends’ versus the Indo-Pacific strategy*. Publications Office of the European Union. <https://doi.org/10.2815/096067>.
18. KANAEV, E. A. (2022). The Chinese business presence in Southeast Asia: The Belt and Road initiative perspective. *South East Asia: Actual Problems of Development*, 1(1), 30–43. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-030-043>.

19. KOLESNIKOVA, T. V. (2022). The impact of the US-China economic confrontation and the COVID-19 pandemic on the PRC's protectionist policies. In E. Kanaev (Ed.) *The Global Reset: Insights from Regions* (pp. 68–78). Advanced Solutions. <https://elibrary.ru/kywkzw>.

20. KOLDUNOVA, E. V. (2022). New challenges to the multilateral cooperation in East Asia. In K. A. Korneev, & A. Ch. Mokretsky (Eds.) *East Asia: Past, Present, Future – 2021* (pp. 43–50). Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.48647/IFES.2021.96.69.004>.

AUTHORS' INFORMATION:

Valeriy I. Mikhaylenko – Advanced Doctor in Historical Sciences, Full Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (professor of the Department of Theory and History of International Relations; 19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); valery.mikhaylenko@urfu.ru. RSCI AuthorID: 105931, ORCID: 0000-0002-2576-212X, ScopusID: 57200083413, ResearcherID: AAA-5964-2019.

Nikita V. Mamin – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (assistant of the Department of Theory and History of International Relations; 19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); n.v.mamin@urfu.ru. RSCI AuthorID: 1123160, ORCID: 0000-0002-7995-7029.

Article received 03/22/2023; reviewed 03/25/2023; accepted 03/30/2023.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

CORPORATE MANAGEMENT

РЕСУРСНОСТЬ ВУЗОВСКИХ НАУЧНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ И НАУЧНЫХ ШКОЛ: ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ И УПРАВЛЕНИЯ

Зборовский Г. Е.^а, Кеммет Е. В.^а

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

Введение. Одной из актуальных проблем современного высшего образования является стремление вузов совершенствовать свою ресурсную основу. Она выступает в виде различных проявлений профессионально-педагогического, научно-исследовательского, публикационного, коммуникационного, темпорального и иного характера. Одним из наиболее важных вузовских ресурсов выступают научные коллективы (НК) и научные школы (НШ). Они и стали предметом авторского анализа в предлагаемой статье. В ней дается характеристика общего и различного между ними, показываются ресурсы, имеющие место в каждой из двух названных научных структур. Доказывается, что основным субъектом и НК, и НШ выступает социально-профессиональная общность научно-педагогических работников (НПР). В статье излагается ее авторское понимание.

Материалы и методы. Основой эмпирической базы статьи послужили, во-первых, статистические материалы, в которых характеризуются высшее образование Уральского федерального округа и НПР его вузов, во-вторых, материалы интервью, проведенных среди более чем 30 представителей этой профессиональной общности по проблемам ресурсности вузовских НК и НШ и стратегии управления ими.

Результаты. Основные результаты, полученные в процессе исследования, таковы. 1. Выявление ключевых характеристик ресурсов НПР, активно участвующих в НК и НШ: традиций научных школ; авторитета руководителя (лидера); возможности выигрывать совместные гранты; преемственности поколений. 2. Выявление специфики ресурсов НК и НШ, позволяющих обнаруживать общее и различное в деятельности НПР, входящих в их структуру. 3. Осмысление роли исследовательских и публикационных ресурсов как фактора активизации деятельности НК и НШ. 4. Характеристика трактовок НК и НШ в условиях формализации ресурсности каждой из научных структур.

Обсуждение. Обсуждение стратегии развития и управления ресурсами НК и НШ: 1. Непомерно высокий уровень эксплуатации исследовательского ресурса НПР управленческими структурами в структурах НК и НШ. 2. Имитация научной публичности и активности НПР в рамках НК и НШ. 3. Абсолютизация физических показателей повышения квалификации НПР в структурах НК и НШ. 4. Выделение проблемных ресурсов НК и НШ в новых условиях вузовского управления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научно-педагогические работники, научные школы, научные коллективы, ресурсность.

БЛАГОДАРНОСТИ: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зборовский Г. Е., Кеммет Е. В. Ресурсность вузовских научных коллективов и научных школ: проблемы стратегии развития и управления // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 3. С. 46-58. EDN JDQATI. DOI 10.22394/2304-3369-2023-3-46-58.

© Автор(ы) / The Author(s) 2023. **Open Access** This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

■ ВВЕДЕНИЕ

Современные университеты представляют собой научно-педагогические комплексы, характеризующиеся значительной ресурсной насыщенностью – как на уровне человеческого капитала, так и на организационном, технико-технологическом, финансово-экономическом и ином уровнях. Можно называть и характеризовать многие виды вузовских ресурсов, начиная с тех, которые тесно связаны с непосредственными носителями человеческого капитала. Субъектный характер таких ресурсов очевиден, и к ним мы в первую очередь относим социальные общности научно-педагогических и управленческих работников, студентов. Наибольшая концентрация человеческого капитала в вузах воплощена в интеллектуальной ресурсности научно-педагогического сообщества.

Другой основной тип вузовской ресурсности мы связываем с наличием ее вузовских объектов. К нему мы относим исследовательский, публикационный, образовательно-педагогический и иные проявления ресурсности. Наиболее значительные достижения приходят в университет тогда, когда эффективно реализуется интеграция субъектной и объектной ресурсности.

К такому интегральному типу ресурсности мы относим научные коллективы (НК) и научные школы (НШ). Сразу отметим, что мы не ставим между ними знак равенства. Далее мы подробно покажем сходства и различия между ними, имеющиеся типы отношений по объему, структуре, содержательной деятельности, ресурсности, ее видов, характеризующих те или иные научные коллективы и научные школы. Будут приведены некоторые данные относительно типологий научных школ и научных коллективов.

С одной стороны, научные школы и коллективы включают в себя индивидуальных представителей научно-педагогического сообщества либо их отдельные группы, объединенные общими научными целями, интересами, направлениями исследований, публикациями, научными семинарами и конференциями и др. С другой стороны, сами создаваемые (существующие) научные школы и научные коллективы (либо в их структуре, либо независимо от них) в процессе совместного функционирования действуют уже в рамках определенных научно-организационных структур, пользуются университет-

ской (управленческой) поддержкой (в том числе материальной).

Естественно, каждая школа и каждый научный коллектив обладает определенными ресурсами, которые в своей совокупности и взаимосвязи и определяют реальные возможности, достижения и потенциал каждой научной структуры, ее место, роль и значение в системе университетской науки. Что собой представляют эти ресурсы?

Мы рассматриваем ресурсы (в качестве общего понятия) вслед за Э. Гидденсом как «средства и способы, посредством которых в процессе производства и воспроизводства социальных практик включаются отношения преобразования» [1, с. 60]. Такой подход очень важен для характеристики ресурсности научных школ и научных коллективов, поскольку позволяет говорить о ее коллективном характере при использовании научно-педагогических работников (НПР) в их рамках. Научные школы и коллективы реализуют собственные ресурсы для преобразования социальных практик.

Конвертация ресурсов в конкретные результаты деятельности НПР и есть тот главный смысл, который приобретают эти ресурсы в своем теоретическом и практическом значении для научных коллективов и школ в системе высшего образования. В этом плане проблема изучения ресурсности НПР, оценки ее эффективности, механизмов реализации, создания благоприятных условий крайне актуальна и явно стоит того, чтобы ею заниматься и в рамках научно-теоретического исследования, и в процессе практического решения поставленной проблемы.

Между тем исследование ресурсности научных школ и научных коллективов представляет собой мало разработанную проблему. Поэтому мы решили сосредоточить внимание на ней как на одном из недостаточно исследованных видов ресурсности. Целью статьи является анализ ресурсности научных коллективов и научных школ в качестве феномена высшего образования сквозь призму деятельности в них НПР. Здесь существенное значение в целеполагании статьи приобретает стратегия вузовского управления и развития, в основе которой лежит использование ресурсности НПР.

Основные задачи, конкретизирующие цель исследования, формулируются нами следующим образом:

- выявление специфики ресурсности научных коллективов и научных школ, ее содержания и структуры;
- трактовка количественных и качественных, объективных и субъективных характеристик ресурсов НПП в научных коллективах и научных школах;
- раскрытие связи между ресурсами научных коллективов и научных школ и основными формами (видами) их внутренней и внешней деятельности;
- рассмотрение специфики ресурсности различных групп НПП в научных коллективах и школах как проблемы их отношений и взаимодействий;
- выявление ценности ресурсности научных коллективов и научных школ НПП для развития университетов, высшего образования в целом, регионов и ее оценки научно-педагогическими работниками.

Объектом нашего исследования являются научные коллективы и научные школы вузов Уральского федерального округа, предметом исследования выступает их ресурсность, реализуемая научными школами и научными коллективами НПП.

В статье будут использоваться следующие термины и аббревиатуры: научные коллективы – НК, научные школы – НШ, научно-педагогические работники – НПП, профессорско-преподавательский состав – ППС, Уральский федеральный округ – УрФО, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина – УрФУ.

■ ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ, КОНЦЕПЦИИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ И НАУЧНОГО КОЛЛЕКТИВА

Наиболее широкой теоретической рамкой исследования НШ и НК выступает теория социальной общности. Основанием для такого утверждения является признание в качестве социальной общности и НК, и НШ, и НПП, входящих в состав как коллектива, так и школы. В этом смысле НПП выступают содержанием двух указанных форм их функционирования – НК и НШ. Определяющую роль в их взаимодействии играет содержательная деятельность НПП, усилиями которой и создается основной продукт в рамках НК и НШ. К категории НПП (согласно ст. 50 Закона «Об образовании РФ») мы отно-

сим профессорско-преподавательский состав (ППС), включающий должности профессора, доцента, преподавателя, ассистента, должности научных работников, а также руководителей научных и учебных структурных подразделений (деканаты, заведующие кафедрами, заведующие лабораториями и др.).

Главная особенность взаимодействия названных разновидностей социальной общности состоит в том, что форма этого взаимодействия влияет решительным образом на его содержание. Давно прошли те времена, когда исследователь-одиночка мог сам по себе добиться каких-либо значительных научных результатов, не обращая ни к их коллективному обсуждению, ни к технико-технологическому эксперименту, анализу, обобщению получаемых данных. Именно квалифицированный НК и эффективно работающая НШ являются сегодня теми необходимыми условиями и формами коллективного научного творчества, обладают той ресурсной основой, которые в совокупности и взаимосвязи обеспечивают плодотворность итогов совместного труда. В большей мере этому способствует (должна способствовать) управленческая стратегия развития вуза. От нее во многом зависит и включенность в работу научных коллективов и школ НПП, и традиции, которые закладываются в их деятельность, и развитие социального капитала названных выше общностей.

Для доказательства приведенного суждения о «принадлежности» НК, НШ, НПП к социальной общности обратимся к некоторым положениям ее теории. В этой связи отметим, что построение теоретической рамки нашего исследования базируется на интерпретации НШ, НК, НПП как особой социальной общности и профессионального сообщества.

В самом общем виде социальная общность означает «объединение (совокупность) индивидов на основе существующих между ними социальных связей, благодаря которым появляются относительно устойчивые формы взаимодействия и совместной жизни как малых, так и больших групп людей» [2, с. 152]. Исследователь В. А. Ядов определял социальную общность как «взаимосвязь человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов благодаря сходству условий бытия и деятельности людей, составляющих данную общность, их материальной, производственной и иной

деятельности, близости их взглядов, верований, их субъективных представлений о целях и средствах деятельности» [3, с. 7].

Что свидетельствует о наличии социальной общности? Назовем такие признаки, как относительно схожие условия жизни и деятельности, идентификация и самоидентификация людей, наличие общих социокультурных, экономических, территориальных, этнических и иных характеристик [4, с. 109–110].

Социальная общность характеризуется наличием нескольких, конкретизирующих ее разновидностей. Среди них – социальные сообщества, профессиональные сообщества, профессионально-образовательные сообщества и т. д. [5, с. 1–14]. К профессиональным сообществам относятся интересующие нас НК и НШ.

Все характеристики профессионального (социально-профессионального общества) в той или иной степени присущи и НК, и НШ, и НПР. Вместе с тем последним свойственны и характеристики научно-образовательной общности. Под ней мы понимаем «взаимосвязи (совокупности) людей, их групп и объединений, которые характеризуются доминантой научно-образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью (гомогенностью) состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь, образовательными общностями» [2, с. 155].

Вместе с тем для значительной части педагогов российских вузов занятие наукой является делом вторичным в сравнении с преподаванием, тогда как в большинстве университетов развитых стран мира учебный процесс сопряжен с активной научно-исследовательской деятельностью [6; 7, с. 93–107; 8, с. 34–45]. В этом смысле есть достаточное основание говорить об определенной раздвоенности и даже противопоставлении научных исследований и процесса преподавания в деятельности НПР. Отсюда во многом проистекает слабость вузовской науки, ее малая отдача и неэффективность [9, с. 8–24; 10, с. 34–41; 11, с. 84–125]. Создание научных коллективов и научных школ призвано преодолеть эту слабость.

Поскольку исследование научных коллективов и школ в данной работе проводится социоло-

логами, то целесообразно дать трактовку научной школы и коллектива, приближенную к социологической. Тем более что в уральской социологической традиции эта проблема всегда приобретала особый интерес. Формирование и развитие Уральской социологической школы падает на 1970-е – первую половину 1980-х гг., ставшие поистине периодом расцвета социологии в регионе. Для появления научной школы в социологии в этот период необходимо было наличие нескольких совпадающих по времени, месту, содержанию и направленности обстоятельств. Этот период занял около 20 лет, т. е. тот срок, когда школа должна сформироваться как некоторое объединенное на основе общих методологических принципов и подходов творческое неформальное сообщество и проявить себя соответствующим образом в социологической деятельности. Научная школа характеризуется наличием ярко выраженного лидера (лидеров), институционального статуса (к примеру, принадлежности к университету), центра для обмена научными идеями и творческих встреч (теоретический семинар, издаваемый журнал, регулярно выходящие сборники научных трудов), общих профессионально-этических установок ее представителей. Все эти признаки были характерны для того творческого неформального сообщества, которое мы именуем Уральской социологической школой. Общим неформальным творческим объединением стали постоянно проходившие конференции и семинары, на которых обучали будущих «заводских» социологов, но главным образом ими стали Уральские социологические чтения. Они проводились в различных городах – республиканских и областных центрах Уральского региона, где в среднем раз в два года уральские социологи получали возможность творческого общения и публикаций сборников докладов и выступлений.

Что касается общего представления о научном коллективе с позиции социологии, отметим на этот счет точку зрения автора работы «Социология научных коллективов (теоретический аспект)» С. М. Халина. Он пишет: «Будем понимать под «научным коллективом» организованную общность людей, объединенных конкретным видом научно-исследовательской деятельности, осуществляемой в рамках той или иной формы групповой, совместной орга-

низации, и складывающихся в процессе этой деятельности отношениями сотрудничества, взаимопомощи и взаимной ответственности, ценностными ориентациями, установками и нормами, а также экономическими интересами, профессионального и иного поведения»¹.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Статья написана на основе эмпирической базы, включающей в себя, по данным нашего исследования, две основные позиции. Одна – это непосредственно статистические материалы, а вторая отражает содержательное отношение НПП к ресурсным формам деятельности, связанным с НК и НШ.

Источниками статистической информации выступили базы данных, размещенные на официальных сайтах Федеральной службы государственной статистики, Министерства науки и высшего образования РФ, Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования; данные, опубликованные в статистических сборниках НИУ «Высшая школа экономики», а также данные внутривузовской статистики в университетах УрФО.

Далее мы приводим статистические данные, касающиеся УрФО. Система его высшего образования включает вузы 6 регионов: Курганской, Свердловской, Челябинской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. По численности занятых научными исследованиями и разработками УрФО находится на 5-м месте среди федеральных округов РФ² [12, с. 644]. В нем, по данным мониторинга высшего образования РФ, работают 88 вузов, в том числе 40 филиалов, 1 федеральный университет, 1 национальный исследовательский университет. В этих вузах обучается 283461 студент бакалавриата, специалитета, магистратуры (6,95 % от контингента по РФ), в том числе 167 330 по очной форме обучения, и 140 462 за счет бюджетных средств бюджетной системы РФ³.

¹Халин С. М. Социология научных коллективов (Теоретический аспект) : учебное пособие. Тюмень. 2020. 78 с. С. 5.

²Уральский федеральный округ: скрытые риски номинального роста / под общ. ред. д-ра экон. наук Ю. Г. Лавриковой, д-ра экон. наук В. В. Акбердиной; кол. авт.; Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН. 2021. 100 с.

³Уральский федеральный округ // Результаты мониторинга деятельности образовательных организаций. 2022. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2022/_vpo/material.php?type=1&id=5 (дата обращения: 01.03.2023).

Таблица 1 – Общая численность НПП по регионам УрФО, чел. в 2022 г.

Table 1 – The total number of scientific and pedagogical workers by regions of the Ural Federal District, people in 2022

Наименование показателя	Кол-во, чел.	Доля, %
Всего	14 606	100,0
<i>из них женщины</i>	8 638	59,1
<i>из них имеют:</i>		
ученую степень доктора наук	2 041	14,0
ученую степень кандидата наук	8 093	55,4
ученую степень PhD	82	0,6
ученое звание профессора	1 210	8,3
ученое звание доцента	5517	37,8

В государственных и негосударственных вузах УрФО работают 14 606 НПП (табл. 1). Мы видим относительно сбалансированную гендерную среду (8 638, или 59 %, женщины), фиксируем также наличие достаточно высокого уровня квалификации специалистов (ученое звание, ученая степень) и широкого спектра их деятельности.

Анализ статистических данных показал, что в УрФО представлен широкий набор должностей НПП (рис.1).

В целом изучение статистических данных по УрФО позволило получить достаточно представление об общем количестве НПП, их гендерном распределении, наличии степеней, званий, должностей, структурировании их по видам деятельности и связи с ресурсами⁴.

⁴Статистическая информация по УрФО была взята и систематизирована по данным формы № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» Министерства науки и высшего образования РФ за 2022 год. Были рассмотрены Курганская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области, а также Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО.

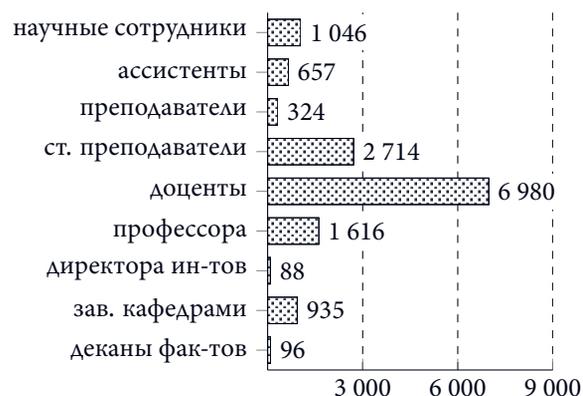

Рис. 1. Должности НПП УрФО, чел. в 2022 г.

Fig. 1. Positions of scientific and pedagogical workers in the Ural Federal District, people in 2022

Вторая часть эмпирической базы представила собой материал, собранный на основе интервью. Информантами в полуструктурированном интервью стали представители НПП вузов УрФО, имеющие стаж работы в вузе не менее 5 лет, обладающие ученой степенью, представляющие различные отрасли науки и образовательной подготовки (естественно-научные, инженерно-технические, социально-экономические, гуманитарные). Объем выборки – 31 человек. В процессе интервьюирования респондентам были заданы вопросы, разделенные на блоки, касающиеся приведенных выше ресурсов НПП. В первую очередь важным для нас оказался ресурс НК и НШ, благодаря которому мы могли определять, относится ли анализ конкретного респондента к объекту нашего исследования, является ли респондент из числа НПП представителем научного коллектива и/или научной школы. Весь 31 НПП, по результатам нашего исследования, относил себя к НШ или НК. Также нам удалось выявить проблемы, с которыми сталкиваются НПП в ходе реализации своих ресурсов, и выявить управленческие стратегии, реализуемые в изучаемом вузе.

Нами также был проведен вторичный анализ научной литературы, позволяющий раскрыть социальную общность как научную категорию, конкретизировать социальную общность на уровне вузовских социальных общностей, раскрыть особенности НК, НШ, НПП как социальной, научной и научно-образовательной общностей, социально-профессионального сообщества.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты исследования позволили определить ключевые характеристики ресурсов НПП, активно участвующих в НК и НШ. Среди них мы выделяем традиции научных школ, авторитет руководителя; качество и плотность научных коммуникаций; возможность выигрывать совместные гранты, заключать хозяйственные договоры; преемственность поколений; защиту диссертаций; возможность создавать новые структурные единицы, официально утверждённые вузом и имеющие формальные права на равные возможности в конкурентной среде НПП.

В качестве начального результата мы определяем позиции, взгляды, мнения НПП относительно НШ и НК, в которые они входили, входят или работают, либо которые они просто

оценивают со стороны. Выявление специфики ресурсности научных коллективов и научных школ, ее содержания и структуры в первую очередь позволило нам показать сходства и различия между ними. У нас есть разные представления у НПП относительно того, что собой представляют НШ и НК и чем они отличаются друг друга. Одни исследователи видят между ними различия четкие, жесткие, другие таких различий не видят. Есть группа НПП, считающих, что не имеет значения, идет ли речь о НК или НШ.

По мнению части информантов, на отношение к НК или НШ накладывают свою печать возрастные характеристики, связанные с наличием лидера – он всегда должен быть намного старше своих учеников. Для НШ существенную роль играет наличие нескольких поколений, что для НК совсем незначимо. НК зачастую локализован по месту структурного подразделения, а НШ могут иметь широкую географию (заместитель проректора по науке). «С моей точки зрения, научная школа – это то, что через несколько поколений уже прошло, и есть достаточный бэкграунд, и уже докторов, кандидатов много, и аспиранты текущие есть. Научные коллективы – это временные коллективы под какую-то тематику» (начальник отдела, доцент). Научный коллектив может быть молодой или средневозрастной, создается он под решение определенных задач. Важным отличием НШ от НК является уровень формализации. Научная школа формализована и достаточно жестка (по крайней мере в документах).

Некоторые НПП не проводят разграничений и считают, что НК являются частью НШ. «Для меня НК – это часть НШ. Есть школа, а внутри нее есть маленькие коллективы, направленные на решения своих задач» (заместитель директора по научной и инновационной деятельности, доцент).

Стоит отметить, что для многих непринципиален момент того, что их называют НК или НШ. Отдельные коллективы не хотят называться НШ, чтобы не было дополнительных «рамок» в лице лишних обязательств. Зачастую эта формальность не только не нужна НПП, а мешает им. «У нас никогда не было желания называться кем-то, мы хотели создавать, мы хотели работать. Да, мы знаем, что мы отдельное направление и очень гордимся, например, тем, что нас знает страна, а может, где-то мир даже» (заведующий лабораторией, кандидат техниче-

ских наук); «Мы являемся неутвержденным коллективом, но коллективом являемся. Считаю, что преимущество как раз в том, что мы являемся неформальной ячейкой, которая работает» (заведующий кафедрой, кандидат технических наук); «Мы не подавали на утвержденный научный коллектив, хотя считаем, что надо ... но это не мешает нам заниматься своими исследованиями» (научный сотрудник, кандидат технических наук).

Интересным представляется сопоставление понятий НШ и НК в трактовке ведущих ученых Екатеринбургa Г. В. Тягунова и С. С. Набойченко: «Понятие НШ олицетворяет научный коллектив, в котором уровень проводимых работ позволяет осуществлять подготовку докторов наук, открывать новые направления, издавать монографии и заметно влиять на показатели производства» [13, с. 177].

В статье М. В. Валеевой отмечается, что «объединение учёных в научные коллективы (группы) имеет множество различных форм – формальные/неформальные, временные/постоянные, краткосрочные/долгосрочные и другие. Как выяснилось, самыми популярными целями являются повышение качества проводимых исследований (59 %), объединение ресурсов для реализации научных исследований (55 %), установление научных контактов для получения новых знаний (54 %)» [14, с. 113]. Налицо важность исследовательского и коммуникативного ресурса в деятельности НК.

Есть позиция, в которой научные школы характеризуются в качестве важной формы развития научного потенциала высшего образования, развития ресурса наставничества. Как отмечают исследователи Новгородского государственного университета, «научные школы – это те основные ячейки науки, в которых формируются ее новые силы при постоянном взаимодействии между опытными и начинающими кадрами ученых, учителями и учениками, основателями научных школ и их преемниками. Для научной школы характерно не только обучение искусству исследователя, но и приобретение навыков по кооперации своих усилий для решения общей проблемы» [15, с. 49].

Разграничение НК и НШ тесно связано с использованием в них тех или иных ресурсов. Существует определенная связь с ресурсностью ННР и их включенностью в НК и НШ. Во-пер-

вых, формально закрепленные НШ и НК требуют для своего существования выполнения показателей, связанных с реализацией как минимум исследовательских, публикационных, символических, коммуникативных ресурсов. Во-вторых, необходимость существовать в структуре вуза вынуждает коллективы задействовать широкий спектр ресурсности. Как показывают данные нашего исследования, каждая НШ и НК обладает ресурсами, которые предоставляют определенные возможности для ННР, позволяют достигать каких-то результатов и показывать свой потенциал, формально или неформально закрепленный в вузовской системе. В этом плане интерес может представлять рассмотрение типологий научных школ и научных коллективов, среди которых мы бы выделили институционально закрепленные, формальные или неформальные, узкопрофильные или широкопрофильные, молодые или исторически сложившиеся НШ и НК [16, с. 520–530; 17, с. 261–267].

Перейдем к трактовке количественных и качественных, объективных и субъективных характеристик ресурсов ННР в научных коллективах и научных школах.

Качественные характеристики ресурсности ННР раскрываются в работе Н. О. Николова, выделявшего следующие условия, способствующие формированию научной школы на базе научно-исследовательского коллектива: «1) лидер коллектива демонстрирует оригинальный научный стиль мышления; 2) лидер обладает такими идеями, которые можно охарактеризовать как эмоционально насыщенные и аффективно-увлекательные; 3) наличие возможностей и желания у членов коллектива активно опираться в своих исследованиях на ценности, которые приняты в нем» [18, с. 114].

Нельзя не остановиться на мнении о том, что зачастую происходит стремление вузов показать наличие научных достижений за счет наличия так называемой (искусственно сформированной) научной школы. Согласно Л. А. Козловой, «в понимании термина «научная школа» на уровне нормативных документов наблюдается неопределенность. Сложилась ситуация, когда из-за отсутствия четких критериев для идентификации научных школ, а также стремления к дополнительному финансированию, повышению престижа они появляются там, где их фактически нет, то есть в порядке формаль-

ного назначения, самопровозглашения. Это окончательно убивает идею поддержки наиболее перспективных научных объединений. И, конечно, наносит урон репутации науки и профессионального сообщества» [19, с. 62]. Многие вузы в своих регионах формируют так называемые НШ за счет искусственного привлечения каких-то ресурсов. Конечно же, это вызвано стремлением вузов найти свое место в конкурентоспособной среде, так как идет постоянное сравнение между ними по показателям, и это является серьезной проблемой. Существует дифференциация вузов, в одних научные коллективы создаются путем выигранных государственных заданий, грантов, привлечением хозяйственных договоров, а другие идут по иным путям [20, с. 119–135]. Многие научные школы живут прошлыми заслугами, именем основателя, не создают ничего нового и тем самым становятся инертными, создавая имитацию научной деятельности [21, с. 52].

Получение важных результатов ННР сопряжено с использованием ресурсных преимуществ НК и НШ. По мнению большей части информантов, принадлежность к научному коллективу и научной школе позволяет иметь определенный набор ресурсов.

Любой коллектив в первую очередь дает возможности для получения дополнительного опыта, получаемого в процессе взаимодействия. Созидательной составляющей такого взаимодействия является взаимовыручка, взаимопомощь ННР. «Если вспомнить начальные этапы, то это была мощная школа для самообразования. Это хороший опыт апробации, взаимопомощь и взаимовыручка» (доцент, кандидат социологических наук). Внутри НШ и НК важным является коммуникативный ресурс, который в свою очередь влияет на ресурс научно-педагогической квалификации, получаемой в процессе взаимодействия ННР. «Преимущество заключается в работе команды» (доцент, кандидат юридических наук); «Это созидательный процесс, мы собираем коллектив, мы работаем над проектом» (заведующий лабораторией, кандидат технических наук). Качество и плотность научных коммуникаций – важная составляющая успеха в работе ННР.

Моральный ресурс также играет очень важную роль в любом коллективе. Продуктивность зачастую зависит от того, насколько довери-

тельными являются отношения в коллективе. «Преимущество в том, что есть круг единомышленников, в котором уровень доверия выше, чем на кафедре» (доцент, кандидат социологических наук).

Важным ресурсом, который закладывается в деятельность НШ и НК, являются традиции: «У нас есть передовая научная школа. Собственно, я после окончания университета пришел в НШ и работал, начиная с младшего научного сотрудника до профессора. На данный момент я на самой верхушке школы, и есть уже замена. Не имея научных школ, достаточно сложно наладить планомерную научную работу, то, что у нас сейчас есть» (заведующий кафедрой, профессор, доктор химических наук).

Еще один значимый ресурс – наставничество, его компетенции, необходимые для воспроизводства научно-педагогических кадров. «Научная школа как раз обеспечивает защиту диссертаций. У нас на кафедре защитилось, наверное, не меньше 50 человек в обозримом прошлом. Там, где нет школы, там нет вот этого выхлопа достаточно формального. Вроде аспиранты есть, вроде статьи пишут, но все это разрознено. Школа – это определенная направляющая» (заведующий кафедрой, профессор, доктор химических наук).

Символический ресурс, а именно авторитет руководителя, имеет очень важное значение в процессе деятельности НК и НШ. «Даже если руководителя уже нет в живых, но его идеи продолжают в следующих поколениях» (доцент, начальник отдела, кандидат технических наук); «Наш руководитель – это фигура, и лицо его школы имеет значение» (научный сотрудник, кандидат химических наук).

Исследовательский ресурс, возможность выигрывать совместные гранты, заключать хозяйственные договоры существенно значимы в деятельности НШ. «Любая сложившаяся научная школа, в которой коллектив работает над одной темой, рано или поздно заявляется на какой-нибудь грант, чтобы иметь финансирование для своих исследований. Поддержанные гранты – это своего рода определенный индикатор того, что школа делает значимый результат, что она признана в научном сообществе. Невозможно просто существовать, поэтому гранты дают школам возможность иметь финансирование» (доцент, кандидат юридических наук).

Еще один немаловажный ресурс НШ – административный, возможность создать структурную единицу, официально утверждённую вузом: «Если рассматривать в рамках университета, в рамках административной единицы как подразделения, то единственное преимущество – то, что нам сейчас это позволило создать лабораторию» (заведующий лабораторией, кандидат технических наук).

Любая деятельность НПР должна иметь под собой материально-техническую базу: «Преимущество, которое дает наш научный коллектив, – это интересная наука, работа в коллективе, что позволяет делать что-то новое на мировом уровне, на лучшем оборудовании работать. У нас как в лучших лабораториях мира» (ведущий научный сотрудник, доктор технических наук); «Преимущество, которое дает наш научный коллектив, – свободное расписание, поездки, оборудование. У нас есть пресс, которых всего четыре в России» (главный научный сотрудник, доктор технических наук).

■ ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявление ценности ресурсности научных коллективов и научных школ НПР для развития университетов, высшего образования в целом, регионов и ее оценки научно-педагогическими работниками являлось ключевым в рамках данной статьи. Полученные результаты показали, что современные НПР в своей профессиональной деятельности затрагивают многие виды вузовских ресурсов.

Значительная часть этих ресурсов подвергается сверхэксплуатации, исходя из современных стратегий вузовского управления и развития. К характерным чертам таких проблемных ресурсов мы относим следующие.

1. Постоянное «выравнивание» возрастной структуры, исходя из вышестоящих требований и выполнения установленных показателей. Возникает проблема сверхэксплуатации социально-демографического ресурса в вузе, в этой связи формальность многих процедур в скором времени может привести к кадровому дефициту в системе высшего образования.

2. Постоянное «манипулирование» и мотивация к участию в грантовых и инициативных проектах, хоздоговорных работах. С одной стороны, хоздоговорная активность выступает в качестве основной движущей силы для матери-

ального обеспечения НШ и НК. Прикладной характер таких работ позволяет НПР «не гоняться» за показателями. С другой стороны, различного рода поддержка со стороны управления (включая федеральные программы развития) требует привлечения объемов для выполнения показателей, что вынуждает НК и НШ подавать заявки на гранты в неадекватном количестве, привлекать большие объемы по хоздоговорным работам в вузы, зачастую пренебрегая человеческими возможностями.

3. Исследовательский ресурс в этом смысле подвергается сильной эксплуатации, так как в погоне за перевыполнением показателей зачастую страдает качество работ, а также темпоральный ресурс НПР. Манипулирование на показателях в связи с дополнительным финансированием со стороны управления приводит зачастую к «выгоранию» НПР и желанию выполнять научно-исследовательские работы «на стороне». Тем самым «уводятся» дорогие для руководства вузов «объемы», что, в свою очередь, позволяет «на стороне» выигрывать разные проекты.

4. Имитация научной публикационной активности. Публикационный ресурс до относительно недавнего времени очень сильно подвергался эксплуатации. Постоянное повышение «цифр», «падающих» от руководства на структурные подразделения, иногда казалось «безумием» в глазах НПР. Погоня за количеством приводило (и часто продолжает приводить сейчас) к тому, что страдает качество публикационной активности и степень вовлеченности в публикационную активность различных групп НПР. В настоящее время мы начинаем наблюдать немного другую тенденцию, но не менее жесткую. Проекты выигрываются, под показатели «подписываются», разного рода политические события происходят, и это приводит к тому, что «публикационный ресурс» становится не так нужен с позиции вузовского управления. Появляются новые проблемы, связанные с необходимостью отчитываться за «освоенные» бюджеты. Но тогда возникает вопрос: как транслировать науку в массы, если публикации стали не нужны? Ценность данного ресурса очень велика, с нашей точки зрения, так как сложно представить, во что выльется такое «пренебрежение» им в данный момент и в будущем в отношении развития науки и места российского высшего образования в мире.

5. Проблемным становится получение формальных показателей прохождения программ повышения квалификации (ППК). Ресурс научно-педагогической квалификации НПП страдает с позиции соблюдения реального уровня ее потребностей. Зачастую курсы ППК являются формальными, не только не приносящими новых знаний, но и влияющими негативно на темпоральный ресурс. С другой стороны, невосстребованной, с позиции университетского управления, является активность НПП в области академического развития.

Мы охарактеризовали лишь часть слабо развитых ресурсов НПП с «выпирающими» из них острыми проблемами. Реально их больше, и они требуют дополнительного исследования. Оно связано с рассмотрением специфики ресурсности различных групп НПП в научных коллективах и школах как проблемы их отношений и взаимодействий, что позволит выявить особенности стратегии управления их ресурсами.

Одна из основных задач университетского управления должна состоять в том, чтобы в качестве стратегических задач создавать НИШ и НК и оказывать им, с одной стороны, помощь, с другой – осуществлять контроль над ними. Решение практически каждой проблемы научной школы или научного коллектива опирается в ее понимание на уровне управления и его готовность к активным действиям в возникшей ситуации. При этом важно видеть отличия между

двумя типами научных структур и в соответствии с их потребностями искать способы решения возникающих проблем. Типология и разграничение научных структур представляют, скорее, исследовательскую, чем обыденную задачу. Здесь важным становится понимание той ресурсной основы, на использовании которой строит свою деятельность научно-педагогическое сообщество.

Изучение практик научно-педагогической деятельности в вузах УрФО показывает, что научные коллективы чаще привязаны в своей исследовательской активности к структурным подразделениям, а научные школы локализуют (конкретизируют) свою деятельность через научные коллективы. Отсюда становится понятно, что последние обладают большей внутренней и внешней сменяемостью, чем научные школы. Неслучайно во многих науковедческих исследованиях доказывается, что средний возраст существования научной школы составляет 15–20 лет, тогда как средний возраст научного коллектива гораздо меньше, а иногда не превышает и одного-двух лет (период ограничения связан с решением одной-двух задач).

Но какими бы ни были организационные и структурные связи и взаимодействия в сфере научной деятельности вуза, к успеху они приведут лишь в случае интеграции усилий научных коллективов и школ, управленческих структур и научно-педагогических работников. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации : монография. Москва : Академический Проект, 2005. 528 с. EDN **TNIRKP**.

2. **ЗБОРОВСКИЙ Г. Е., АМБАРОВА П. А.** Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития // *Образование и наука*. 2022. Т. 24, № 5. С. 147–180. EDN **DQKМВА**.

3. **ЗБОРОВСКИЙ Г. Е.** Теоретические основания изучения социальной общности // *Социологические исследования*. 2010. № 4 (312). С. 3–12. EDN **LTWZVB**.

4. **ЗБОРОВСКИЙ Г. Е.** Теория социальной общности : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. 300 с. EDN **QOKBWV**.

5. **CHERRINGTON, S., MACASKILL, A., SALMON, R., BONIFACE, S., SHER, S., & FLUTEY, J.** (2017). Developing

a pan-university professional learning community. *International Journal for Academic Development*, (23), 1–14. <https://doi.org/10.1080/1360144X.2017.1399271>.

6. **DAUMILLER, M., & DRESEL, M.** (2020). Teaching and research: Specificity and congruence of university faculty achievement goals. *International Journal of Educational Research*, (99), 101460. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2019.08.002>.

7. **ПАХОМОВА Е. А.** Анализ трендов высшего образования и науки как основа стратегирования научно-инновационной деятельности региональных университетов // *Управленческое консультирование*. 2022. № 5 (161). С. 93–107. EDN **ADGYUK**.

8. **ДЕЖИНА И. Г., КЛЮЧАРЕВ Г. А.** Международные коллаборации вузовской науки: стимулы и препятствия // *Социологические исследования*. 2021. № 6. С. 34–45. EDN **REOKGE**.

9. **ЕЛИСЕЕВ Б. П.** Актуальные проблемы и задачи вузовской науки // *Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации*. 2021. Т. 24, № 2. С. 8–24. EDN **TLQXVB**.

10. **ЛАГУСЕВА Н. Н.** Стратегия развития науки в вузе: от реалий к «перезагрузке» // *Вестник РМАТ*. 2022. № 1. С. 34–41. EDN **HCXRES**.

11. **РОМАНОВ Е. В.** Оценка эффективности деятельности российских вузов: нужно ли менять парадигму? // *Образование и наука*. 2021. Т. 23, № 6. С. 84–125. EDN **NBIMSI**.

12. **КРИВЕНКО Н. В.** Инновационное импортозамещение в рамках обеспечения устойчивости национального развития // *Проблемы устойчивости развития социально-экономических систем*: материалы Международной научно-практической конференции (Тамбов, 24 ноября 2021 г.) / под ред. А. А. Бурмистровой, А. В. Саяпина. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. С. 639–646. EDN **ASCGAU**.

13. **ШЕЛОМЕНЦЕВ В. В.** Научные школы: их путь от возникновения до наших дней // *Академический вестник*. 2007. № 1. С. 174–177. EDN **PEJOTD**.

14. **ВАЛЕЕВА М. В.** Исследование эффективности работы научного коллектива: социологический анализ на примере Уральского федерального университета // *Управление наукой: теория и практика*. 2021. Т. 3, № 1. С. 106–119. EDN **PXJOLN**.

15. **ГЛУЩЕНКО А. Ф., ГЛУЩЕНКО Н. А., ЛАПТЕВА Н. Г.**

Важная форма развития научного потенциала высшей школы – научные школы // *Современные наукоемкие технологии*. 2007. № 3. С. 49. EDN **PREVB**.

16. **ГУШУЛ Ю. В.** Инструменты фиксации коммуникативного пространства научных школ // *Обсерватория культуры*. 2021. Т. 18, № 5. С. 520–530. EDN **XRGLRM**.

17. **КУЗНЕЦОВА Н. И.** Параметры научной школы: к постановке проблемы // *Проблемы деятельности ученого и научных коллективов*. 2022. № 8 (38). С. 261–267. EDN **FCNYLP**.

18. **НИКОЛОВ Н. О.** Научная школа как перспективный уровень развития научно-исследовательского коллектива // *Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров*. 2021. № 4 (49). С. 113–124. EDN **NJAYZM**.

19. **КОЗЛОВА А. А.** «Научная школа» в научной политике и социальном исследовании // *Вестник Института социологии*. 2014. № 3 (10). С. 45–65. EDN **SPDLTD**.

20. **ШМИДТ Ю. Д., КРОХМАЛЬ А. А., ИВАШИНА Н. В.** О финансировании государственных заданий вузам на выполнение научно-исследовательских работ // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2021. № 2 (50). С. 119–135. EDN **DOKRZA**.

21. **ПАВЕЛЬЕВА Т. Ю.** Научные школы и мобильные коллективы: вариативные пути организации науки // *Гуманитарные и социальные науки*. 2013. № 6. С. 50–58. EDN **RUHDCF**.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (профессор-исследователь; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); garoldzborovsky@gmail.com. AuthorID РИНЦ: 137655, ORCID: 0000-0001-8153-0561, ScopusID: 6505899907, ResearcherID: E-6142-2014.

Кеммет Елена Викторовна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); Elena.Kemmet@urfu.ru. AuthorID РИНЦ: 702906, ORCID: 0000-0003-3967-8153, ScopusID: 57204939787, ResearcherID: W-8645-2018.

Статья получена: 10.03.2023. Заключение рецензента: 13.03.2023. Принята к печати: 14.03.2023.

RESOURCE CAPACITY OF UNIVERSITY RESEARCH TEAMS AND SCIENTIFIC SCHOOLS: PROBLEMS OF DEVELOPMENT STRATEGY AND MANAGEMENT

Zborovsky G. E.^a, Kemmet E. V.^a

^a Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

Introduction. One of the urgent problems of modern higher education is the desire of universities to improve their resource base. It appears in the form of various manifestations of a professional-pedagogical, research, publication, communication, temporal and other nature. One of the most important university resources are research teams (SC) and research schools (NS). They became the subject of the author's analysis in the proposed article. It gives a description of the common and different between them, shows the resources that take place in each of the two named scientific structures. It is proved that the main subject of both SC and NS is the social and professional community of scientific and pedagogical workers (SPR). The article presents its author's understanding.

Materials and methods. The basis of the empirical base of the article was, firstly, statistical materials that characterize the higher education of the Ural Federal District and the faculty of its universities, and secondly, the materials of interviews conducted among more than 30 representatives of this professional community on strategies for managing them.

Results. The main results obtained in the course of the study are as follows. 1. Identification of the key characteristics of the SPD resources actively participating in NC and NS: traditions of scientific schools; the authority of the head (leader); opportunities to win joint grants; continuity of generations. 2. Identification of the specifics of the resources of NC and NS, which make it possible to discover common and different things in the activities of the SPD that are part of their structure. 3. Understanding the role of research and publication resources as a factor in revitalizing the activities of NCs and NSs. 4. Characteristics of the interpretations of NC and NS under the conditions of formalization of the resource capacity of each of the scientific structures.

Discussion. Discussion of the strategy for the development and management of NC and NS resources: 1. The excessively high level of exploitation of the research resource of the CS by management structures in the structures of CS and NS. 2. Imitation of scientific publicity and activity of the NDP within the framework of the NC and NS. 3. Absolutization of the physical indicators of the professional development of the scientific and technical staff in the structures of the NC and NSH. 4. Allocation of problematic resources of NC and NS under the new conditions of university management.

KEYWORDS: scientific and pedagogical workers, scientific schools, research teams, resource capacity.

FUNDING: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 23-28-00028, <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>.

FOR CITATION: Zborovsky, G. E., & Kemmet, E. V. (2023). Resource capacity of university research teams and scientific schools: problems of development strategy and management. *Management Issues*, 17(3), 46–58. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-46-58>.

REFERENCES

1. GIDDENS, A. (2005). *Organization of society. Essay on the theory of structuration*. Academic Project. <https://elibrary.ru/tmirkp>.
2. ZBOROVSKY, G. E., & AMBAROVA, P. A. (2022). Scientific and pedagogical staff as a social community in the changing conditions of academic development. *Education and Science Journal*, 24(5), 147–180. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-5-147-180>.
3. ZBOROVSKY, G. E. (2010). Theoretical foundations for studying social community. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (4), 3–12. <https://elibrary.ru/ltwzvb>.
4. ZBOROVSKY, G. E. (2009). *Theory of social com-*

munity. Humanitarian University. <https://elibrary.ru/qokbwv>.

5. CHERRINGTON, S., MACASKILL, A., SALMON, R., BONIFACE, S., SHEP, S., & FLUTEY, J. (2017). Developing a pan-university professional learning community. *International Journal for Academic Development*, (23), 1–14. <https://doi.org/10.1080/1360144X.2017.1399271>.

6. DAUMILLER, M., & DRESEL, M. (2020). Teaching and research: Specificity and congruence of university faculty achievement goals. *International Journal of Educational Research*, (99), 101460. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2019.08.002>.

7. PAKHOMOVA, E. A. (2022). Analysis of trends in the higher education and science as the basis for strategizing the scientific and innovative activities in regional universities. *Administrative Consulting*, (5), 93–107. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-5-93-107>.

8. DEZHINA, I. G., & KLYUCHAREV, G. A. (2021). International collaborations of the university science: Incentives and obstacles. (6), 34–45. <https://doi.org/10.31857/S013216250014592-4>.

9. ELISEEV, B. P. (2021). Current issues and critical tasks of university science. *Civil Aviation High Technologies*, 24(2), 8–24. <https://doi.org/10.26467/2079-0619-2021-24-2-8-24>.

10. LAGUSEVA, N. N. (2022). Strategy for the development of science at the university: From reality to “reset”. *Vestnik RMAT*, (1), 34–41. <https://elibrary.ru/hcxres>.

11. ROMANOV, E. V. (2021). Evaluation of the efficiency of Russian universities: do we need to change the paradigm?. *Education and Science Journal*, 23(6), 84–125. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-6-83-125>.

12. KRIVENKO, N. V. (2021). Innovative import substitution in the framework of ensuring the sustainability of national development. In A. A. Burmistrova, & A. V. Sayapin (Eds.) *Problems of sustainable development of socio-economic systems*

(pp. 639–646). Derzhavinsky Publishing House. <https://elibrary.ru/asgav>.

13. SHELOMENTSEV, V. V. (2007). Scientific schools: From the beginning to the present day. *Academic Bulletin*, (1), 174–177. <https://elibrary.ru/pejotd>.

14. VALEEVA, M. V. (2021). Effectiveness of the research team: sociological analysis on the example of the Ural Federal University. *Science Management: Theory and Practice*, 3(1), 106–119. <https://doi.org/10.19181/smt.2021.3.1.6>.

15. GLUSHCHENKO, L. F., GLUSHCHENKO, N. A., & LAPTEVA, N. G. (2007). Scientific schools as an important form of development of the scientific potential of higher education. *Modern High Technologies*, (3), 49. <https://elibrary.ru/iirevb>.

16. GUSHUL, YU. V. (2021). Tools for describing the communicative space of scientific schools. *Observatory of Culture*, 18(5), 520–530. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-5-520-530>.

17. KUZNETSOVA, N. I. (2022). Parameters of a scientific school: Toward a problem statement. *Problems of Activity of a Scientist and Scientific Teams*, (8), 261–267. <https://doi.org/10.24412/2414-9241-2022-8-261-267>.

18. NIKOLOV, N. O. (2021). Scientific school as a promising level of development of the research team. *Scientific Support of the Personnel Development System*, (4), 113–124. <https://elibrary.ru/njayzm>.

19. KOZLOVA, L. A. (2014). The “scientific school” in scientific policy and social research. *Bulletin of the Institute of Sociology*, (3), 45–65. <https://elibrary.ru/spdltd>.

20. SHMIDT, YU. D., KROKHMAL, L. A., & IVASHINA, N. V. (2021). On financing the state assignments to higher education institutions to perform research and development projects. *Journal of the New Economic Association*, (2), 119–135. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-6>.

21. PAVELYEVA, T. YU. (2013). Science schools and mobile groups: Variation ways of science organization. *Humanities and Social Sciences*, (6), 50–58. <https://elibrary.ru/ruhdcf>.

AUTHORS' INFORMATION:

Garold E. Zborovsky – Advanced Doctor in Philosophical Sciences, Full Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (research professor; 19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); garoldzborovsky@gmail.com. RSCI AuthorID: 137655, ORCID: 0000-0001-8153-0561, ScopusID: 6505899907, ResearcherID: E-6142-2014.

Elena V. Kemmet – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (senior lecturer of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Management; 19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); Elena.Kemmet@urfu.ru. RSCI AuthorID: 702906, ORCID: 0000-0003-3967-8153, ScopusID: 57204939787, ResearcherID: W-8645-2018.

Article received 03/10/2023; reviewed 03/13/2023; accepted 03/14/2023.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT
and PUBLIC ADMINISTRATION

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ УВЕЛИЧЕНИЯ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

Генчикова И. В.^{ab}

^a Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

^a Министерство здравоохранения Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Введение. В статье прослежена взаимосвязь между динамикой ожидаемой продолжительности жизни и мерами по ее увеличению в области здравоохранения, а также между динамикой ожидаемой продолжительности жизни и среднедушевыми доходами населения как одного из важных экономических показателей. Новизна подходов состоит в раскрытии комплексного влияния социальных и медицинских факторов на рост ожидаемой жизни в России.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является ожидаемая продолжительность жизни в России и определяющие ее факторы. В статье используется методология стратегирования, обоснованная иностранным членом российской академии наук, доктором экономических наук, профессором В. А. Квинтом.

Результаты и их обсуждение. Приведенный анализ динамики ожидаемой продолжительности жизни среди ряда стран с учетом пандемии COVID-19 выявил ряд особенностей. Отмечено, что при сокращении ожидаемой продолжительности жизни в период пандемии COVID-19 среднедушевые доходы продолжали расти. Описаны ключевые направления, позволяющие обеспечить рост продолжительности жизни в России. Показано, что реализуемые меры по снижению смертности в области здравоохранения обеспечивают рост ожидаемой продолжительности жизни. Выявлена прямая зависимость динамики ожидаемой продолжительности жизни от динамики среднедушевых доходов населения в период 2013–2019 годов. В 2020–2021 годы негативное влияние пандемии оказало влияние на снижение ожидаемой продолжительности жизни в России и ряде других стран, несмотря на рост реальных располагаемых доходов.

Выявление доли медицинской составляющей в структуре факторов, влияющих на состояние здоровья человека, от 10 до 20 % позволяет сделать вывод, что условия жизни, а также социально-экономические факторы, составляющие более 50 %, необходимо учитывать при стратегическом планировании и прогнозировании развития регионов.

Заключение. Исследование показало комплексность задачи повышения продолжительности жизни как одного из ключевых приоритетов современной экономической политики России, позволило определить приоритетные направления политики, направленной на рост продолжительности жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальные цели, ожидаемая продолжительность жизни, смертность в трудоспособном возрасте, младенческая смертность, программа модернизации здравоохранения, среднедушевые денежные доходы населения, стратегическое региональное планирование.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Генчикова И. В. Механизмы реализации стратегических приоритетов увеличения ожидаемой продолжительности жизни // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 3. С. 60-71. EDN IPNRFP. DOI 10.22394/2304-3369-2023-3-60-71.

© Автор(ы) / The Author(s) 2023. **Open Access** This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

■ ВВЕДЕНИЕ

Продолжительность жизни, по мнению представителей ООН, является одним из наиболее значимых показателей определения состояния развития человеческого потенциала. Для оценки уровня развития регионов в области человеческого развития на международном уровне обычно используется индекс человеческого развития (*Human Development Index*, HDI), представляющий собой среднее геометрическое трех индексов: ожидаемой продолжительности жизни, образования и дохода.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении «характеризует число лет, которые в среднем, из поколения родившихся, прожил бы человек, при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения повозрастная смертность будет на уровне того года, для которого исчислен показатель» [1, с. 15]. Продолжительность жизни – это сложный интегральный показатель, который рассчитывается с учетом ряда показателей смертности населения. При этом значительную долю при его расчетах занимает смертность населения в трудоспособном возрасте и младенческая смертность. То есть ранняя смертность или смертность в трудоспособном возрасте в целом снижают показатель «ожидаемая продолжительность жизни». Рост смертности, особенно в трудоспособном возрасте, крайне негативно отражается на экономических показателях, так как сокращается социальный и экономический потенциал страны.

Влиянию ожидаемой продолжительности жизни населения на развитие экономики, состоянию здоровья населения, как существенного фактора развития трудовых ресурсов, посвящены исследования W. Petty, A. Smith, D. Ricardo, K. Marx, A. Marshall и других исследователей. В разное время ученые уделяли внимание отдельным аспектам ожидаемой продолжительности жизни как оценке состояния здоровья населения и увязывали этот показатель с экономическими категориями, предлагая разные методологические подходы для оценки [2]. Вопросы изучения здоровья как составной части человеческого капитала отражены и в трудах отечественных ученых А. Н. Добрынина и С. А. Дятлова [3]. И. В. Ильинский рассматривал поддержание и совершенствование здоровья и работоспособности как инвестиции в человеческий капитал и «считал капитал здоровья нацио-

нальным достоянием, несущей конструкцией, основой для человеческого капитала» [4]. М. С. Бедный обосновал и ввел новую научную дисциплину – медицинская демография [5, с. 42–43]. Исследователи Б. А. Коробицын, А. А. Ку克林, Н. А. Никулина предлагали «в качестве величины ущерба от преждевременной смертности» использовать «такой показатель, как уменьшение валового регионального продукта в результате потери лет потенциальной жизни в трудоспособном возрасте вследствие болезней системы кровообращения, злокачественных новообразований и смертности от внешних причин» [6, с. 50].

М. Гроссман также рассматривал здравоохранение с точки зрения экономических категорий, которое продуцирует здоровье в качестве капитала. Он отмечал, «что люди наследуют первоначальный запас здоровья, который со временем обесценивается и может быть увеличен за счет инвестиций» [7, с. 1–10]. При таком подходе М. Гроссман рассматривал только трудоспособное население и для измерения состояния здоровья предлагал использовать число нетрудоспособных дней, пропущенных в результате болезни за год. Р. Барро в своей эконометрической модели экономического роста связывал человеческий капитал, который, по его мнению, включал ожидаемую продолжительность жизни, уровень образования, с ежегодным ростом валового внутреннего продукта (далее – ВВП) и начальным ВВП на душу населения [8].

■ ВЗАИМОСВЯЗЬ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ И БЕДНОСТИ. ВЛИЯНИЕ МЕДИЦИНСКИХ ФАКТОРОВ НА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

Во всех странах ослабление здоровья чаще наблюдается среди наименее обеспеченных слоев населения, что обусловлено в большей степени скудным питанием, отсутствием питьевой воды, что в свою очередь ослабляет защиту организма от инфекции.

Отсутствие или недостаточный доступ к медицинской помощи, плохие жилищные условия, климатические условия также являются факторами, негативно влияющими на состояние здоровья.

Здравоохранение, образование и уровень жизни, содержащий, в том числе такие показатели, как санитарные условия, доступ к питьевой воде, состояние жилья, составляют инте-

Таблица 1 – Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)**Table 1** – Life expectancy at birth (years)

Страна	Год				
	2012	2019	2020	2021	2022
Россия	70,2**	73,3**	71,5**	70,1**	72,8**
Швейцария	82,8	84,0	83,1	84,0	82,1
Япония	83,2*	84,4*	84,7*	84,8*	86,5
Италия	82,4	83,6	82,4	82,9	82,6
Франция	82,1	83,0	82,3	82,5	82,2
Швеция	81,8	83,2	82,4	83,2	82,1
Норвегия	81,5	83,0	83,3	83,2	82,4
Нидерланды	81,2	82,2	81,4	81,5	81,9
Великобритания	80,9*	81,7*	80,4*	80,7*	81,3
Греция	80,7	81,7	81,4	80,3	81,2
Финляндия	80,7	82,1	82,0	82,0	80,7
Германия	80,7	81,3	81,1	80,9	81,3
Ирландия	80,6*	82,4*	82,6*	82,0*	81,4
Дания	80,2	81,5	81,6	81,4	80,2
США	78,9*	79,1*	77,4*	77,2*	79,7
Польша	76,9	78,0	76,5	75,6	78,1
Литва	74,1	76,5	75,1	74,5	77,5

Источник: Eurostat. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_mlexpec&lang=en%22lang=en (дата обращения: 22.02.2023).

Данные 2022 г.: Life Expectancy (2022) // Geoba.se. <http://www.geoba.se/population.php?pc=world&page=1&type=15&st=rank&asde=&year=2022> (дата обращения: 27.03.2023).

* Источник: Population Division // Unated Nations. URL: <https://population.un.org/dataportal/data/indicators/61/locations/372,392,826,840/start/1990/end/2030/table/pivotbylocation> (дата обращения: 10.03.2023).

** Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo26.xlsx> (дата обращения: 10.03.2023).

гральный показатель – Глобальный индекс многомерной бедности (MPI)¹.

В 1980-х годах Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) определила соотношение различных факторов, влияющих на состояние здоровья человека. Впоследствии Межведомственной комиссией Совета безопасности России по охране здоровья населения применительно к России были внесены поправки в данное соотношение: «генетические факторы – 20 % (для России – 15–20 %), состояние окружающей среды – 20 % (для России – 20–25 %), медицинское обеспечение – 7–8 % (для России – 10–15 %), условия и образ жизни людей – 52–53 % (для России – 50–55 %)» [9, 10].

Учёный Ю. П. Лисицин утверждает, «что здоровье на 50 % и более зависит от социально-эко-

номических факторов, на 20 % – от эколого-климатических, на 20 % – от социально-биологических, на 10 % – от медико-организационных» [11].

Доминирующий фактор обеспечения здоровья – условия и образ жизни – является комплексным фактором, учитывающим профессиональные, общественные, социально-культурные, бытовые и другие виды деятельности и характеризуется такими категориями, как уровень, качество и стиль жизни [12, 13].

По мнению И. П. Шибалкова, «значимость медицинского обеспечения ... является самой низкой среди факторов здоровья, однако и недооценивать его нельзя, так как система здравоохранения оказывает самое непосредственное влияние на состояние здоровья человека, особенно в критические для него моменты» [14, с. 50].

Увеличение ожидаемой продолжительности жизни является национальной целью в России. Именно этот показатель включен в перечень оценки эффективности деятельности глав российских регионов и является одним из наиболее чувствительных и значимых индикаторов уровня и качества жизни населения². К 2030 году планируется обеспечить рост ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет. Значения данного показателя по России и другим странам представлены в таблице 1.

Из приведенной таблицы следует: с 2012 по 2019 годы рост ожидаемой продолжительности жизни отмечен во всех странах, но в 2020–2021 годы последствия пандемии COVID-19 оказали крайне негативное влияние на продолжительность жизни населения. В большинстве стран в 2020 году наблюдалось снижение показателя по сравнению с 2019 годом, за исключением Японии, Норвегии и Дании, где продолжался рост ожидаемой продолжительности жизни. Помимо высокого уровня жизни, это, возможно, отчасти объясняется тем, что в большинстве случаев эти государства являются островными. Следовательно, благодаря мерам, ограничивающим въезд и выезд, принятым правительствами этих стран, распространение инфекции не было широко распространено. В ряде стран, таких как Швейцария, Италия, Франция, Великобритания,

¹ Отчет ПРООН (Программа развития Организации Объединенных Наций), ОРНИ (Оксфордская инициатива по борьбе с бедностью и развитию человеческого потенциала) за 2022 год URL: <https://hdr.undp.org/content/2022-global-multidimensional-poverty-index-mpi#/indicies/MPI> (дата обращения: 02.03.2023).

² Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68.

в 2021 году отмечается некоторый рост; в Нидерландах, Польше рост был незначительным, в то время как в других странах продолжалось снижение продолжительности жизни.

По итогам 2022 года в таких высокоразвитых странах, как Швейцария, Италия, Франция, Швеция, Норвегия, Финляндия, Ирландия, Дания, отмечалось снижение ожидаемой продолжительности жизни, что, вероятнее всего, может быть объяснено отложенными последствиями перенесенного COVID-19 в 2020–2021 гг.

По мнению А. Г. Аганбегяна: «При самых минимальных оценках возможной стоимости жизни в размере 150 тыс. долларов потери нашего общества от излишней смертности в сравнении с развитыми странами ежегодно составят 90 млрд долларов, или около 7 трлн рублей, в сравнении с развивающимися странами и постсоциалистическими странами Европы – вдвое меньше – 45 млрд долларов, или 3,5 трлн рублей» [1, с. 64].

■ МЕРЫ, РЕАЛИЗУЕМЫЕ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

С 2006 по 2012 годы осуществлялись глубокие преобразования в сфере здравоохранения. Начал осуществляться приоритетный национальный проект «Здоровье», направленный на укрепление кадровой политики, материально-технической базы, развитие первичной и высокотехнологичной медицинской помощи.

В период с 2006 по 2009 годы были построены 15 федеральных центров высоких медицинских технологий. С 2008 года для оказания медицинской помощи пострадавшим при ДТП на всех федеральных автодорогах организовывались травмоцентры 2-го и 3-го уровня. С 2009 года принимались меры, направленные на формирование здорового образа жизни населения, включая снижение употребления алкоголя и табака, организацию центров здоровья для взрослых и для детей.

При этом в период с 2006 по 2011 годы ожидаемая продолжительность жизни увеличилась на 3,1 года (с 66,7 лет до 69,8 лет); показатель смертности снизился на 10,6 % (с 15,1 до 13,5 на 1000 населения), показатель смертности в трудоспособном возрасте снизился на 19,6 % (с 747,2 до 600,9 на 100 тыс. населения); показатель смертности от болезней системы кровообращения, снизился на 12,6 % (с 861,4 до 753,0 на 100 тыс. населения).

С 2012 года стартовали меры, направленные на совершенствование оказания медицинской помощи больным с сосудистыми и онкологическими заболеваниями.

В период 2011–2013 годы реализована программа модернизации здравоохранения, в рамках которой осуществлялось укрепление материально-технической базы медицинских учреждений, внедрение современных информационных систем в систему здравоохранения, стандартов медицинской помощи и повышение доступности амбулаторной медицинской помощи. Также в рамках программы в период 2013–2017 гг. были построены 32 перинатальных центра в 30 российских регионах. Итогом явилось снижение показателя младенческой смертности с 2011 по 2019 годы на 48 % – с 7,4 до 4,9 на 1000 родившихся живыми.

В этот же период ожидаемая продолжительность жизни увеличилась на 3,5 года – с 69,8 до 73,3 лет. Снизились показатели общей смертности на 8,9 % (с 13,5 до 12,3 на 1000 населения), смертности в трудоспособном возрасте на 21,8 % (с 600,9 до 470,0 на 100 тыс. населения), смертности от болезней системы кровообращения на 23,9 % (с 753,0 до 573,2 на 100 тыс. населения).

Как показано на рисунках 1 и 2, существует прямая зависимость: при снижении смертности наблюдается рост ожидаемой продолжительности жизни.

В целом, в период с 2006 по 2019 год благодаря предпринятым мерам ожидаемая продолжительность жизни увеличилась на 9,9 %, или на 6,6 лет, снизились показатели общей смертности на 18,5 %, смертности в трудоспособном возрасте на 37 %, смертности от болезней системы кровообращения на 33,5 %.

В результате проведения масштабных мероприятий в сфере здравоохранения, направленных на снижение смертности, за период с 2000 по 2019 годы ожидаемая продолжительность жизни выросла на 8 лет, или на 12,2 %, при этом показатель общей смертности снизился на 19,6 %, показатель смертности в трудоспособном возрасте – на 35,3 %, младенческой смертности – на 68 %, или в три раза, смертности от болезней системы кровообращения – на 32,2 %.

Снижение ожидаемой продолжительности жизни до 71,5 лет в 2020 году и до 70,06 лет в 2021 году связано с увеличением смертности населения, вызванным влиянием пандемии но-

вой коронавирусной инфекции COVID-19, которая явилась одним из сильнейших вызовов для системы здравоохранения за последнее столетие. Поэтому при сравнении динамики данного показателя и ряда других представляется более показательным учитывать временной интервал с 2000 по 2019 годы. Значение показателя ожидаемой продолжительности жизни, по данным Росстата за 2022 год, составило 72,8 лет, что на 2,7 года выше значения 2021 года (70,1) и на 1,3 выше значения 2020 года (71,5).

Показатель ожидаемой продолжительности жизни существенно варьируется по регионам: от 66,27 лет в Чукотском автономном округе до 78,37 лет в Республике Ингушетия (2022 г.)³.

В разрезе российских регионов прослеживается следующая тенденция: при снижении показателя смертности трудоспособного возраста женщин и особенно мужчин наблюдается рост ожидаемой продолжительности жизни.

Так, при снижении смертности мужчин трудоспособного возраста с 2006 по 2019 годы:

- в Псковской области – с 1898,2 до 886,2 на 100 тыс. населения – ожидаемая продолжительность жизни выросла с 61,2 до 70,7 лет;
- в Новгородской области – с 17231,8 до 999,4 на 100 тыс. населения – рост ожидаемой продолжительности жизни с 62,8 до 70,5 лет;
- в Тверской области – с 1700,8 до 875,7 на 100 тыс. населения – рост ожидаемой продолжительности жизни с 63,0 до 71,2 лет;
- в Республике Тыва – с 1497,4 до 875,7 на 100 тыс. населения – рост ожидаемой продолжительности жизни с 58,2 до 67,6 лет;
- в Кемеровской области – с 1546,6 до 999,2 на 100 тыс. населения – рост ожидаемой продолжительности жизни с 62,9 до 69,8 лет.

³ По предварительным данным Росстата за 2022 год.

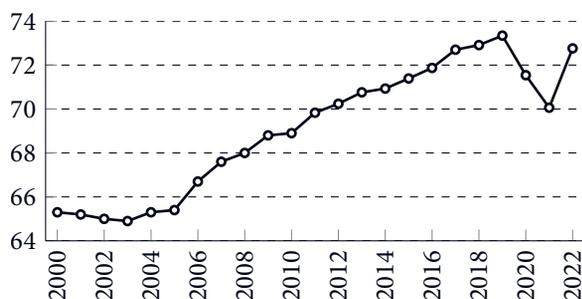

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни в России
Fig. 1. Life expectancy in Russia

Кроме того, доля смертности от внешних причин, включая смертность от ДТП, алкоголя, травм в Российской Федерации, несмотря на снижение с 13 % в 2006 году до 7,7 % в 2019 году, занимала третье место в структуре смертности, а в отдельных регионах – первое–второе.

Таким образом, снижение смертности от внешних причин носит межведомственный характер и требует усилий в различных отраслях как в социальной, так и в экономической сфере.

В структуре распределения смертности по возрастам доля умерших старше трудоспособного возраста выросла с 69,9 % в 2000 году до 78,1 % в 2019 году, доля умерших моложе трудоспособного возраста снизилась с 1,6 до 0,7 %, доля умерших в трудоспособном возрасте снизилась с 28,5 до 21,2 %.

При этом оказание медицинской помощи лицам старше трудоспособного возраста, в том числе развитие гериатрии, потребует дополнительных ресурсов и государственной поддержки.

Таким образом, для достижения целевого показателя ожидаемой продолжительности жизни 78 лет к 2030 году (то есть прирост 8 лет к 2030 году против 70 лет в 2021 году) необходимо практически вдвое снизить показатель смертности в трудоспособном возрасте, который занимает существенную долю при расчете интегрального показателя «ожидаемая продолжительность жизни», и показатель смертности от болезней системы кровообращения, доля которого составляет более 50 % в структуре смертности от основных причин.

При этом принимаемые меры в области оказания медицинских услуг и лекарственного обеспечения, несомненно, имеют резервы для снижения. Но чтобы процесс шел быстрее и эффективнее, по мнению автора, важно направить усилия на создание благоприятных условий,

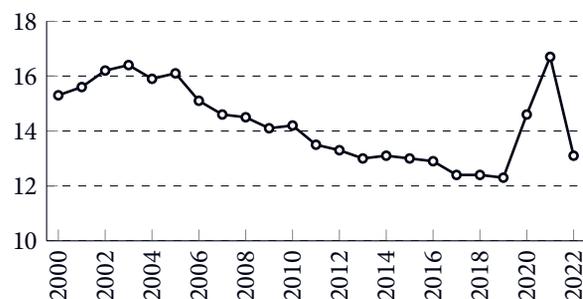

Рис. 2. Динамика общей смертности в России
Fig. 2. Dynamics of total mortality in Russia

способствующих снижению бедности, созданию рабочих мест, развитию производства, роста экономики в целом, а также обеспечению возможности равного доступа населения к образованию на всех уровнях.

При этом пристальное внимание необходимо уделять трудоспособному населению. По мнению Б. И. Алехина, «занятое население оказывает сильное положительное влияние на подушевой доход» [15, с. 136].

■ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В ОБЛАСТИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Как считают И. П. Шибалков и О. П. Недоспасова, «среди стратегий социально-экономического развития более чем в трети регионов России данный показатель [ожидаемая продолжительность жизни – примечание автора] отсутствует среди целевых, т.е. можно сказать, что в основном стратегическом документе многих регионов нет концептуального понимания того, как связано развитие человеческого потенциала и развитие экономики и что является приоритетом» [14].

В. Л. Квинт утверждал, что при разработке стратегии необходимо предусмотреть ресурсы. Так, например, одно из положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года⁴ содержало задачу по обеспечению ожидаемой продолжительности жизни на уровне 75 лет. В. Л. Квинт отмечал: «Не было обоснования, почему именно 75, а не 77 или 68. Не было предусмотрено соответствующее этой задаче выделение средств на улучшение экологии, медицинское оборудование, фармацевтику, новые клиники, подготовку врачей» [16].

Также он подчеркивал: «Стратегия должна начинаться с изучения ценностей населения, регионов, страны, ...интересов регионов и отраслей. Для реализации этих интересов разрабатываются приоритеты, а под них — цели» [16].

Учитывая актуальность темы, предлагается рассмотреть, какие стратегические приоритеты могут способствовать увеличению ожидаемой продолжительности жизни. В связи с тем что на рост ожидаемой продолжительности жизни

существенное влияние оказывают младенческая смертность и смертность населения в трудоспособном возрасте, а структуре смертности ведущая роль принадлежит смертности от болезней кровообращения и онкологических заболеваний, а также ряда хронических неинфекционных заболеваний, таких, например, как сахарный диабет, по мнению автора, выделяют следующие стратегические приоритеты.

1. Реализация мер, направленных на борьбу с сердечно-сосудистыми заболеваниями: оснащение медицинским оборудованием региональных сосудистых центров и первичных сосудистых отделений, обеспечение бесплатными лекарствами пациентов после перенесенного сердечно-сосудистого события (инфаркт, инсульт, операционные вмешательства) и находящихся под диспансерным наблюдением. Так, за 2022 год более 824 тыс. таких пациентов получили бесплатные лекарственные препараты.

2. Реализация мер, направленных на борьбу с онкологическими заболеваниями: дооснащение (переоснащение) медицинским оборудованием медицинских организаций, где проходят лечение онкологические больные; раннее выявление пациентов со злокачественными заболеваниями (на I–II стадиях); дальнейшее создание центров амбулаторной онкологической помощи.

3. Реализация мер по борьбе с сахарным диабетом, направленных на снижение смертности и осложнений от болезней, ассоциированных с сахарным диабетом, повышения качества жизни таких пациентов.

4. Реализация мер, направленных на мотивацию населения к здоровому образу жизни, в первую очередь, это отказ от курения и снижения потребления алкоголя, формирование привычек, способствующих здоровому питанию (включение в рацион большего количества овощей и фруктов, уменьшение потребления соли и сахара).

5. Укрепление первичного звена здравоохранения в целях повышения доступности первичной медико-санитарной помощи: строительство (реконструкция, капитальный ремонт) центральных районных больниц, участковых больниц, врачебных амбулаторий, фельдшерско-акушерских пунктов; оснащение (переоснащение) медицинским оборудованием; подготовка медицинских кадров для первичного звена.

6. С целью приближения медицинской помощи для жителей труднодоступных и сельских

⁴ Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 год: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р.

территорий требуется дальнейшее развитие санитарной авиации, а также выездных форм работы, например, передвижные мобильные бригады. В отдаленных территориях Дальнего Востока и Крайнего Севера необходимы курсирующие морские суда с медицинской бригадой на борту, выполняющей профилактические осмотры и осуществляющей диспансеризацию населения. При необходимости такое судно забирает пациента, нуждающегося в дообследовании или оперативном лечении.

7. Реализация профилактических мероприятий: проведение диспансеризации и профилактических осмотров взрослых и детей, вакцинация.

8. Реализация мер по сокращению материнской и младенческой смертности: дооснащение (переоснащение) детских поликлиник, строительство детских больниц, проведение расширенного неонатального скрининга, который позволит на популяционном уровне диагностировать дополнительно более 50 врожденных и наследственных заболеваний. Не менее важно повышение квалификации специалистов в области перинатологии, неонатологии и педиатрии в симуляционных центрах.

9. Лекарственное обеспечение, направленное на ускорение и упрощение закупок лекарственных препаратов, в том числе путем закупки у единственного поставщика, возможность перерегистрации цен на лекарственные препараты из перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов с привязкой к курсу национальной валюты страны-производителя, установление предельных сроков отгрузки лекарственных препаратов организациями оптовой торговли.

10. Важно не просто построить новые поликлиники и больницы, оснащенные современным медицинским оборудованием. Стратегически важным направлением является обеспечение медицинскими кадрами – это подготовка врачей и медицинских сестер и фельдшеров, особенно для работы в первичном звене здравоохранения, увеличение целевого приема студентов в вузы, оказание мер социальной поддержки медицинским работникам (предоставление льгот по ипотеке, передача служебных жилых помещений посредством приватизации в собственность медицинских работников, предоставление компенсации расходов по оплате аренды, обеспечение служебными жилыми по-

мещениями, предоставление в безвозмездное пользование земельных участков для индивидуального жилищного строительства или ведения личного подсобного хозяйства, предоставление в первоочередном порядке мест в детские сады для детей медицинских работников).

В целях социальной поддержки медицинских работников первичного звена здравоохранения Правительством Российской Федерации установлены специальные социальные выплаты наиболее уязвимым категориям медицинских работников в размере от 4 500 рублей до 18 500 рублей ежемесячно⁵. А регионам рекомендовано установить за счет средств регионального бюджета специальные социальные выплаты для медицинских работников, оказывающих не входящую в базовую программу обязательного медицинского страхования скорую медицинскую помощь, первичную медико-санитарную помощь гражданам, включая диспансерное наблюдение граждан по основному заболеванию (состоянию).

■ СРЕДНЕДУШЕВЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ

С 2013 года Всемирный банк включил Россию в категорию стран с высоким уровнем доходов, она вошла во II группу стран и среди 150 стран заняла 50-е место. При этом, по мнению А. Г. Аганбегяна, «Россия относится к странам с высокой дифференциацией в доходах, превышающей 15 раз. В стране 1 % самых богатых россиян концентрирует 71 % личных активов – это один из самых высоких показателей среди ведущих стран мира» [17, с. 398]. «Разница между самым богатым и самым бедным регионом по ВРП на душу населения составляет 16 раз» [17, с. 399]. При дифференциации населения по доходам выделяются децильные группы (по 10 %), разница определяется между средним душевым доходом высшей и низшей таких групп. Для сравнения разница в доходах 10 % богатых и 10 % бедных на душу населения составляет в США 21,5, в Великобритании – 15,0, в Италии – 13,2, в Канаде – 9,6, в Индонезии – 8,4, в Польше – 8,0, в Индии – 7,8, в Германии – 7,4, в Казахстане – 5,7, в Швеции – 5,6.

⁵ О дополнительной государственной социальной поддержке медицинских работников медицинских организаций, входящих в государственную и муниципальную системы здравоохранения и участвующих в базовой программе ОМС либо территориальных программах ОМС: Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2022 № 2568.

В странах с развитой экономикой, где в целом решены проблемы основных факторов жизнеобеспечения населения, индикатором состояния здоровья, социального обеспечения является не бедность, но неравенство доходов.

По мнению Н. Н. Михеевой, «среднедушевые доходы в российских регионах различаются эластичностью по отношению к мерам государственной политики, направленным на повышение доходов населения» [18, с. 35]. При этом рост доходов зависит от ее структуры. Современные тенденции отличает «увеличение в структуре денежных доходов населения доли оплаты труда и социальных выплат» [18, с. 35].

При этом отмечается тенденция снижения среднедушевых доходов населения по отношению к прожиточному минимуму. В 2019 г. эта разница составила 3,2 раза, а в 2020 году – 3,1 раза⁶.

По мнению Т. И. Гуляевой и Е. В. Такмаковой, «воздействие на социальную сферу может выразиться в росте среднедушевых денежных доходов населения» [19].

Руководством страны определены национальные цели, стратегически важные для дальнейшего развития. Так, для достижения одной из национальных целей до 2030 года «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» определен показатель «снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года»⁷.

С целью оказания методической помощи регионам Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации разработаны рекомендации «по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже прожиточного уровня»⁸.

В период с 2013 по 2022 год среднедушевые денежные доходы населения выросли на 112 % – 25 684 руб. в 2013 году до 54 466 в 2022 году, особенно за последние 2 года (в 2021 году – 40 040 руб.)⁹. При этом с 2019 года минимальный размер оплаты труда (далее – МРОТ) впервые превысил величину прожиточного минимума в России.

⁶ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 04.03.2023).

⁷ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474.

⁸ Об утверждении методических рекомендаций по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже прожиточного уровня : Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 11.06.2020 № 326.

⁹ Среднедушевые денежные доходы населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Urov_11kv-nm.xlsx (дата обращения: 12.03.2023).

Минимальный прирост показателя среднедушевых доходов населения в порядке возрастания по субъектам Российской Федерации за последние 10 лет отмечен в Ненецком автономном округе – на 59 %, в Томской области – на 70 %, в Ханты-Мансийском автономном округе – на 72 %, в Самарской области – на 74 %, в Свердловской области – на 75 %, в Челябинской области – на 77 %, в Тюменской области – на 80 %, в Пермском крае и Астраханской области – на 81 %, в Оренбургской и в Калужской областях – на 82 %.

Максимальный прирост показателя среднедушевых доходов населения за данный период отмечен в Кабардино-Балкарской Республике – на 186 %, в Санкт-Петербурге – на 159 %, в Республике Адыгея – на 156 %, в Республике Саха (Якутия) и в Ростовской области – на 143 %, в Магаданской области – на 142 %, в Ленинградской области – на 141 %, в Алтайском крае – на 137 %, в Республике Калмыкия – на 135 %, в Орловской области – на 131 %. Примеры минимального и максимального прироста представлены в табл. 2 и 3¹⁰.

При этом по российским регионам наблюдается значительный разброс, который не позволяет сделать вывод о том, что рост, как и убывание, шёл в каком-либо заданном направлении – из центра к востоку страны или с запада на юг.

■ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ПО УВЕЛИЧЕНИЮ ДОХОДОВ

Государственная политика, направленная на увеличение среднедушевых доходов населения, по сути борьба с бедностью, осуществляется двумя способами – это регулирование доходов населения и перераспределение доходов через бюджет.

1. Регулирование доходов населения в первую очередь направлено на повышение заработной платы, которое законодательно регулируется путем повышения МРОТ. Также государство устанавливает определенные гарантии по выплатам заработной платы.

Немаловажное значение имеет налоговая политика, которая осуществляет регулирование в части направления средств организациям для выплаты заработной платы и доходов, получаемых физическими лицами. Предприятия получают как прямые выплаты, так и налоговые льготы (налоговые каникулы, возврат налога для само-

¹⁰ Среднедушевые денежные доходы населения // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57039> (дата обращения: 14.03.2023).

Таблица 2 – Минимальный прирост показателя среднедушевых доходов населения по субъектам Российской Федерации в период с 2013 по 2022 годы (руб.)**Table 2** – The minimum increase in the average per capita income of the population in the constituent entities of the Russian Federation in the period from 2013 to 2022 (rubles)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022 к 2013	
											%	руб.
РФ	25 684	27 412	30 254	30 865	31 897	33 361	35 506	36 240	40 040	54 466	112	28 782
Ненецкий АО	66 887	66 981	72 146	71 350	73 013	78 549	81 041	84 171	85 193	106 540	59	39653
Самарская обл.	26 341	26 356	27 914	26 956	27 094	28 182	29 422	29 973	32 264	45 922	74	19 581
Свердловская обл.	30 459	31 538	34 113	34 718	35 210	36 737	39 095	37 447	40 274	53 299	75	22 840
Ханты-Мансийск.АО	39 882	40 811	46 221	46 934	48 834	50 831	53 493	54 588	57 001	68 460	72	28 578
Томская обл.	22 874	24 333	26 827	26 165	26 697	27 296	28 381	28 871	30 995	38 788	70	15 914

Таблица 3 – Максимальный прирост показателя среднедушевых доходов населения по субъектам Российской Федерации в период с 2013 по 2022 годы (руб.)**Table 3** – The maximum increase in the average per capita income of the population in the constituent entities of the Russian Federation in the period from 2013 to 2022 (rubles)

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2022 к 2013	
											%	руб.
РФ	25 684	27 412	30 254	30 865	31 897	33 361	35 506	36 240	40 040	54 466	112	28 782
Санкт-Петербург	30 498	33 170	37 428	39 853	42 338	45 137	47 472	49 375	57 098	78 960	159	48 462
Респ. Адыгея	18 736	22 078	23 028	25 081	26 478	27 590	29139	30 320	34 556	48 011	156	29 275
Каб.-Балкарск. Респ.	14 982	16 406	18 976	19 767	20 439	20 806	21474	22 016	25 824	42 876	186	27 894
Респ. Саха (Якутия)	30 595	33 054	37 013	38 863	40 554	42 891	45 528	46 344	49 938	74 457	143	43 862
Магаданская обл.	42 228	44 996	50 750	51 367	54 849	59 783	65 367	70 982	75 470	102 264	142	60 036

занятого населения). Так, в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19 получили выплаты предприятия наиболее пострадавших отраслей: транспорта, автопрома и др.

С целью защиты доходов населения от инфляции государство осуществляет их индексацию. По итогам 2022 года инфляция в России зафиксирована на уровне 11,92 % и по сравнению с 2015 годом стала максимальной (12,91 %). Минимальные отметки, начиная с 1991 года, зафиксированы в 2017 году на уровне 2,52 %, в 2018 году – 4,27 %, в 2019 году – 3,05 %, в 2020 г. – 4,91 %¹¹.

2. Перераспределение доходов осуществляется посредством сбора налогов и сосредоточение всех денежных средств у государства с последующим предоставлением населению:

- социальных выплат (пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет, пособие на детей от 3 до 16 лет, оплата больничных листов не ниже МРОТ, пособие по безработице, доплата врачам и среднему медицинскому персоналу, выплата пенсий);
- социальных услуг в области образования, здравоохранения, культуры, физической культуры и спорта и пр.

¹¹ Таблица уровня инфляции по месяцам в годовом исчислении // Инфляция в России. URL: <https://уровень-инфляции.рф/таблицы-инфляции> дата обращения: 15.03.2023).

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принятые системные меры по снижению смертности в области здравоохранения с 2006 по 2022 годы планомерно способствовали увеличению ожидаемой продолжительности жизни. В период 2020–2021 годы распространение коронавирусной инфекции оказало негативное влияние на снижение ожидаемой продолжительности жизни в России и ряде других стран, среднедушевые доходы при этом в большинстве российских регионов продолжали расти.

Высокий уровень среднедушевых доходов в последние годы позволял улучшать качество образования, отдыха, жилищных условий, однако, по оценкам специалистов, практически не повлиял на качество обеспечения медицинскими услугами.

Выявление доли медицинской составляющей в структуре факторов, влияющих на состояние здоровья человека, составляет от 10 до 20 %. Это позволяет сделать вывод, что условия жизни, а также социально-экономические факторы, составляющие около 50 % и выше от всей совокупности факторов, определяющих продолжительность жизни, необходимо учитывать при стратегическом планировании и прогнозировании.

вании развития региона. Таким образом, представляется целесообразным рассматривать меры по увеличению ожидаемой продолжительности жизни в области медицины в тесной взаимосвязи с популяризацией здорового образа жизни, занятий физкультурой и спортом, получением бесплатного доступа к качественному

образованию, с мерами, направленными на сохранение благоприятной экологической среды.

Мероприятия, направленные на увеличение ожидаемой продолжительности жизни, являются стратегическим приоритетом здравоохранения и должны быть взаимосвязаны с мерами, направленными на развитие экономического сектора. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. АГАНБЕГЯН А. Г. Демография и здравоохранение России на рубеже веков : монография. Москва : Издательство «Дело», 2018. 192 с. EDN APFWGK.
2. ЯГУДИН Р. Х. Здоровье как экономическая категория // Современное искусство экономики. 2011. № 1 (1). С. 37–47. EDN PJNBSD.
3. ДОБРЫНИН А. И., ДЯТЛОВ С. А., ЦЫРЕНОВА Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 1999. 309 с. EDN TRXRTT.
4. ДЯТЛОВ С. А., МИЭРИНЬ Л. А. Инвестиции в человеческий капитал России: состояние, проблемы, перспективы : монография / под ред. И. В. Ильинского. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, 2003. 216 с. EDN OYZNQI.
5. РЯБУШКИН Т. В., УРЛАНИС Б. Ц., БЕДНЫЙ М. С., ГАЛЕЦКАЯ Р. А., КОСТАКОВ В. Г., БОЯРСКИЙ А. Я., ГЕРАСИМОВА И. А., КУЗНЕЦОВА К. С., БРЕВ В. Д., МУДРЕЦОВ А. Ф., ШАРГУНОВ Е. Г., ГАВРИЛЕЦ Ю. Н., МИНЦ А. Е. Воспроизводство населения и трудовых ресурсов : монография. Москва : Издательский дом «Наука», 1976. 300 с. EDN WLJHBJ.
6. КОРОВИЦЫН Б. А., КУКЛИН А. А., НИКУЛИНА Н. А. Ущерб от основных причин смертности для субъектов Российской Федерации и оценка приоритетов по увеличению продолжительности жизни // Народонаселение. 2014. № 3 (65). С. 42–56. EDN SZIQGB.
7. GROSSMAN, M. (1972). *The demand for health: A theoretical and empirical investigation*.
8. BARRO, R. J. (1998). Determinants of economic growth, a cross-country empirical study. *Journal of Comparative Economics*, 26(4), 822–824. <https://elibrary.ru/gxbnin>.
9. БАХТИН Ю. К. Факторы формирования здоровья человека и их значение // Молодой ученый. 2012. № 5. С. 397–400. EDN RFYSAP.
10. ВАЙНЕР Э. Н. Валеология. Москва : ОО
- «ФЛИНТА», 2016. 448 с. EDN SOTTUV.
11. МИРОЛЮБОВА Т. В., ЗУБАРЕВ Н. Ю. Смертность населения как индикатор замедления социально-экономического развития региона // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2017. Т. 9, № 1. С. 16–31. EDN YGYEJ.
12. БИКТИМИРОВА З. З. Здоровье – важнейший индикатор качества жизни // *Экономика региона*. 2006. № 3 (7). С. 56–65. EDN JWYXBF.
13. ЧИСТОВАЕВ А. И., СЕМЕНОВА З. А. Эволюция научных представлений о качестве жизни населения // *Общество. Среда. Развитие*. 2013. № 3 (28). С. 247–251. EDN RIEKLJ.
14. ШИБАЛКОВ И. П. Комплексная оценка влияния социально-экономических факторов на ожидаемую продолжительность жизни населения регионов России : дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Шибалков Иван Петрович. Томск, 2019. 278 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/rsl01010168743>.
15. АЛЕХИН Б. И. Демография и подушевой доход российских регионов // *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18, № 1. С. 125–147. EDN OVXXQT.
16. КВИНТ В. А. О выборе приоритетов // *Бюджет*. 2016. № 11. С. 78–81 EDN: YOWNTH.
17. АГАНБЕГЯН А. Г. О приоритетах социальной политики : монография / под ред. Г. А. Барышевой. Москва : Издательство «Дело», 2019. 512 с. EDN STYVKM.
18. МИХЕЕВА Н. Н. Доходы населения как фактор роста российских регионов // *Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность* : сборник докладов Всероссийской конференции с международным участием (Новосибирск, 11-16 октября 2021 г.) / под ред. В. И. Сулова, Л. В. Мельниковой. Новосибирск : Сибирское отделение РАН, 2021. С. 26–37. EDN WHHPQE.
19. ГУЛЯЕВА Т. И., ТАКМАКОВА Е. В. Анализ национальных целей развития Российской Феде-

рации в области доходов населения и показателей бедности // **Национальные цели развития России: вызовы, приоритеты и стратегические задачи** : материалы Всероссийской научно-

практической конференции (Орел, 29 апреля 2022 г.) / под ред. А. В. Агеева, В. В. Востриковой. Орел : Полиграфическая фирма «Картуш», 2022. С. 159–164. EDN **ZYCKJO**.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Генчикова Инесса Витальевна – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (соискатель Высшей школы государственного аудита; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1); Министерство здравоохранения Российской Федерации (заместитель директора департамента мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения; 127994, Россия, Москва, Рахмановский пер., 3); inessa419@yandex.ru. AuthorID РИНЦ: **1186456**, ORCID: **0000-0001-6245-2609**.

Статья получена: 18.03.2023. Заключение рецензента: 24.03.2023. Принята к печати: 05.04.2023.

MECHANISMS FOR IMPLEMENTING STRATEGIC PRIORITIES FOR INCREASING LIFE EXPECTANCY

Genchikova I. V.^{ab}

^a Lomonosov Moscow State University

^b The Ministry of Health of the Russian Federation

ABSTRACT:

Introduction. The article traces the relationship between the dynamics of life expectancy and measures to increase it in the field of healthcare, as well as between the dynamics of life expectancy and average per capita income as one of the important economic indicators. The novelty of the approaches lies in the disclosure of the complex influence of social and medical factors on the growth of life expectancy in Russia.

Objects and methods of research. The object of the study is life expectancy in Russia and its determinants. The article uses the methodology of strategizing, justified by a foreign member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor V. L. Kvint.

Results and its discussion. The above analysis of the dynamics of life expectancy among a number of countries, taking into account the COVID-19 pandemic, revealed a number of features. It was noted that with a reduction in life expectancy during the COVID-19 pandemic, per capita incomes continued to grow. The key directions that allow to ensure the growth of life expectancy in Russia are described. It is shown that the implemented measures to reduce mortality in the field of health care provide an increase in life expectancy. A direct dependence of the dynamics of life expectancy on the dynamics of average per capita incomes of the population in the period 2013–2019 was revealed. In 2020–2021, the negative impact of the pandemic had an impact on the decline in life expectancy in Russia and a number of other countries, despite the growth in real disposable income.

Identification of the share of the medical component in the structure of factors influencing the state of human health, from 10 to 20%, allows us to conclude that living conditions, as well as socio-economic factors that make up more than 50%, must be taken into account in strategic planning and forecasting the development of regions.

Conclusion. The study showed the complexity of the task of increasing life expectancy as one of the key priorities of Russia's modern economic policy, and made it possible to determine the priority areas of policy aimed at increasing life expectancy.

KEYWORDS: national goals, life expectancy, working-age mortality, infant mortality, healthcare modernization program, average per capita income, strategic regional planning.

FOR CITATION: Genchikova, I. V. (2023). Mechanisms for implementing strategic priorities for increasing life expectancy. *Management Issues*, 17(3), 60–71. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-60-71>.

REFERENCES

1. AGANBEGYAN, A. G. (2018). *Demography and healthcare of Russia at the turn of the century*. Delo Publishing House. <https://elibrary.ru/apfwgk>.
2. YAGUDIN, R. KH. (2011). Health: Economic category. *Contemporary Art of Economics*, (1), 37–47. <https://elibrary.ru/pjnbsd>.
3. DOBRYNIN, A. I., DYATLOV, S. A., & TSYRENOVA, E. D. (1999). *Human capital in a transitive economy: Formation, evaluation, efficiency of use*. St. Petersburg publishing and bookselling company “Nauka”. <https://elibrary.ru/trxrtrt>.
4. DYATLOV, S. A., & MIERIN, L. A. Ilinsky, I. V. (Ed.). (2003). *Investments in the human capital of Russia: State, problems, prospects*. St. Petersburg State University of Technology and Design. <https://elibrary.ru/oyznqi>.
5. RYABUSHKIN, T. V., URLANIS, B. Ts., BEDNYI, M. S., GALETSKAYA, R. A., KOSTAKOV, V. G., BOYARSKIY, A. YA., GERASIMOVA, I. A., KUZNETSOVA, K. S., BREEV, B. D., MUDRETSOV, A. F., SHARGUNOV, E. G., GAVRILETS, YU. N., & MINTS, L. E. (1976). *Reproduction of the population and labor resources*. Nauka Publishing House. <https://elibrary.ru/wljhbj>.
6. KOROBITSYN, B. A., KUKLIN, A. A., & NIKULINA, N. L. (2014). Losses of the RF subjects from main death causes and assessment of the priorities for raising life expectancy. *Population*, (3), 42–56. <https://elibrary.ru/sziqgb>.
7. GROSSMAN, M. (1972). *The demand for health: A theoretical and empirical investigation*.
8. BARRO, R. J. (1998). Determinants of economic growth, a cross-country empirical study. *Journal of Comparative Economics*, 26(4), 822–824. <https://elibrary.ru/gxbnin>.
9. BAKHTIN, YU. K. (2012). Factors in the formation of human health and their significance. *Young Scientist*, (5), 397–400. <https://elibrary.ru/rfysap>.
10. VAYNER, E. N. (2016). *Valeology*. FLINTA LLC. <https://elibrary.ru/sottyb>.
11. MIROLYUBOVA, T. V., & ZUBAREV, N. YU. (2017). Mortality as an indicator of the slowdown in the socio-economic development of the region. *Ars Administrandi*, 9(1), 16–31. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2017-1-16-31>.
12. BIKTIMIROVA, Z. Z. (2006). Health as the quality of life key indicator. *Economy of Regions*, (3), 56–65. <https://elibrary.ru/jwyxbf>.
13. CHISTOBAEV, A. I., & SEMENOVA, Z. A. (2013). The evolution of scientific ideas about the quality of life of the population. *Society. Environment. Development*, (3), 247–251. <https://elibrary.ru/rieklj>.
14. SHIBALKOV, I. P. (2019). Comprehensive assessment of the impact of socio-economic factors on the life expectancy of the population of Russian regions (Publication No. 01010168743) [Advanced Doctor’s degree dissertation]. Russian State Library.
15. ALEKHIN, B. I. (2022). Demography and per head income of the Russian regions. *Spatial Economics*, 18(1), 125–147. <https://doi.org/10.14530/se.2022.1.125-147>.
16. Kvint, V. L. (2026). On the choice of priorities. *Budget*, (11), 78–81. <https://elibrary.ru/yownth>.
17. AGANBEGYAN, A. G. (2019). *On social policy priorities*. Delo Publishing House. <https://elibrary.ru/styblkm>.
18. MIKHEEVA, N. N. (2021). Incomes of the population as a factor in growth of Russian regions. In V. I. Suslov, & L. V. Melnikova (Eds.) *Spatial Analysis of Socio-Economic Systems: Past and Present* (pp. 26–37). Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. https://doi.org/10.53954/9785604607893_26.
19. GULYAEVA, T. I., & TAKMAKOVA, E. V. (2022). Analysis of the national development goals of the Russian Federation in the field of population income and poverty indicators. In A. V. Ageev, & V. V. Vostrikova (Eds.) *Russia’s National Development Goals: Challenges, Priorities and Strategic Objectives* (pp. 159–164). Printing company “Kartush”. <https://elibrary.ru/zyckjo>.

AUTHORS’ INFORMATION:

Inessa V. Genchikova – Lomonosov Moscow State University (competitor of the Higher School of Public Audit; 1, Lenin Hills, Moscow, 119991, Russia); The Ministry of Health of the Russian Federation (deputy director of the Department of Monitoring, Analysis and Strategic Health Development; 3, Rakhmanovsky Lane, Moscow, 127994, Russia); inessa419@yandex.ru. RSCI AuthorID: 1186456, ORCID: 0000-0001-6245-2609.

Article received 03/18/2023; reviewed 03/24/2023; accepted 04/05/2023.

КАЧЕСТВО РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Турцева К. П.^а

^а Пермский государственный национальный исследовательский университет

АННОТАЦИЯ:

Введение. Участие заинтересованных сторон становится все более значимым для достижения инклюзивности в экологическом управлении. В настоящее время правительства все чаще продвигают идею сотрудничества в государственном управлении для решения сложных экологических проблем. Исследование участия стейкхолдеров в региональном экологическом управлении представляет интерес для понимания факторов, оказывающих влияние на активность данного взаимодействия. Данная работа вносит свой вклад в исследование регионального экологического управления путем выявления влияния финансовой обеспеченности субъектов РФ в сфере охраны окружающей среды на широту представления и участия стейкхолдеров в экологическом управлении.

Материалы и методы. Методами исследования выступают статистический анализ обработки данных – описательная статистика и сравнительный анализ экологического управления по предложенной автором методике в субъектах Российской Федерации, различающихся социально-экономическими показателями и расходами на охрану окружающей среды на материале сайтов региональных исполнительных природоохранных органов власти.

Результаты. Проведенное исследование показало отсутствие четких различий в широте представления различных категорий заинтересованных сторон и направлений для сотрудничества при реализации экологического управления исходя из финансового обеспечения регионов, что свидетельствует о наличии других факторов, оказывающих влияние на интенсивность данного взаимодействия. Несмотря на это, было обнаружено, что у группы регионов с низкими природоохранными расходами, наблюдается чуть более активное взаимодействие с заинтересованными сторонами: задействовано большее количество направлений, форм сотрудничества и категорий стейкхолдеров. Это может быть связано как с инвестиционной привлекательностью данной группы регионов – реализацией огромного количества крупных инвестиционных проектов, так и дополнительными расходами на сотрудничество со стороны заинтересованных сторон. В результате ни один регион не получил максимального количества баллов по предложенной методике анализа качества экологического управления, что свидетельствует о существующих пробелах в управлении окружающей средой в рассмотренных регионах.

Обсуждение. Сформированные на основе проведенного анализа предложения позволят региональным органам власти улучшить экологическое управление и более интенсивно работать с различными заинтересованными группами. Кроме того, предложенный автором анализ экологического управления с точки зрения финансирования и участия заинтересованных сторон в процессе принятия решений углубляет теоретические представления об особенностях реализации регионального экологического управления в современной России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональная экологическая политика, региональное экологическое управление, качество экологического управления, качество охраны окружающей среды, стейкхолдеры, регионы России.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Турцева К. П. Качество региональной политики в сфере охраны окружающей среды: экологическое управление в регионах России // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 3. С. 72-89. EDN JVYNBJ. DOI 10.22394/2304-3369-2023-3-72-89.

■ ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время экологическая политика как на национальном, так и на региональном или на местном уровне все больше представляется в качестве процесса, требующего прямого участия широкого круга не только субъектов, ответственных за ее реализацию, но и заинтересованных сторон – неправительственных организаций, гражданского общества, корпоративного сектора [1] и т.д. Сформировалась тенденция к более широкому распределению ответственности за охрану окружающей среды в интересах общества. Ранее преобладавшие централизованные формы экологического управления постепенно сменяются «экологическим федерализмом» [2; 3], более инклюзивной многоуровневой концепцией управления, признающей вклад различных уровней власти (глобального/транснационального/регионального/местного) [4], а также роли частного сектора, отдельных неправительственных акторов и общества в целом. Появление подобных форм, новых механизмов управления, коллаборации между акторами в условиях неопределенности и растущего числа сложных, многомасштабных экологических проблем влечет за собой и необходимость понимания эффективности экологических решений, проводимой политики, ее оценки относительно того, насколько данная модель способствует созданию благоприятной окружающей среды и ее поддержанию.

Преимущества участия заинтересованных сторон в государственном управлении окружающей средой рассматриваются в литературе как с нормативной, так и с прагматической точек зрения. С одной стороны, вовлечение заинтересованных сторон повышает общественное доверие к решениям [5]; с другой стороны, совместное управление может повысить скорость принятия решения и удовлетворить местные потребности [6]. Процессы участия могут привести к принятию высококачественных решений, поскольку они основаны на более полной информации [5]. В контексте экологической политики исследователи приходят к выводу, что многоуровневое экологическое управление приводит к более высоким экологическим результатам [7].

Для достижения целей экологической политики органам власти необходимы финансовые ресурсы. Грамотное управление финансовым потенциалом позволяет природоохранным министерствам привлекать достаточное количество средств для реализации различных направлений деятельности, повышая ее эффективность и результативность [8]. Согласно исследованию о стоимости и ценности участия заинтересованных сторон, за последние несколько десятилетий существует небольшое количество научных работ, которые концентрируются на роли финансовых средств в привлечении стейкхолдеров, так как существует предположение о безграничном добровольном вкладе ответственности в участие в политике и сложностью прогнозирования процессов участия. Однако все же признается, что для вовлечения заинтересованных сторон в политику необходимо понести материальные затраты: на поиск стейкхолдеров, их выбор, количество, возможные командировочные расходы, организацию формальных процессов, таких как встречи, разработку программ обучения и т.д. Однако затраты окупаются возможными выгодами от участия, проявляющихся в увеличении социального и человеческого капитала, наращивании потенциала органа власти, повышении качества предоставляемых услуг, развитии отношений, расширению сотрудничества и т.д. [9]. Исходя из этого можно сформировать предположение, что чем больше субъект политики ресурсообеспечен в плане затрат на охрану окружающей среды, тем шире возможности для привлечения стейкхолдеров и разнообразнее направления для сотрудничества.

Влияние стейкхолдеров на качество политики можно измерить несколькими способами: через «входные» данные (стартовые условия) оцениваемого объекта (организации, региона, государства и т.д.) [10]; через процесс, который может включать в себя показатели внутреннего управления объекта [11]; через «выходные» данные (результаты) [10–12]. В целом, при анализе качества политики необходимо ответить на вопросы что оценивать, как оценивать, с помощью какой методологии, при каких условиях.

Данные решения связаны с конфликтными интересами, технологиями и возможностями, которые не всегда доступны или организованы.

Можно отметить, что каждый из представленных выше подходов имеет свои ограничения, поэтому в зависимости от целей исследования выбирают тот или иной способ оценки или осуществляют комплексный анализ. С точки зрения экологической политики, органы власти являются связующим элементом, который в своей деятельности учитывает, как стартовые условия, так и возможные результаты от проводимой ими политики. Иными словами, в деятельности органов власти все концентрируется: с одной стороны, стартовые условия могут являться как стимулом, мотивацией для управления, так и его ориентиром, например, в зависимости от социально-экономических условий и состояния окружающей среды органы власти выбирают ту или иную стратегию управления. С другой стороны, деятельность органов власти оказывает влияние на улучшение качества окружающей среды.

Поэтому исследование фокусируется на анализе конкретных усилий органов власти в настоящее время, степени эффективности работы различных министерств, которые они прилагают в направлении улучшения экологической политики. Усилия органов власти – это их вклад в достижение высокого качества окружающей среды (в части уменьшения загрязнения атмосферного воздуха, водных объектов, улучшения качества работы с отходами, сохранения лесного потенциала¹), иными словами, государственное экологическое управление. Экологическое управление включает в себя прогнозирование, обоснованную корректировку политики, регулярный мониторинг, обновление документов, экспериментирование, культуру инноваций. Адаптивное экологическое управление способствует принятию более эффективных управленческих мер и тем самым обеспечивает благоприятное состояние окружающей среды.

Примечательно, что в последние годы все больше изучается взаимосвязь между показателями публичного управления и качеством окру-

жающей среды [13]. Особенно актуальным это является для развивающихся, богатых природными ресурсами стран, где существуют доказательства того, что институты играют значительную роль. В этих странах качество публичного управления может влиять на экологическую политику [14]. Существует свидетельство того, что поддержание стабильной политической обстановки, укрепление верховенства права и борьба с коррупцией являются особенно важными аспектами [15; 16]. Экологическое управление является частью публичного управления в том смысле, что учитывает указанные выше аспекты относительно сферы охраны окружающей среды. Исследования в данной области, как важный индикатор качества экологического управления, рассматривают затраты на его регулирование, например, инвестиции в борьбу с загрязнением окружающей среды и стоимость очистных сооружений [17; 18]. Однако большинство из них касается национального уровня. Некоторые исследования также доказывают эффективность внедрения экологического управления для снижения загрязнения воздуха на региональном уровне и содействия региональному устойчивому развитию [19]. Таким образом, можно утверждать, что экологическое управление играет жизненно важную роль в решении экологических проблем.

С одной стороны, повышение качества государственного управления в сфере охраны окружающей среды и его эффективность рассматривается российским государством как приоритетное направление политики в области экологического развития². Кроме того, в стратегических документах подразумевается, что эколого-ориентированные государственные решения являются в том числе условием обеспечения национальной безопасности страны, что обуславливает важность проведения данной политики. С другой стороны, до сих пор сохраняется низкая значимость экологических приоритетов в современной региональной политике, как минимум с точки зрения финансирования данной сферы, что определяет необходимость оценки результативности государственного управления в рамках имеющихся ресурсов.

¹ Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. №915: Постановление Правительства РФ от 03.04.2021 № 542.

² Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Минэкономразвития России. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения: 25.02.2023).

У субъектов РФ наблюдаются сильные диспропорции как в социально-экономическом отношении, так и в экологической ситуации. Поэтому и качество окружающей среды, на которое стараются оказывать влияние региональные министерства, разное. На основе теорий [1; 17; 20; 21] улучшить экологическую ситуацию на локальном уровне можно за счет повышения качества экологической политики, которое выражается как в переходе к концепции многоуровневого экологического управления, в продуманной и прозрачной системе законодательства, использовании смешанных инструментов регулирования, так и в объеме выделяемых на экологию средств и широте привлечения различного круга заинтересованных сторон.

В статье проводится анализ того, каким образом государственное экологическое управление работает на практике в регионах России, а именно: существуют ли различия в степени активности участия и широте привлечения заинтересованных сторон в экологическом управлении субъектов РФ исходя из их финансового потенциала? Иными словами, мы попытаемся выявить влияние финансовой обеспеченности регионов России в сфере охраны окружающей среды на широту представления и участия стейкхолдеров в экологическом управлении.

■ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В литературе сложилось несколько подходов относительно оценки качества государственного управления. Первый подход в рамках концепции «нового государственного управления» связывает качество государственного управления с качеством оказания государственных услуг и восприятием граждан как «клиентов» государства. Критики данного подхода отмечают сужение сферы государственного управления до оказания государственных услуг и отождествление понятий «качество менеджмента», «качество (государственного) управления» и концепции «менеджмент качества» [22–24]. Кроме того, слабой стороной идеи нового государственного управления является кардинальная смена этических ориентиров государства: от обеспечения общественного блага к его коммерциализации [25], в связи с тем что больше бюджетных средств выделяется именно на те цели, которые, в свою очередь, приносят больше фи-

нансовых средств в бюджет. Эффективность деятельности государства в этом случае оценивается по количественным показателям. В нашем случае фокус анализа направлен на вклад региональных органов власти в достижение высокого качества политики, а данный подход сконцентрирован в большей степени на результате оказания услуг в сфере охраны окружающей среды (например, по проведению государственной экологической экспертизы, выдаче разрешений на добычу ресурсов, предоставлению лесных участков в безвозмездное пользование и т.д.) и восприятия этих услуг организациями и населением, поэтому он не является адекватным при исследовании экологического управления.

В данной работе используется другой подход, в рамках которого качество государственного управления основывается на достижении наиболее значимых результатов в повышении качества жизни и в соблюдении ключевых требований к качеству процессов государственного управления [22]. Таким образом, оценка качества государственного управления должна учитывать как конечные, общественно значимые результаты, так и качество управленческих процессов, обеспечивающих их достижение [22]. Мы будем частично использовать данный подход, принимая во внимание соблюдение ключевых требований к качеству процессов государственного управления, однако при этом не учитывая оценку гражданами качества предоставления государственных услуг, являющуюся компонентом оценки качества государственного управления. Самой известной оценкой качества государственного управления является подход Всемирного банка, где измеряются достижения стран мира в области качества и эффективности государственного управления. Эффективное государственное управление предусматривает подотчётность власти, политическую стабильность, эффективность правительства, эффективную регуляторную политику, верховенство закона и контроль над коррупцией³. В данном исследовании учитывается часть данных показателей, таких как верховенство закона, подотчётность власти, так как показатели политической стабильности, контроля над коррупцией обычно фиксируются на наци-

³ Качество государственного управления в странах мира // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/research/worldwide-governance-indicators> (дата обращения: 25.02.2023).

ональном уровне и трудно поддаются измерению на региональном. В свою очередь показатель эффективности правительства предполагает анализ качества государственных услуг, разработки и реализации внутренней государственной политики, уровень доверия к внутренней политике, качество работы государственных служащих, их компетенцию и пр., что не соответствует целям настоящего исследования.

Также представляющая интерес для данной работы методика использована в исследовании, основанном на межстрановой оценке практик экологического управления, проведенной в Аргентине, Боливии, Бразилии, Колумбии, Коста-Рике, Доминиканской Республике, Сальвадоре, Ямайке, Перу и Уругвае [26]. Методика адекватно отражает комплексность системы оценки качества управления, хоть и на национальном уровне, так как интегрируют в себе несколько указанных выше подходов, включая в себя определенные требования к качеству процессов государственного управления, элементы общественного участия в управлении, верховенство закона, подотчетность власти, а также анализ конкретных практик природоохранных органов. Соответственно, этот подход опирается на другие, уже опробованные. В рамках представленной методики будет использован концепт «Верховенство экологического права», который объединяет следующий перечень индикаторов: подотчетность перед законом, координация между учреждениями, потенциал природоохранных органов, открытое правительство (доступность информации, надлежащий учет комментариев, участие в процессе принятия решений), доступное и беспристрастное разрешение споров. Верховенство экологического права применяет эти принципы к экологическому контексту, возлагая на все организации равную ответственность за соблюдение законов об окружающей среде; разработку и исполнение природоохранных законов и правил; вовлечение затронутых сообществ в процесс принятия экологических решений; независимое рассмотрение экологических споров. В нашем случае, во-первых, исключается индикатор «Доступное и беспристрастное разрешение споров», так как это не входит в компетенцию органов региональной исполнительной власти, во-вторых, индикаторы, отражающие вовлечение гражданского общества, будут перенесены

в категорию «Общественное участие», так как нам представляется целесообразным разделить индикаторы, демонстрирующие природоохранный потенциал и внутреннее устройство министерств, и индикаторы, связанные с привлечением заинтересованных сторон к процессу принятия решений.

Таким образом, принимая во внимание представленные выше подходы, в данном исследовании мы включаем в анализ качества экологического управления, во-первых, внутреннюю структуру работы природоохранного министерства, опираясь на подход Всемирного банка и методику анализа управления стран Латинской Америки, что даст представление о полноте функций, направлений, использовании достаточного потенциала органа власти для вовлечения стейкхолдеров; во-вторых, непосредственно показатели участия заинтересованных сторон, также описанные в работе по межстрановой оценке практик экологического управления стран Латинской Америки; в-третьих, «зеленый» инновационный потенциал, посвященный инновационным «зеленым» практикам регионов России, так как внедрение новых технологий является фактором успешного функционирования региона в рамках модели устойчивого развития [27], и это также позволяет выявить дополнительные формы взаимодействия со стейкхолдерами.

В категорию «Общественное участие» мы вводим дополнительный индикатор – общественный экологический совет. Создание общественных советов, выполняющих консультативную функцию при органах регионального исполнительной власти, является институциональной особенностью российского публичного управления. Поэтому для данного исследования важно проанализировать, насколько деятельны данные советы, какие группы заинтересованных сторон в них представлены, выполняют ли они свою ключевую функцию.

В таблице 1 представлен перечень переменных и их операционализация. Источниками данных выступают сайты региональных природоохранных исполнительных органов власти субъектов РФ.

Для анализа качества экологического управления используется интервальная шкала с диапазоном от 0 до 1, где измерителем является наличие или отсутствие значения соответствующего

ющего показателя. Если значение определённого индикатора полностью отображено, оценка получает значение 1, частичное присутствие – 0,5, отсутствует – 0. Отсутствие информации о том или ином показателе также принимается во внимание и соответствует оценке 0. Далее оценки суммируются, и по полученным результатам проводится рейтингование и группировка регионов [28]. Теоретически возможный диапазон представляет собой шкалу от 11 до 0, так как анализ проводится по 11 показателям. При этом выделяется пять интервалов, так как представляется важным продемонстрировать, что высоким качеством экологического управления можно считать, если субъект РФ получает максимальные оценки не менее чем по 80 % индикаторов. Тогда он попадает в сектор А (11–8,8). Далее сектор В – от 60 % до 79 % и баллы с 8,7 до 6,6, что соответствует среднему уровню экологического управления, сектор С – 40–59 % (6,5–4,4) – ниже среднего, сектор D – 20–39 % (4,3–2,2) – низкий, E – 0–19 % (2,1–0) – слабый.

■ ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Для анализа по вышепредставленной методике были отобраны шесть регионов (по три субъекта РФ в каждой из групп), которые отличаются финансированием в сфере охраны окружающей среды, уровнем экономической активности, плотностью населения. В первую группу (Чувашская Республика, Нижегородская область и Чеченская Республика) входят регионы с плотным населением, относительно низкой экономической активностью, но высокими расходами на охрану окружающей среды, другую группу (Хабаровский край, Красноярский край и Республика Коми) образуют обширные регионы с низкой плотностью населения, низкими экологическими расходами, но высокой экономической активностью. Такая градация позволяет выявить, оказывает ли разное социально-экономическое положение субъектов влияние на активность природоохранного министерства в привлечении стейкхолдеров.

При отборе данных регионов изначально была сформирована генеральная совокупность из 85 регионов России. Далее для выборки из генеральной совокупности были исключены субъекты РФ, выделяющиеся среди других регионов особым административно-территори-

альным делением (автономные округа и города федерального значения) и социально-экономическими показателями (Московская область). Также была исключена Республика Крым и г. Севастополь, так как их включение в состав РФ произошло относительно недавно, что пока не позволяет судить о качестве регионального экологического управления. Таким образом, осталось 76 регионов для анализа. Выборка по данным субъектам РФ проводилась в два этапа.

Далее был произведен отбор регионов России по критерию «объем финансовых средств» (в качестве индикатора была использована доля фактических расходов на охрану окружающей среды в общей доле фактических расходов консолидированного бюджета субъекта РФ в 2020 году⁴). Регионы отбирались по принципу отклонения от типичного, за которое принималось среднее значение, чтобы выявить уникальные случаи, требующие дополнительного анализа.

Анализ расходов на охрану окружающей среды за 2020 год показал, что 12 регионов тратят на охрану окружающей среды в среднем в три раза больше, чем все остальные, а 44 региона – в среднем в три раза меньше.

Кроме того, данные группы регионов также отличаются и по количеству фактических расходов на охрану окружающей среды на душу населения. Это свидетельствует о том, что разница в финансировании не связана с количеством населения в регионах РФ. В первой группе количество расходов на охрану окружающей среды на человека значительно больше и превышает средние значения по всем регионам почти в три раза.

В таблице 2 представлены средние значения фактических расходов на охрану окружающей среды по выявленным группам регионов РФ.

В качестве дополнительных индикаторов для отбора выделяется, во-первых, плотность населения, так как существует предположение, что она может оказывать положительное влияние не на финансирование региона в области охраны окружающей среды, но в целом на качество экологического управления территории, в связи с быстрорастущей интенсивностью экологических проблем и необходимостью их решения

⁴ Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов // Федеральное казначейство. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyye-byudzhety-subektov/> (дата обращения: 25.02.2023).

Таблица 1 – Операционализация переменных
Table 1 – Operationalization of variables

	Индикатор	Операционализация
Верховенство экологического права	Четкая юрисдикция, цели и полномочия	Наличие у министерства полномочий, указанных в нормативно-правовых актах, входящих в систему природоохранного законодательства, их непротиворечивость федеральному законодательству; отсутствие дублирующих полномочий между структурными подразделениями министерства и их соответствие направлениям его деятельности
	Координация между учреждениями	Наличие документов, подтверждающих координацию природоохранного министерства с другими федеральными/региональными органами; сотрудничество не менее чем с одним органом по каждому направлению деятельности
	Финансовый потенциал	Наличие достаточного количества ресурсов для выполнения полномочий: сравнивается выделяемое количество средств согласно закону о бюджете и фактические расходы согласно отчету об исполнении бюджета. Если планируемые расходы совпадают с фактическими или очень близки к ним (в пределах 100-200 тысяч), с одной стороны, это означает, что средства осваиваются в полном объеме, с другой – что министерству, возможно, необходимо дополнительное финансирование. Для определения необходимости дополнительного финансирования анализируются доклады об охране окружающей среды, в которых проверяется наличие/отсутствие данной проблемы по всем направлениям деятельности. Если такая проблема указана, то региону присваивается 0,5 балла, если нет, то 1 балл. Если планируемые расходы не совпадают с фактическими, то региону присваиваются баллы на основе анализа разницы: при превышении планируемых расходов более чем на 50 % в сравнении с фактическими, региону присваивается 0 баллов в связи с проблемами в освоении средств
	Человеческий потенциал	Наличие достаточного количества сотрудников для выполнения полномочий: рассчитывается на основе среднего числа сотрудников во всех регионах и средней доли сотрудников по отношению к общей численности населения: если в выбранных для анализа регионах данные цифры близки к среднему, то региону присваивается 0,5 балла; профессионализм кадров: наличие информации о прохождении программы повышения квалификации каждого сотрудника минимум раз в 5 лет согласно статье 197 ТК: если у половины сотрудников министерства присутствует информация о повышении квалификации, региону присваивается 0,5 балла
	Технический потенциал ^I	Наличие региональной системы сбора и обработка статистической информации о состоянии окружающей среды
	Информация и расследование	Наличие опубликованной информации об инспекциях, оценке воздействия на окружающую среду, деятельности, оказывающей воздействие на окружающую среду, мониторинге экологических показателей, проверках, реакции на несоблюдение требований законодательства
Общественное участие	Доступ к информации	Наличие обновленной информации и отчетности по всем разделам сайта
	Надлежащий учет комментариев	Наличие официального ответа на вопросы/комментарии/обращения общественности
	Общественный экологический совет	Наличие различных категорий ^{II} заинтересованных сторон (не менее трех ^{III}); количество протоколов заседаний в год (не менее пяти заседаний в год ^{IV}); наличие в протоколах заседания предложений и рекомендаций от представителей общественного совета, а не только поддержки политики природоохранного органа, иными словами, выполнение консультативно-совещательной функции
	Взаимодействие с ключевыми стейкхолдерами	Наличие соглашений о сотрудничестве с различными категориями стейкхолдеров (не менее чем с тремя); наличие разнообразных направлений сотрудничества (не менее половины направлений, указанных в полномочиях министерства)
ЗИП ^V	Внедрение инноваций в сфере охраны окружающей среды	Наличие инновационных проектов в сфере охраны окружающей среды, реализуемых в рамках механизма государственно-частного партнерства, соглашений с заинтересованными сторонами и т. д.

Примечания:

^I Под техническим потенциалом понимается использование высокоточных данных при сборе и обработке статистической информации о состоянии окружающей среды.

^{II} Под категорией в данном случае подразумевается отдельная группа заинтересованных сторон – бизнес, который делится на малый, средний и крупный, некоммерческие организации, университеты и т. д.

^{III} Должно присутствовать минимум три группы заинтересованных сторон (т. е. более половины групп, способных оказать влияние на процесс принятия решений), так как на данный момент выявленных автором групп стейкхолдеров пять [см.: Турцева К. П. Стейкхолдеры региональной экологической политики в России // *Ars Administrandi*. 2021. Т. 13, № 3. С. 309–334], (исключая органы власти): гражданское общество (экологические движения, некоммерческие организации), бизнес (МСП и крупный), университеты.

^{IV} Рассчитано на основе среднего значения количества протоколов в год во всей генеральной совокупности.

^V ЗИП – «Зеленый» инновационный потенциал.

Таблица 2 – Средние значения фактических расходов на охрану окружающей среды по группам регионов РФ

Table 2 – Average values of actual environmental protection costs of groups of Russian regions

Показатель	РФ (76)	Группа регионов		
		I (12)	II (44)	III (20)
Средн. значение доли фактических расходов на охрану окр. среды в 2020 г.	0,28	0,97	0,09	0,31
Средн. значение количества фактических расходов на охрану окр. среды на душу населения в 2020 г.	320,03	939,50	94,77	474,95

Прим.: в скобках указано число регионов в целом по РФ и по каждой группе отдельно.

[29]. При этом высокий экономический рост и экономическая активность, может являться как фактором, препятствующим экологической эффективности, так и оказывающим положительное влияние на экологическое управление, согласно некоторым исследованиям [29–34].

Результаты анализа качества экологического управления представлены в таблице 3.

Продемонстрируем использование методики на примере Чувашской Республики. На сайте природоохранного министерства Республики в Положении указано все многообразие полномочий, определенных в нормативно-правовых актах, касающихся сферы охраны окружающей среды. Кроме того, в структуре министерства есть отделы и сектора, чья деятельность соответствует конкретному направлению в области охраны окружающей среды: охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, водному хозяйству и природопользованию, недропользованию, обращению с отходами и т.д. Поэтому по показателю «Четкая юрисдикция, цели и полномочия» данному региону присваивается 1 балл. Далее, касаясь показателя «Координация между учреждениями», отметим, что в рамках государственной программы «Развитие потенциала природно-сырьевых ресурсов и обеспечение экологической безопасности» природоохранное министерство сотрудничает с Министерством строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства, Министерством физической культуры и спорта, казенными и бюджетными учреждениями, связанными с отношениями в области охраны окружающей среды. Кроме того, дополнительно природоохранный орган

взаимодействует с Министерством промышленности в рамках разработки концепции создания и развития экотехнопарка кластерного типа, с Комиссией по вопросам экономического развития, предпринимательства, транспорта и туризма, Общественной палаты. Однако, что касается направлений по охране атмосферного воздуха, недропользованию, экологической экспертизе и контролю, на сайте нет информации о сотрудничестве с другими министерствами, поэтому по данному индикатору присваивается 0,5 балла. По отчету Министерства финансов Чувашской Республики «Об исполнении республиканского бюджета Чувашской Республики за 2020 год» зафиксировано расходов на охрану окружающей среды на сумму 970 751,5 тыс. рублей, а закладывалось по закону о бюджете 1 243 504,1 тыс. рублей. Соответственно не все средства были освоены в полном объеме. Исходя из этого, по индикатору «Финансовый потенциал» присваивается 0,5 балла. Анализируя человеческий потенциал, отметим, что на сайте зафиксирована информация о численности работников в составе 57 человек, что является близким к среднему значению всех регионов России, в том числе и по доле сотрудников по отношению к общей численности населения, поэтому теоретически можно сказать, что этого количества сотрудников хватает для покрытия всех полномочий министерства. Однако отсутствует информация о повышении квалификации сотрудников, в связи с чем по данному индикатору региону присваивается значение 0,5 балла. Говоря о технических возможностях, отметим, что для быстроты обнаружения происшествий в лесу используется мобильное приложение «Береги лес», также внедряется цифровая система экологического мониторинга. Соответственно по данному индикатору субъект получает максимальный балл. В рамках показателя «Информация и расследование» опубликована информация, касающаяся инспекций, оценки воздействия на окружающую среду, проводимых проверок, однако отсутствует информация о мониторинге экологических показателей, поэтому по данному индикатору присваивается 0,5 балла. На сайте органа власти по всем разделам представлена обновленная информация, поэтому по показателю «Доступ к информации» субъект получает максимальный балл. Ежеквартально, начиная с 2017 года,

Таблица 3 – Результаты анализа качества экологического управления в субъектах РФ**Table 3** – The results of the environmental governance quality analysis in the constituent entities of the Russian Federation

Индикаторы	Чувашск. Респ.	Нижего- род. обл.	Чеченск. Респ.	Хабаров. край	Красно- ярск. кр.	Респ. Коми
Четкая юрисдикция, цели и полномочия	1	1	0,5	1	1	1
Координация между учреждениями	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Финансовый потенциал	0,5	0,5	0,5	0	0,5	0,5
Человеческий потенциал	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0
Технический потенциал	1	1	1	1	1	0
Информация и расследование	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Доступ к информации	1	0,5	0,5	1	1	1
Надежащий учет комментариев	1	0,5	0,5	1	0,5	0,5
Общественный экологический совет	1	0,5	0	1	0,5	1
Взаимодействие с ключевыми стейкхолдерами	1	0,5	0,5	0,5	1	1
Внедрение инноваций в сфере охраны окружающей среды	1	1	1	1	1	1
ИТОГО баллов	9	7	6	8	8	7

природоохранное министерство выпускает официальные обзоры на обращения граждан, где указана вся статистика обращений за каждый квартал, поэтому также по данному направлению деятельности можно присвоить 1 балл. Общественный экологический совет министерства работает регулярно, заседания проводятся 5–6 раз в год, совет выполняет функцию консультативно-совещательного органа, так как в протоколах представлены к рассмотрению предложения, замечания, рекомендации к выдвинутым на повестку вопросам, поэтому в данном случае субъект также получает 1 балл. Ведомство осуществляет довольно обширное сотрудничество с широким кругом заинтересованным сторон: ООО «НПО Экология», Межрегиональной экологической общественной организацией «ЭКА», ПСБ, субъектами малого и среднего предпринимательства, университетами – ЧГУ и Марийским государственным техническим университетом – по следующим направлениям: повышение экологической культуры населения, совместной целевой подготовки кадров с высшим профессиональным образованием, организации и проведении мероприятий, программ, обучающих курсов по реализации на практике принципов ESG, проведении совместных научных исследований и научном обеспечении экологической безопасности и т.д. Более того, министерство поддерживает социально ориентированную некоммерческую организацию (финансово, имущественно, информационно, кон-

сультационно), осуществляет поддержку в области профессионального обучения и дополнительного профессионального образования работников и добровольцев данных организаций. Иными словами, орган власти в полной мере сотрудничает со стейкхолдерами, в связи с чем мы присваиваем 1 балл по данному направлению. И в рамках последнего показателя «Внедрение инноваций в сфере охраны окружающей среды» Чувашия совместно с двумя регионами (Ульяновская область, Республика Мордовия) разрабатывает проект по испытанию технологий контроля углеродного баланса, а также готовится к выпуску «зеленых» облигаций, за что также получает максимальный балл по данному индикатору. Таким образом, в сумме у региона 9 баллов.

Кратко представим анализ по остальным пяти исследуемым регионам. По первому показателю у Чеченской Республики на сайте Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды в разделе «Структура Министерства» отсутствуют отделы, отвечающие за охрану объектов животного мира или радиационной безопасности, однако в полномочиях данные направления деятельности представлены. На сайте отсутствует информация о том, как полномочия распределены между структурными подразделениями министерства, поэтому по данному показателю региону присваивается 0,5 балла. Во всех остальных анализируемых субъектах РФ наблюдается четкая юрисдикция, цели и полномочия, их согласованность между подраз-

делениями. В рамках показателя «Координация между учреждениями» ни один из анализируемых субъектов РФ в полной мере не осуществляет взаимодействие с другими органами власти. Согласно материалам сайтов Министерств охраны окружающей среды, сотрудничество осуществляется с Министерствами социальной политики, строительства (Нижегородская область, Красноярский край, Хабаровский край), Министерством по делам молодежи (Чеченская Республика), Министерством здравоохранения (Красноярский край, Хабаровский край), Министерством промышленности, энергетики и жилищно-коммунального хозяйства (Красноярский край, Республика Коми, Хабаровский край); Министерством транспорта (Красноярский край, Хабаровский край). Шире всего сотрудничество у Министерства Хабаровского края, оно взаимодействует более чем с десятью министерствами, однако только по двум направлениям, отражающим реализацию государственных программ, как и в большинстве рассматриваемых регионах. Поэтому в данном случае каждому из регионов присваивается значение показателя 0,5. Анализируя группу показателей, отражающих природоохранный потенциал министерств, только по «техническому потенциалу» большинство субъектов получили максимальные баллы (исключая Республику Коми), так как у них либо планируется разработка собственной региональной системы экологического мониторинга для получения высокоточных данных и уже внедрены элементы единой информационно-аналитической базы данных, либо действует современная территориальная система. Что касается финансового и человеческого потенциала министерств, у каждого региона, во-первых, отмечены проблемы в соотношении планируемых и фактических расходов, акцентируется внимание на недостатке финансовых средств, во-вторых, количество сотрудников не соответствует полномочиям органа власти, и большинство работников либо не проходят повышение квалификации, либо Министерство не предоставляет данную информацию на сайте. По показателю «Информация и расследование» все выделенные субъекты РФ демонстрируют отсутствие информации об экологическом мониторинге (информацию об объектах, находящихся под контролем, перечень контрольных показатели и их допу-

стимых значений, временные масштабы.). Поэтому ни одному из субъектов РФ не присваиваются максимальные баллы. В рамках анализа показателя «Доступ к информации» в большинстве субъектов РФ, исключая Нижегородскую область и Чеченскую Республику, представлена обновленная информация по каждому из разделов сайта, поэтому они получают максимальные баллы. В двух указанных выше регионах часть разделов остаются пустыми или находятся в стадии заполнения, например, в Чеченской Республике это раздел «Администрирование платежей», в Нижегородской области – «Общая информация об обращениях граждан». Анализируя показатель «Надлежащий учет комментариев», отметим, что только природоохранное министерство Хабаровского края демонстрирует четкую систему работы с заявлениями и обращениями граждан, публикуются обзоры обращений за каждый квартал, ответы на наиболее часто встречаемые вопросы, работает система «Инцидент-менеджмент». В свою очередь в Красноярском крае Министерство экологии и рационального природопользования не публикует обзор обращений граждан, как и в Нижегородской республике, в Республике Коми и Чеченской Республике отсутствуют официальные комментарии. Общественные экологические советы в большинстве рассматриваемых регионов не выполняют роли консультативно-совещательного органа, так как в протоколах отсутствует информация о разработке предложений, замечаний и рекомендаций к деятельности министерства, протоколы носят формальный характер. Кроме того, отмечена низкая активность данных советов (заседания проводятся 2–4 раза в год). Исключение составляют Республика Коми и Хабаровский край, где отмечена достаточно высокая активность советов (8–10 заседаний в год), участие разнообразных групп заинтересованных сторон, наличие в протоколах содержательных замечаний и предложений. Далее обратим внимание на то, что каждый из анализируемых субъектов РФ осуществляет сотрудничество с заинтересованными сторонами: гражданским обществом (Красноярский край, Республика Коми, Хабаровский край, Чеченская Республика), университетами (Красноярский край, Республика Коми, Нижегородская область), малым и средним предпринимательством (Крас-

ноярский край), крупным бизнесом (Красноярский край, Республика Коми, Хабаровский край, Нижегородская область, Чеченская Республика). Ключевыми направлениями совместной деятельности являются экологическое образование, сокращение объемов бытовых отходов, их переработка, развитие ESG-проектов, развитие экологически рационального высокотехнологичного производства, лесовосстановление, экологический контроль, проведение совместных исследований в области охраны окружающей среды. Однако в Красноярском крае и Республике Коми осуществляется в том числе международное и межрегиональное сотрудничество (например, с такими странами, как Япония, Швеция, Финляндия, Норвегия) и, в целом, взаимодействие со стейкхолдерами охватывает большинство из направлений, реализуемых министерствами, поэтому эти субъекты РФ получают максимальные баллы по данному показателю. Наконец, министерство каждой из двух групп регионов осуществляет внедрение инноваций в сфере охраны окружающей среды, которые связаны с биоэнергетикой, альтернативными источниками энергии (например, биогазом), энергосбережением, раздельным сбором отходов, поэтому по показателю «Зеленый» инновационный потенциал» каждый из субъектов РФ получает 1 балл.

Итоговые баллы каждого из представленных регионов отражены в таблице 3.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

На основе анализа двух групп регионов было выявлено, что один субъект РФ имеет высокий уровень экологического управления – Чувашская Республика – 9 баллов, у четырех регионов средний уровень (Хабаровский край – 8, Красноярский край – 8 баллов, Республика Коми – 7 баллов, Нижегородская область – 7) и в одном регионе (Чеченская Республика – 6) наблюдается уровень экологического управления ниже среднего.

Кроме того, можно выделить несколько как общих, так и отличных аспектов экологического управления в рассматриваемых субъектах РФ.

В каждом из анализируемых субъектов РФ природоохранные органы в той или иной степени привлекают заинтересованные стороны для сотрудничества: университетское сообщество, общественные и некоммерческие организации, малый, средний и крупный бизнес, в не-

которых регионах есть межрегиональное и международное сотрудничество. Там, где существуют два природоохранных министерства, шире сотрудничество у Министерства экологии, что связано с более разнообразными направлениями деятельности.

Что касается координации между природоохранным министерством и другими региональными органами власти, в каждом из субъектов РФ она осуществляется по ограниченному кругу направлений деятельности и в основном в рамках реализации государственных программ.

Также стоит обратить внимание на разные показатели активности и роли общественных экологических советов: в двух регионах (Чеченская Республика и Красноярский край), согласно анализу протоколов, совет не выполняет функцию консультативного и совещательного органа, что говорит о формализованном характере его деятельности.

Говоря об отличительных особенностях экологического управления, в двух группах можно выделить следующее. В Нижегородской области не сбалансированы полномочия между двумя министерствами, что проявляется в смешении государственных программ между двумя органами власти. Так, в государственной программе Министерства экологии и природных ресурсов «Охрана окружающей среды» присутствует две подпрограммы: по биологическому разнообразию и сохранению, воспроизводству и рациональному использованию объектов животного мира, относящиеся к полномочиям другого министерства, при этом в соисполнителях и участниках программы Министерство лесного хозяйства и охраны объектов животного мира не значится.

Далее в первой группе регионов экологические инновации реализуют природоохранные органы совместно с другими стейкхолдерами, во второй группе инициативы по инновационным проектам исходят от предприятий, крупного бизнеса, некоммерческих организаций, университетов.

Вторая группа регионов сотрудничает с более широким кругом стейкхолдеров: широкое международное, межрегиональное сотрудничество, привлечение крупного бизнеса, НКО, общественных организаций, университетов и малого и среднего бизнеса и т. д.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

С одной стороны, не обнаружено четких различий в экологическом управлении, исходя из финансового обеспечения регионов. Возможно, у регионов РФ нет сильного дисбаланса в сотрудничестве с заинтересованными сторонами, так как в большинстве совместных направлений не требуется дополнительного привлечения финансовых средств со стороны органов власти, так как их взаимодействие направлено на проведение экологической экспертизы программ и инвестпроектов; развитие экологического образования и воспитания сотрудников организаций; внедрение принципов устойчивого развития; сотрудничество в области экологизации и получения ESG-заключений для предприятий, привлечения крупных компаний в отрасль лесозаготовки, проведения экологического надзора и контроля и т.д. Иными словами, это влечет за собой дополнительные расходы заинтересованных сторон, которые вкладываются в развитие как принципов ESG, так и экологического благополучия региона в целом.

Однако все же можно выделить несколько аспектов, в которых наблюдаются отличия. Во-первых, в субъектах РФ, где доля фактических расходов ниже, природоохранные министерства больше внимания уделяют сотрудничеству со стейкхолдерами, так как зафиксировано большее количество направлений, возможно, в связи с необходимостью привлечения дополнительных ресурсов, как материальных, так и нематериальных, и, возможно, там это взаимодействие более системно выстроено. Более активную совместную деятельность органов власти и заинтересованных сторон во второй группе субъектов РФ можно объяснить и их инвестиционной привлекательностью – реализацией огромного количества крупных инвестиционных проектов и в связи с этим заинтересованностью разных групп в сотрудничестве. Наиболее привлекательными для субъектов региональной политики и стейкхолдеров являются следующие направления: экологическое просвещение, экологический контроль и надзор, экологическая экспертиза, ESG-принципы, исследования в области улучшения состояния окружающей среды. Наоборот, наименее заинтересованы органы власти в сотрудничестве по направлению сохранения биоразнообразия, радиационной безопасности, защиты водных объектов от за-

грязнения. Во-вторых, несмотря на наличие инновационных технологий во всех субъектах РФ, во второй группе регионов инициатива в их продвижении принадлежит в большей степени крупным промышленным предприятиям, для которых это возможность в долгосрочной перспективе сэкономить финансовые ресурсы, а также сохранить конкурентные преимущества на мировом рынке.

Обратим внимание на то, что большинство регионов используют формальный подход при реализации своих полномочий – отмечено большое количество административной работы в экологическом управлении, так как наблюдаются высокие оценки по индикаторам, касающимся четкого распределения полномочий, обновления, открытости информации на сайте, техническому потенциалу министерства. В этом проявляется институциональная характеристика российского публичного управления.

Среди всех анализируемых регионов Чувашию можно рассматривать в качестве ориентира качественного экологического управления: у нее наиболее высокие баллы согласно интегральной оценке, соответственно отмечена активная работа практически по всем показателям. В работе С. Земцова и соавторов, посвященной анализу экологической эффективности и устойчивого развития регионов России, этому региону приписывается высокая экологическая эффективность [35], наряду с крупными центрами – Москвой, Санкт-Петербургом и т.д.

Напротив, худшим регионом в плане экологического управления можно назвать Чеченскую Республику из-за низких баллов согласно выбранной системе оценки, о чем свидетельствует формальное наличие общественного совета, непрозрачное разделение полномочий между отделами, необоснованно большое количество сотрудников, привлечение узкого круга стейкхолдеров для совместной работы, плохая наполненность сайта. Отдельно отметим, что Чеченская Республика также сильно выделяется из регионов РФ отсутствием ориентации при разработке своего политического курса в области охраны окружающей среды как на политику федерального центра, так и на собственные региональные экологические проблемы [36]. Иными словами, неясно, что учитывает природоохранный орган данного региона при разработке экологической политики.

Также, опираясь на исследование С. Земцова и соавторов, обратим внимание, что экологически эффективной является и Нижегородская область, которая входит в первую группу регионов, как отмечают авторы, благодаря высокой доле сектора услуг, внедрению новых технологий, ниже показатели энергопотребления, использования воды и загрязнения атмосферы. В Чеченской Республике у авторов не было необходимых данных для оценки данного региона. С другой стороны, наименее экологически эффективные регионы располагаются во второй группе – Красноярский край, Республика Коми, Хабаровский край. Их низкая экологическая эффективность обусловлена высокой долей низкотехнологичной промышленности и, соответственно, высокими удельными объемами выбросов и потребления энергии, подчеркивают авторы исследования. Таким образом, можно предположить, что государственное экологическое управление также может оказывать влияние на экологическую эффективность региона.

Опираясь на вышесказанное, можно выделить несколько аспектов, требующих улучшения для обеспечения более высокого качества экологического управления.

Во-первых, налаживание сотрудничества и планирование совместной деятельности с большим спектром министерств. Сейчас в основном природоохранные министерства осуществляют взаимодействие с министерствами промышленности, строительства, жилищно-коммунального хозяйства, социальной политики, режиссуры здравоохранения, образования, транспорта, и это взаимодействие происходит в основном в рамках реализации государственных программ. Необходимо расширять количество направлений и проектов. Например, включать в совместную работу вопросы по предотвращению и адаптации к изменению климата, касающиеся снижения зависимости от ископаемого топлива, сокращения выбросов транспортных средств, использования энергоэффективных автомобильных технологий, продвижения экологически чистой энергии, развивая сотрудничество с Министерством энергетики.

Во-вторых, использование человеческого потенциала сотрудников. У каждого министерства количество сотрудников сильно варьируется, хотя функции и отделы зачастую примерно одни и те же. Сложно оценивать необходимость/до-

статочность количества сотрудников при совпадении у разных министерств количества направлений, поэтому необходимо планировать развитие трудового потенциала сотрудников для более эффективной и рациональной работы, например, реализовывать мероприятия по управлению человеческими ресурсами, регулярно пересматривать квалификационные характеристики, учитывая автоматизацию технологических процессов и уровень компетенции работников и т.д., так как складывается впечатление, что количество привлечённых сотрудников не всегда адекватно соответствует распределению полномочий министерства.

В-третьих, необходимо усилить роль общественного экологического совета, возможно, расширяя его функции, так как в него входят эксперты из различных областей, имеющие большой опыт в экологической сфере. Дополнительными функциями совета могут стать частичный контроль над принятием решений исполнительного органа власти либо их оценка на предмет отсутствия конфликтных интересов и соответствия экологическому законодательству, мониторинг деятельности министерства и оценка проводимой политики.

В-четвертых, необходимо расширять коллаборацию с заинтересованными сторонами, увеличивая количество направлений и форм взаимодействия: с университетами – через заключение соглашений / подписание законов о взаимодействии, с бизнесом – через государственно-частное партнерство, с некоммерческими организациями – пользуясь услугами специализированных центров экологических экспертных исследований и оценки рисков, при необходимости широко применяя фандрайзинговые и краудфандинговые платформы.

Резюмируя все вышесказанное, можно отметить, что в результате анализа экологического управления ни один регион не получил максимального количества баллов. Это свидетельствует о существующих пробелах в качественном управлении окружающей средой. Можно предположить, что проблемы связаны как с ограниченным финансовым и человеческим потенциалом, так и слабым проявлением инициативы локальных природоохранных органов по выходу за рамки предписанных норм и законов, утверждённых на федеральном уровне.

На данный момент осуществляется неполноценное экологическое управление, результаты

которого не могут обеспечить стабильного благоприятного состояния окружающей среды. Итак, улучшить управление окружающей средой возможно путем внедрения более инклюзивных многоуровневых форм регулирования, формирования институтов, которые будут способство-

вать совместному управлению, эффективной координации между органами, иными словами, создания гибкой системы управления, в которой особое внимание уделяется прогнозированию, обучению, адаптации, инновациям и приспособлению к постоянно меняющимся условиям. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. LEMOS, M. C., & AGRAWAL, A. (2006). Environmental governance. *Annual Review of Environment and Resources*, 31(1), 297–325. <https://doi.org/10.1146/annurev.energy.31.042605.135621>.
2. LOOMIS, J. J., DE OLIVEIRA, C. M. R., & DZIEDZIC, M. (2021). Environmental federalism in EIA policy: A comparative case study of Paraná, Brazil and California, US. *Environmental Science & Policy*, 122, 75–82. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2021.03.015>.
3. MILLIMET, D. L. (2014). Environmental federalism: A survey of the empirical literature. *Case Western Reserve Law Review*, 64(4), 1669. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2372540>.
4. PAAVOLA, J. (2015). Multi-level environmental governance: Exploring the economic explanations. *Environmental Policy and Governance*, 26(3), 143–154. <https://doi.org/10.1002/eet.1698>.
5. REED, M. S. (2008). Stakeholder participation for environmental management: A literature review. *Biological Conservation*, 141(10), 2417–2431. <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2008.07.014>.
6. RYDIN, Y., & PENNINGTON, M. (2000). Public participation and local environmental planning: The collective action problem and the potential of social capital. *Local Environment*, 5(2), 153–169. <https://doi.org/10.1080/13549830050009328>.
7. NEWIG, J., & FRITSCH, O. (2009). More Input – Better Output: Does Citizen Involvement Improve Environmental Governance?. In I. Blühdorn (Ed.) *In Search of Legitimacy: Policy Making in Europe and the Challenge of Complexity* (pp. 205–224). Verlag Barbara Budrich. <https://doi.org/10.2307/j.ctvhkthkn.15>.
8. ГОЛОДОВА Ж. Г. Финансовый потенциал региона: сущность и элементы управления // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2010. № 4. С. 13–21. EDN MWPOZL.
9. ANGGRAENI, M., GUPTA, J., & VERREST, H. J. (2019). Cost and value of stakeholders participation: A systematic literature review. *Environmental Science & Policy*, 101, 364–373. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2019.07.012>.
10. ADELE, C., & WEILAND, S. (2012). Policy assessment: The state of the art. *Impact Assessment and Project Appraisal*, 30(1), 25–33. <https://doi.org/10.1080/14615517.2012.663256>.
11. MACDONALD, G., STARR, G., SCHOOLEY, M., YEE, S. L., KLIMOWSKI, K., & TURNER, K. (2001). *Introduction to program evaluation for comprehensive tobacco control programs*. Centers for Disease Control and Prevention. <https://doi.org/10.1037/e309162004-001>.
12. THEODOULOU, S. Z., & KOFINIS, C. (2004). *The Art of the Game: Understanding Policy Making*. Thomson Wadsworth.
13. AZAM, M., LIU, L., & AHMAD, N. (2020). Impact of institutional quality on environment and energy consumption: Evidence from developing world. *Environment, Development and Sustainability*, 23(2), 1646–1667. <https://doi.org/10.1007/s10668-020-00644-x>.
14. ABREU, M., SOARES, I., & SILVA, S. (2022). Governance quality and environmental policy on emergent, resource-rich economies: The case of Brazil. *Energy Reports*, 8(3), 70–75. <https://doi.org/10.1016/j.egy.2022.01.041>.
15. ROSE, M. (2009). The environmental impacts of offshore oil drilling. *Technology Teacher*, 68(5), 27–32.
16. MAVRAGANI, A., NIKOLAOU, I., & TSAGARAKIS, K. (2016). Open economy, institutional quality, and environmental performance: A macroeconomic approach. *Sustainability*, 8(7), 601. <https://doi.org/10.3390/su8070601>.
17. DENG, J., ZHANG, N., AHMAD, F., & DRAZ, M. U. (2019). Local government competition, environmental regulation intensity and regional innovation performance: An empirical investigation of chinese provinces. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(12), 2130. <https://doi.org/10.3390/ijerph16122130>.
18. LIU, J., & XIE, J. (2020). Environmental regulation, technological innovation, and export competitiveness: An empirical study based on china's manufacturing industry. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(4), 1427. <https://doi.org/10.3390/ijerph17041427>.

19. GLASGOW, D., & ZHAO, S. (2016). Has the clean air interstate rule fulfilled its mission? An assessment of federal rule-making in preventing regional spillover pollution. *Review of Policy Research*, 34(2), 186–207. <https://doi.org/10.1111/ropr.12225>.
20. BIERMANN, F., & DINGWERTH, K. (2004). Global environmental change and the nation state. *Global Environmental Politics*, 4(1), 1–22. <https://doi.org/10.1162/152638004773730185>.
21. NAJAM, A., CHRISTOPOULOU, I., & MOOMAW, W. R. (2004). The emergent “system” of global environmental governance. *Global Environmental Politics*, 4(4), 23–35. <https://doi.org/10.1162/glep.2004.4.4.23>.
22. ДОВРОЛЮБОВА Е. И. К вопросу о взаимосвязи качества государственного управления и человеческого развития // **Вопросы государственного и муниципального управления**. 2020. № 4. С. 31–58. EDN BRTRWO.
23. GISSELQUIST, R. M. (2014). Developing and evaluating governance indexes: 10 questions. *Policy Studies*, 35(5), 513–531. <https://doi.org/10.1080/01442872.2014.946484>.
24. BOVAIRD, T., & LOEFFLER, E. (2007). Assessing the quality of local governance: A case study of public services. *Public Money and Management*, 27(4), 293–300. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9302.2007.00597.x>.
25. РУСИН С. Н. Развитие государственного управления в области охраны окружающей среды // **Lex Russica (Русский закон)**. 2016. № 6 (115). С. 82–90. EDN WYMHVN.
26. VIZEU PINHEIRO, M., ROJAS SÁNCHEZ, L., LONG, S., & PONCE, A. (2020). *Environmental Governance Indicators for Latin America & the Caribbean*. Inter-American Development Bank. <https://doi.org/10.18235/0002398>.
27. KONDRATIUK-NIERODZIŃSKA, M. (2016). New knowledge generation capabilities and economic performance of Polish regions. *Equilibrium*, 11(3), 451–471. <https://doi.org/10.12775/equil.2016.021>.
28. ШКИПЕРОВА Г. Т., ДРУЖИНИН П. В. Оценка результативности политики в сфере обеспечения экологической безопасности регионов России // **Экономический анализ: теория и практика**. 2020. Т. 19, № 4 (499). С. 633–649. EDN WGOSTA.
29. PENG, B., LI, Y., WEI, G., & ELAHI, E. (2018). Temporal and spatial differentiations in environmental governance. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(10), 2242. <https://doi.org/10.3390/ijerph15102242>.
30. YANG, J., XUE, D., & HUANG, G. (2020). The changing factors affecting local environmental governance in China: Evidence from a study of prefecture-level cities in Guangdong Province. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(10), 3573. <https://doi.org/10.3390/ijerph17103573>.
31. CHOW, J. K. F., & KENNEDY, K. J. (2012). Citizenship and governance in the Asian Region: Insights from the international civic and citizenship education study. *Public Organization Review*, 12(3), 299–311. <https://doi.org/10.1007/s11115-012-0189-4>.
32. DUAN, X., DAI, S., YANG, R., DUAN, Z., & TANG, Y. (2020). Environmental collaborative governance degree of government, corporation, and public. *Sustainability*, 12(3), 1138. <https://doi.org/10.3390/su12031138>.
33. YANG, L., YUAN, S., & SUN, L. (2012). The relationships between economic growth and environmental pollution based on time series data? An empirical study of Zhejiang Province. *Journal of Cambridge Studies*, 7(1), 33–42. <https://doi.org/10.17863/cam.1411>.
34. CIALANI, C. (2007). Economic growth and environmental quality. *Management of Environmental Quality: An International Journal*, 18(5), 568–577. <https://doi.org/10.1108/14777830710778328>.
35. ЗЕМЦОВ С. П., КИДЯЕВА В. М., БАРИНОВА В. А., ЛАНЬШИНА Т. А. Экологическая эффективность и устойчивое развитие регионов России за двадцатилетие сырьевого роста // **Экономическая политика**. 2020. Т. 15, № 2. С. 18–47. EDN WUZPOS.
36. ТУРЦЕВА К. П. Векторы разработки региональной экологической политики в России: анализ государственных программ // **Вестник Пермского университета. Политология**. 2022. Т. 16, № 3. С. 27–40. EDN LYJGDO.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Турцева Кристина Павловна – Пермский государственный национальный исследовательский университет (аспирант историко-политологического факультета; 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15); burdina.k@bk.ru. AuthorID РИНЦ: 1189701, ORCID: 0000-0003-2109-7772.

Статья получена: 03.03.2023. Заключение рецензента: 31.03.2023. Принята к печати: 17.04.2023.

QUALITY OF REGIONAL POLICY IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION: ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN THE RUSSIAN REGIONS

Turtseva K. P.^a

^a Perm State National Research University

ABSTRACT:

Introduction. Stakeholder participation is becoming increasingly prioritized for achieving inclusive environmental governance. Nowadays, policy-makers are increasingly promoting the idea of cooperation in public governance to solve complex environmental problems. The research of stakeholder participation in regional environmental management is of prime interest for understanding the factors influencing the intensity of this interaction. This work contributes to the study of environmental governance by identifying the impact of the financial security of the Russian regions in the field of environmental protection on the scope of stakeholders representation and participation in environmental governance.

Materials and methods. The methods were statistical analysis of data processing - descriptive statistics and comparative analysis of environmental governance following the proposed by the author methodology in the Russian regions, which differ in socio-economic indicators and environmental expenditures based on the material of the websites of regional executive environmental authorities.

Results. The study showed the absence of clear differences in the breadth of representation of various stakeholder categories and areas for cooperation in the implementation of environmental governance based on the financial provision of the regions, which indicates the presence of other factors affecting the intensity of this interaction. Despite this, it was found that the group of regions with low environmental costs has a slightly more active interaction with stakeholders: more areas, forms of cooperation and categories of stakeholders are involved. This may be due to the investment attractiveness of this group of regions - the implementation of a huge number of large investment projects, and additional costs for cooperation on the part of stakeholders. As a result, no region received the maximum number of points according to the proposed methodology for analyzing the quality of environmental governance, which indicates the existing gaps in environmental governance in the regions considered.

Discussion. The proposals formed on the basis of the conducted analysis will allow regional authorities to improve environmental governance and work more intensively with various interested groups. In addition, the analysis of environmental governance proposed by the author in terms of financing and participation of stakeholders in the decision-making process deepens the theoretical understanding of the implementation specifics of regional environmental governance in modern Russia.

KEYWORDS: regional environmental policy, regional environmental governance, quality of environmental governance, quality of environmental protection, stakeholders, Russian regions.

FOR CITATION: Turtseva, K. P. (2023). Quality of regional policy in the field of environmental protection: environmental management in the Russian regions. *Management Issues*, 17(3), 72–89. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-3-72-89>.

REFERENCES

1. LEMOS, M. C., & AGRAWAL, A. (2006). Environmental governance. *Annual Review of Environment and Resources*, 31(1), 297–325. <https://doi.org/10.1146/annurev.energy.31.042605.135621>.

2. LOOMIS, J. J., DE OLIVEIRA, C. M. R., & DZIEDZIC, M. (2021). Environmental federalism in EIA policy: A comparative case study of Paraná, Brazil and California, US. *Environmental Science & Policy*, 122,

75–82. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2021.03.015>.

3. MILLIMET, D. L. (2014). Environmental federalism: A survey of the empirical literature. *Case Western Reserve Law Review*, 64(4), 1669. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2372540>.

4. PAAVOLA, J. (2015). Multi-level environmental governance: Exploring the economic explanations. *Environmental Policy and Governance*, 26(3), 143–154. <https://doi.org/10.1002/eet.1698>.

5. REED, M. S. (2008). Stakeholder participation for environmental management: A literature review. *Biological Conservation*, 141(10), 2417–2431. <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2008.07.014>.

6. RYDIN, Y., & PENNINGTON, M. (2000). Public participation and local environmental planning: The collective action problem and the potential of social capital. *Local Environment*, 5(2), 153–169. <https://doi.org/10.1080/13549830050009328>.

7. NEWIG, J., & FRITSCH, O. (2009). More Input – Better Output: Does Citizen Involvement Improve Environmental Governance?. In I. Blühdorn (Ed.) *In Search of Legitimacy: Policy Making in Europe and the Challenge of Complexity* (pp. 205–224). Verlag Barbara Budrich. <https://doi.org/10.2307/j.ctvhkthn.15>.

8. GOLODOVA, ZH. G. (2010). Financial potential of region: Essence and management elements. *RUDN Journal of Economics*, (4), 13–21. <https://elibrary.ru/mwpoz1>.

9. ANGGRAENI, M., GUPTA, J., & VERREST, H. J. (2019). Cost and value of stakeholders participation: A systematic literature review. *Environmental Science & Policy*, 101, 364–373. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2019.07.012>.

10. ADELLE, C., & WEILAND, S. (2012). Policy assessment: The state of the art. *Impact Assessment and Project Appraisal*, 30(1), 25–33. <https://doi.org/10.1080/14615517.2012.663256>.

11. MACDONALD, G., STARR, G., SCHOOLEY, M., YEE, S. L., KLIMOWSKI, K., & TURNER, K. (2001). *Introduction to program evaluation for comprehensive tobacco control programs*. Centers for Disease Control and Prevention. <https://doi.org/10.1037/e309162004-001>.

12. THEODOULOU, S. Z., & KOFINIS, C. (2004). *The Art of the Game: Understanding Policy Making*. Thomson Wadsworth.

13. AZAM, M., LIU, L., & AHMAD, N. (2020). Impact of institutional quality on environment and energy consumption: Evidence from developing world. *Environment, Development and Sustainability*,

23(2), 1646–1667. <https://doi.org/10.1007/s10668-020-00644-x>.

14. ABREU, M., SOARES, I., & SILVA, S. (2022). Governance quality and environmental policy on emergent, resource-rich economies: The case of Brazil. *Energy Reports*, 8(3), 70–75. <https://doi.org/10.1016/j.egy.2022.01.041>.

15. ROSE, M. (2009). The environmental impacts of offshore oil drilling. *Technology Teacher*, 68(5), 27–32.

16. MAVRAGANI, A., NIKOLAOU, I., & TSAGARAKIS, K. (2016). Open economy, institutional quality, and environmental performance: A macroeconomic approach. *Sustainability*, 8(7), 601. <https://doi.org/10.3390/su8070601>.

17. DENG, J., ZHANG, N., AHMAD, F., & DRAZ, M. U. (2019). Local government competition, environmental regulation intensity and regional innovation performance: An empirical investigation of chinese provinces. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 16(12), 2130. <https://doi.org/10.3390/ijerph16122130>.

18. LIU, J., & XIE, J. (2020). Environmental regulation, technological innovation, and export competitiveness: An empirical study based on china's manufacturing industry. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(4), 1427. <https://doi.org/10.3390/ijerph17041427>.

19. GLASGOW, D., & ZHAO, S. (2016). Has the clean air interstate rule fulfilled its mission? An assessment of federal rule-making in preventing regional spillover pollution. *Review of Policy Research*, 34(2), 186–207. <https://doi.org/10.1111/ropr.12225>.

20. BIERMANN, F., & DINGWERTH, K. (2004). Global environmental change and the nation state. *Global Environmental Politics*, 4(1), 1–22. <https://doi.org/10.1162/152638004773730185>.

21. NAJAM, A., CHRISTOPOULOU, I., & MOOMAW, W. R. (2004). The emergent “system” of global environmental governance. *Global Environmental Politics*, 4(4), 23–35. <https://doi.org/10.1162/glep.2004.4.4.23>.

22. DOBROLYUBOVA, E. I. (2020). In reference to the correlation between governance quality and human development. *Public Administration Issues*, (4), 31–58. <https://elibrary.ru/brtrwo>.

23. GISSELQUIST, R. M. (2014). Developing and evaluating governance indexes: 10 questions. *Policy Studies*, 35(5), 513–531. <https://doi.org/10.1080/01442872.2014.946484>.

24. BOVAIRD, T., & LOEFFLER, E. (2007). Assessing the quality of local governance: A case study of public services. *Public Money and Management*, 27(4),

293–300. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9302.2007.00597.x>.

25. RUSIN, S. N. (2016). Development of public administration in the field of environmental protection. *Lex Russica*, (6), 82–90. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.115.6.082-090>.

26. VIZEU PINHEIRO, M., ROJAS SÁNCHEZ, L., LONG, S., & PONCE, A. (2020). *Environmental Governance Indicators for Latin America & the Caribbean*. Inter-American Development Bank. <https://doi.org/10.18235/0002398>.

27. KONDRATIUK-NIERODZIŃSKA, M. (2016). New knowledge generation capabilities and economic performance of Polish regions. *Equilibrium*, 11(3), 451–471. <https://doi.org/10.12775/equil.2016.021>.

28. SHKIPEROVA, G. T., & DRUZHININ, P. V. (2020). Evaluating the efficiency of the environmental security policy in the Russian regions. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 19(4), 633–649. <https://doi.org/10.24891/ea.19.4.633>.

29. PENG, B., LI, Y., WEI, G., & ELAHI, E. (2018). Temporal and spatial differentiations in environmental governance. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 15(10), 2242. <https://doi.org/10.3390/ijerph15102242>.

30. YANG, J., XUE, D., & HUANG, G. (2020). The changing factors affecting local environmental governance in China: Evidence from a study of prefecture-level cities in Guangdong Province. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(10), 3573. <https://doi.org/10.3390/ijerph17103573>.

31. CHOW, J. K. F., & KENNEDY, K. J. (2012). Citizenship and governance in the Asian Region: Insights from the international civic and citizenship education study. *Public Organization Review*, 12(3), 299–311. <https://doi.org/10.1007/s11115-012-0189-4>.

32. DUAN, X., DAI, S., YANG, R., DUAN, Z., & TANG, Y. (2020). Environmental collaborative governance degree of government, corporation, and public. *Sustainability*, 12(3), 1138. <https://doi.org/10.3390/su12031138>.

33. YANG, L., YUAN, S., & SUN, L. (2012). The relationships between economic growth and environmental pollution based on time series data? An empirical study of Zhejiang Province. *Journal of Cambridge Studies*, 7(1), 33–42. <https://doi.org/10.17863/cam.1411>.

34. CIALANI, C. (2007). Economic growth and environmental quality. *Management of Environmental Quality: An International Journal*, 18(5), 568–577. <https://doi.org/10.1108/14777830710778328>.

35. ZEMTSOV, S. P., KIDYAEVA, V. M., BARINOVA, V. A., & LANSHINA, T. A. (2020). Ecological efficiency and sustainable regional development in Russia during the 20 years of resource-based growth. *Economic Policy*, 15(2), 18–47. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2020-2-18-47>.

36. TURTSEVA, K. P. (2022). Vectors of the Russian regional environmental policy design: State programs analysis. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 16(3), 27–40. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-3-27-40>.

AUTHORS' INFORMATION:

Christina P. Turtseva – Perm State National Research University (postgraduate student of the Faculty of History and Political Science; 15, Bukirev St., Perm, 614990, Russia); burdina.k@bk.ru. RSCI AuthorID: 1189701, ORCID: 0000-0003-2109-7772.

Article received 03/03/2023; reviewed 03/31/2023; accepted 04/17/2023.

Информация для авторов

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов. Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции management-ui@ranepa.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Представляемая статья должна соответствовать структуре IMRAD и включать разделы:

- **введение** (должно быть достаточно коротким и не содержать лишних сведений. В этом разделе уместно указывать, почему это исследование было проведено, какова предыстория и контекст изучаемого вопроса, какие термины и аббревиатуры будут использоваться в статье);
- **материалы и методы** (что именно было предпринято для сбора сведений, как именно они были проанализированы и представлены. Здесь же необходимо перечислить методы, которые применялись для исследования. Если для работ был создан новый метод, его нужно подробно описать);
- **результаты** (представление новых данных, которые стали доступны благодаря проведенному исследованию. Предыдущие разделы должны описывать причины и средства, которые привели авторов к определенным результатам. Ценность статьи зависит именно от содержания этого раздела. В нем же чаще всего представляются иллюстративные материалы: таблицы, графики и рисунки и пр.);
- **обсуждение** (основная цель раздела – показать, чем полученные результаты важны, и убедить читателя, что проведенные работы имеют ценность. Тезисы из введения и обсуждения должны соответствовать друг другу).

В случае необходимости допустимо включать раздел «Обзор литературы».

Объем статьи должен составлять 30–40 тыс. знаков с пробелами. Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке). Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 20 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (*Web of Science* или *Scopus*). Допускается не более 10 % самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Библиографический список может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности и удобочитаемости, упоминаться непосредственно в тексте.

Обязательным требованием является наличие кодов DOI или EDN в каждом русскоязычном источнике. Для англоязычных источников обязательно наличие только кода DOI. Код EDN можно обнаружить на странице описания публикации в научной электронной библиотеке eLibrary. При отсутствии этих кодов источник следует указывать в виде постраничной сноски.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация

Порядок изложения информации должен соответствовать структуре статьи и включать разделы: введение; материалы и методы; результаты; обсуждение.

Объем аннотации должен составлять от 2 до 2,5 тыс. знаков. Её текст не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже. Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах в следующей последовательности:

- ФИО (полностью);
- идентификационные номера: AuthorID (РИНЦ) – обязательно; ORCID, ScopusID, ResearcherID (Web of Science) – при наличии;
- место работы (учебы) и занимаемая должность;
- ученая степень, ученое звание;
- почтовый адрес (указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом);
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

Не принимаются статьи, направленные в редакцию без выполнения требований настоящих условий публикации.

Научное издание

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82

Издатель:

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес редакции:

620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66

Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<https://journal-management.com/>

Компьютерная вёрстка: Д. И. Трушков
Корректурa: С. А. Кокорин
Перевод: Э. Э. Недоросткова

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012

Дата выхода в свет: 30.06.2023. Формат 60×84/8.
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 10,73. Уч.-изд. л. 10,37. Тираж 999.
Цена свободная

Отпечатано в ООО Издательство и Типография «Альфа Принт».
Адрес: 620049, г. Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. Заказ № _____

